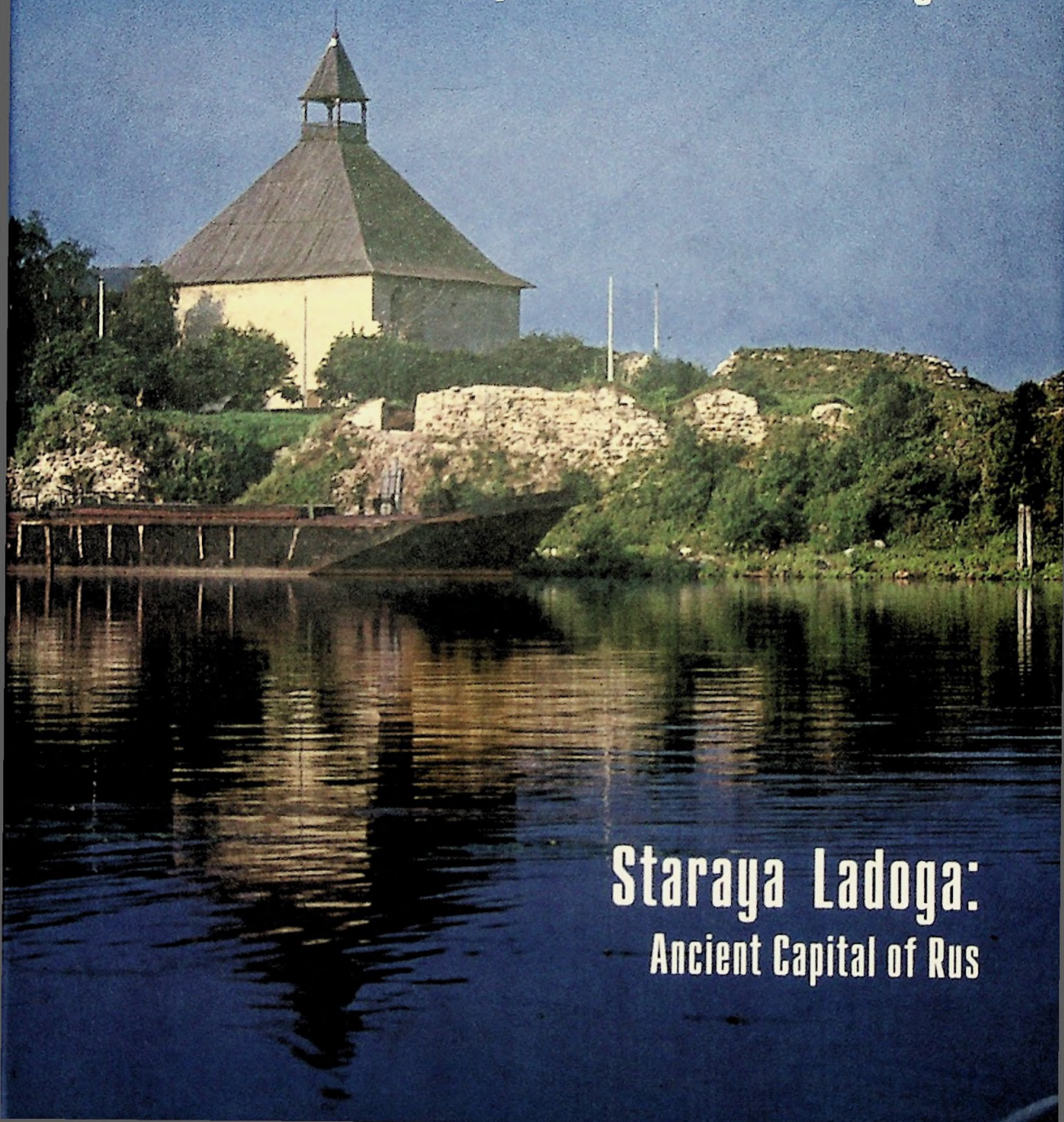

Старая Ладога

Древняя столица Руси

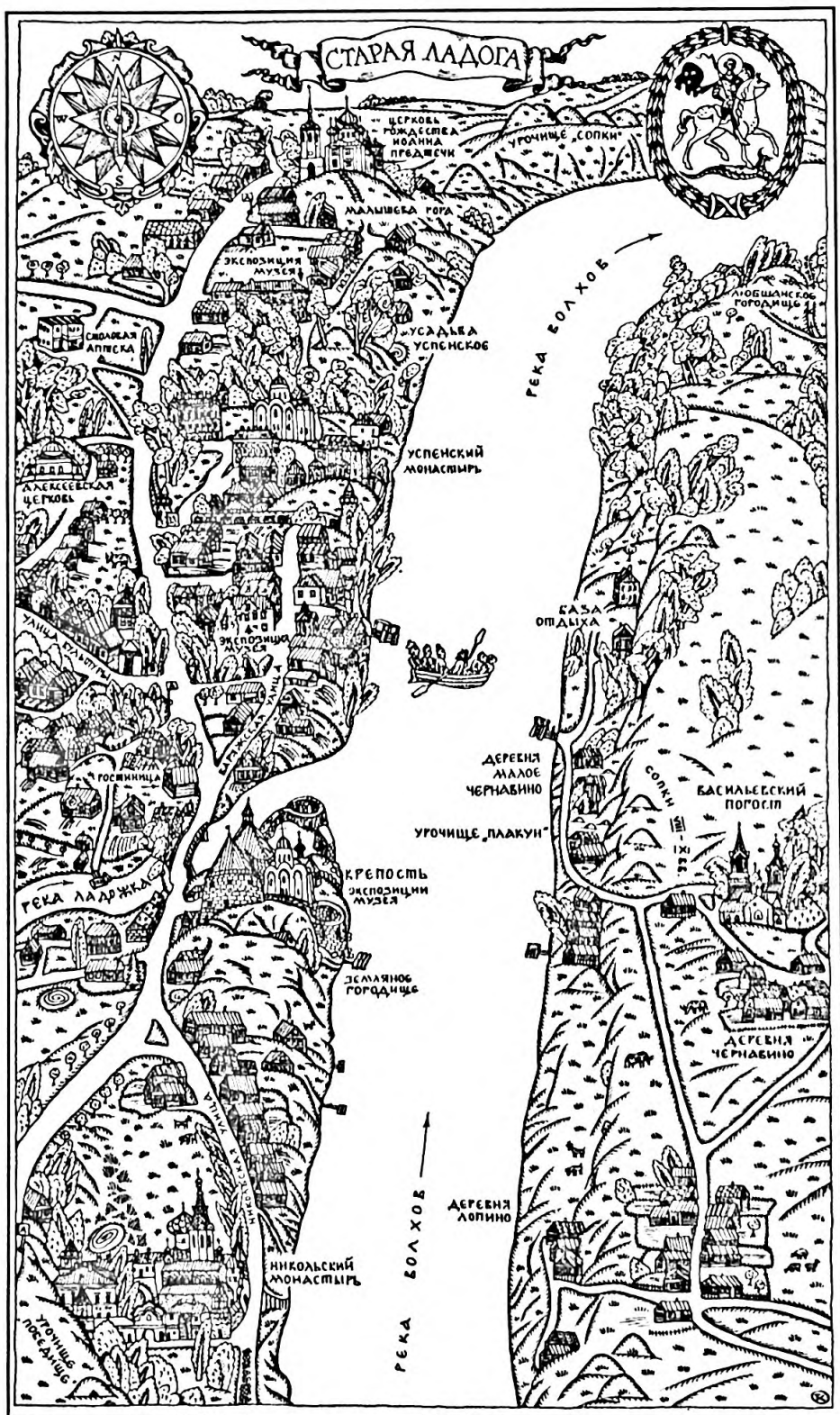

Staraya Ladoga:
Ancient Capital of Rus

Посвящается 1250-летию
Старой Ладоги

Санкт-Петербург
2003

А.Н. Кирпичников
В.Д. Сарабьянов

Старая Ладога

Древняя столица Руси

Anatoly Kirpichnikov
Vladimir Sarabyanov

**Staraya Ladoga:
Ancient Capital
of Rus**

Издание финансируется правительством Ленинградской области

Председатель издательского совета

В.П. Сердюков, губернатор Ленинградской области

Заместитель председателя издательского совета

Н.И. Пустотин, вице-губернатор Ленинградской области

Члены издательского совета:

В.Б. Богуш, председатель комитета по культуре Ленинградской области

Л.А. Губчевская, директор Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника

А.Н. Кирпичников, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН

М.М. Михайличенко, председатель комитета по информации, печати, телерадиовещанию, средствам массовой информации и связи с общественностью Ленинградской области

Дизайн и верстка О.Н. Зверевой

Перевод на английский язык Е.С. Петровой

Фотосъемка:

П.Ф. Афанасенко с. 171

Л.А. Губчевская с. 26, 27, 31, 34, 45, 94

А.Н. Кирпичников с. 12, 13, 16, 17–19, 22, 25, 27, 28, 32, 34, 36–40, 42, 44, 45, 50, 53, 57, 68, 69, 71–77, 82–88, 90, 132, 134, 135, 137, 142, 144, 155, 172, 174

В.Д. Сарабьянов с. 96–99, 101–112, 115–117, 119, 120, 122

В.С. Терехин с. 30

Фотоматериалы предоставлены также Староладожским историко-архитектурным и археологическим музеем-заповедником и Государственным Эрмитажем.

© Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник, 2003

© АО «Славия», Санкт-Петербург, 2003

ISBN 5-9501-0018-2

ОГЛАВЛЕНИЕ

Историческая панорама Старой Ладоги А.Н. Кирпичников	12
Ладога в первые века ее истории А.Н. Кирпичников	50
Фрески церкви св. Георгия В.Д. Сарабьянов	94
Поиски археологов А.Н. Кирпичников	126
Заповедное место России А.Н. Кирпичников	156

Summary

178

CONTENTS

Historical Panorama of Staraya Ladoga Anatoly Kirpichnikov	12
Ladoga in the Early Years of Its Existence Anatoly Kirpichnikov	50
Frescoes in the St. George Church Vladimir Sarabyanov	94
Archaeological Researches Anatoly Kirpichnikov	126
Preservation Area of Russia Anatoly Kirpichnikov	156

В 2003 году Старой Ладоге исполняется 1250 лет. Среди исторических центров России она занимает особое место. Геополитическое, транспортное и торговое значение Ладоги двенадцать веков назад определили ее ведущую роль в создании Северо-Русского государства – предшественника Киевской Руси. С Ладогой связан один из переломных моментов русской истории: в 862 году сюда был приглашен на княжение легендарный Рюрик. Уже в конце VIII века Ладога

становится важнейшим международным торгово-ремесленным центром, через который проходили пути «из варяг в арабы» и «из варяг в греки». За более чем тысячелетие до основания Санкт-Петербурга Ладога была самым северным городом и портом страны, «окном в Европу» для складывающегося Русского государства. Ладогу (с 1704 года Старая Ладога) с полным основанием можно считать первой столицей Северной Руси. Внимание, которое оказывает восстановлению и сохранению исторических памятников Старой Ладоги Президент России В.В. Путин, есть признание значимости древнего города в истории и культуре нашего отечества. По указу Президента РФ 1250 лет Старой Ладоги отмечаются как всероссийский мемориальный праздник.

Здесь, на берегах седого Волхова, как нельзя лучше видна связь времен. Современное состояние граничащей со странами Европейского Содружества Ленинградской области, ведущей строительство важнейших для России морских портов на Балтике, ее развивающаяся экономика, говорят о том, что эти земли не утратили то важное геополитическое значение, которое имела Ладога для Древней Руси.

В многочисленных архитектурных, исторических и археологических памятниках Старой Ладоги отражена тысячелетняя история Российского государства. На 190 гектарах заповедной территории сохранилось более 160 памятников истории и архитектуры. Более тридцати лет Староладожский историко-архитектурный и археоло-

гический музей-заповедник федерального значения оберегает и восстанавливает культурное наследие ушедших эпох.

Исследование древних памятников всегда было тесно связано с проблемами их сохранения и реставрации. Последние годы стали самыми значительными по объему проводимых восстановительных и реставрационных работ. Усилиями правительства Ленинградской области и благодаря содействию администрации Президента Российской Федерации завершены работы по реставрации памятников домонгольской Руси: церкви св. Георгия и церкви Успения Богородицы XII века. При финансовой поддержке правительства Ленинградской области в Старой Ладогe успешно работает археологическая экспедиция Института истории материальной культуры Российской Академии наук, много сделавшая для переосмысления исторической значимости Ладogi. Последние находки и исследования ученых нашли отражение и в данной книге. Содействуя изданию книги А.Н. Кирпичникова и В.Д. Сарабьянова, в областном правительстве убеждены, что она станет еще одной страницей в летописи истории России и еще одним вкладом в сохранение и приумножение уникального культурного и исторического наследия Ленинградской области.

*В. Сердюков,
губернатор
Ленинградской области*

Президент Российской Федерации В.В. Путин принимает губернатора Ленинградской области В.П. Сердюкова и членов областного правительства 27 апреля 2000 г.

.....
President of the Russian Federation V.V. Putin receives Governor of the Leningrad Region V.P. Serdiukov and members of the regional government. 27 April 2000

Staraya Ladoga will be 1250 years old in 2003. It occupies a prominent place among the historic centres of Russia. The geopolitical, trading and commercial role that Ladoga played twelve centuries

ago determined its leading part in the establishment of a state in Northern Russia, the forerunner of Kievan Rus. Ladoga also witnessed a crucial moment in ancient Russian history when, in 862, the legendary Rurik was summoned here to reign. By the end of the 8th century Ladoga had already developed into a most important centre for crafts and international commerce, located as it was on the trading routes "from the Varangians to the Arabs" and "from the Varangians to the Greeks". Predating the foundation of St. Petersburg by more than a millennium, it was the country's northernmost town and port, "a window on Europe" for the emerging Russian state. Ladoga (known as Staraya Ladoga since 1704) can be justly regarded as the first capital of Northern Rus. The attention given by V.V. Putin, President of the Russian Federation, to the reconstruction and preservation of Staraya Ladoga's historical monuments is proof of the recognition of the ancient town's prominence in our national history and culture. As stipulated by a presidential decree, Staraya Ladoga's 1250th birthday is to be observed on a national scale.

It is here, in the vicinity of the hoary River Volkhov, that the continuity of time becomes particularly apparent. The present-day position and dynamic economy of the Leningrad Region, which borders on European Union countries and is concerned with the construction of major Russian sea ports on the Baltic, prove that the area has not altogether lost the outstanding geopolitical importance that Ladoga gained at the time of Old Rus.

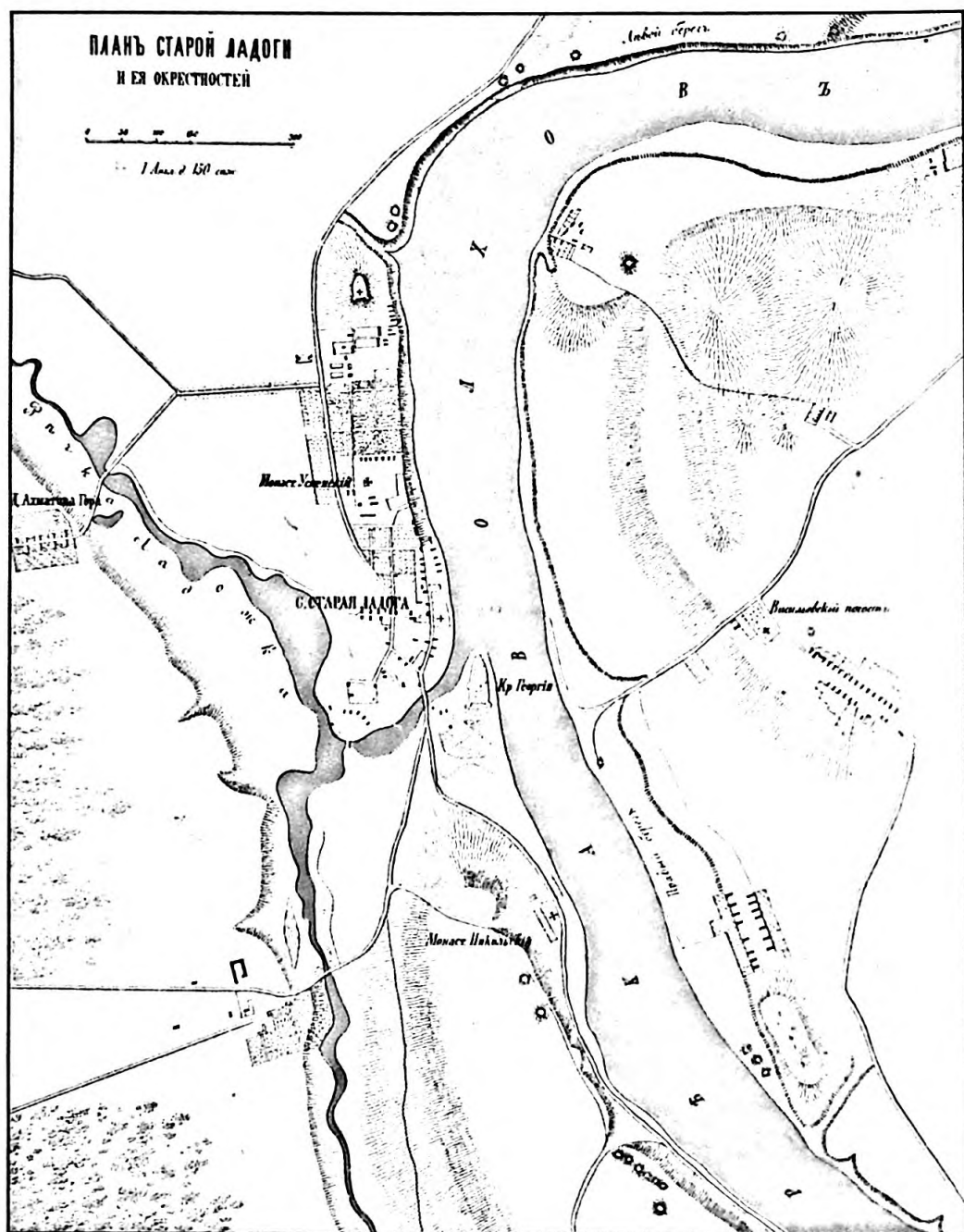
Staraya Ladoga's numerous architectural, historical and cultural landmarks reflect the millennium-long history of the Russian state. The 190-hectare preservation territory houses over 150 monuments pertaining to Russian history and architecture. The Staraya Ladoga

Historical, Architectural and Archaeological Museum and Preservation Area, an institution of federal status, protects and restores the cultural legacy of past epochs.

Research into ancient monuments has always been closely linked with problems of their conservation and restoration. In recent years, substantial reconstruction and restoration work has proceeded on a large scale. Aided by the Administration of the President of the Russian Federation, the Government of the Leningrad Region has accomplished the restoration of two pre-Tartar monuments, the Church of St. George and the Church of the Assumption of the Virgin, dating from the 12th century. With the financial assistance from the Government of the Leningrad Region, the archaeological expedition organized by the Institute of the History of Material Culture affiliated to the Russian Academy of Sciences continues to be active, providing new insights into Ladoga's role in Russian history. The present publication contains an overview of the latest finds and findings. In supporting the new edition of the book by A.N. Kirpichnikov and V.D. Sarabyanov, the members of the Government of the Leningrad Region are convinced that it will add yet another vivid page to Russian history, contributing to the preservation and growth of the Leningrad Region's unique cultural heritage.

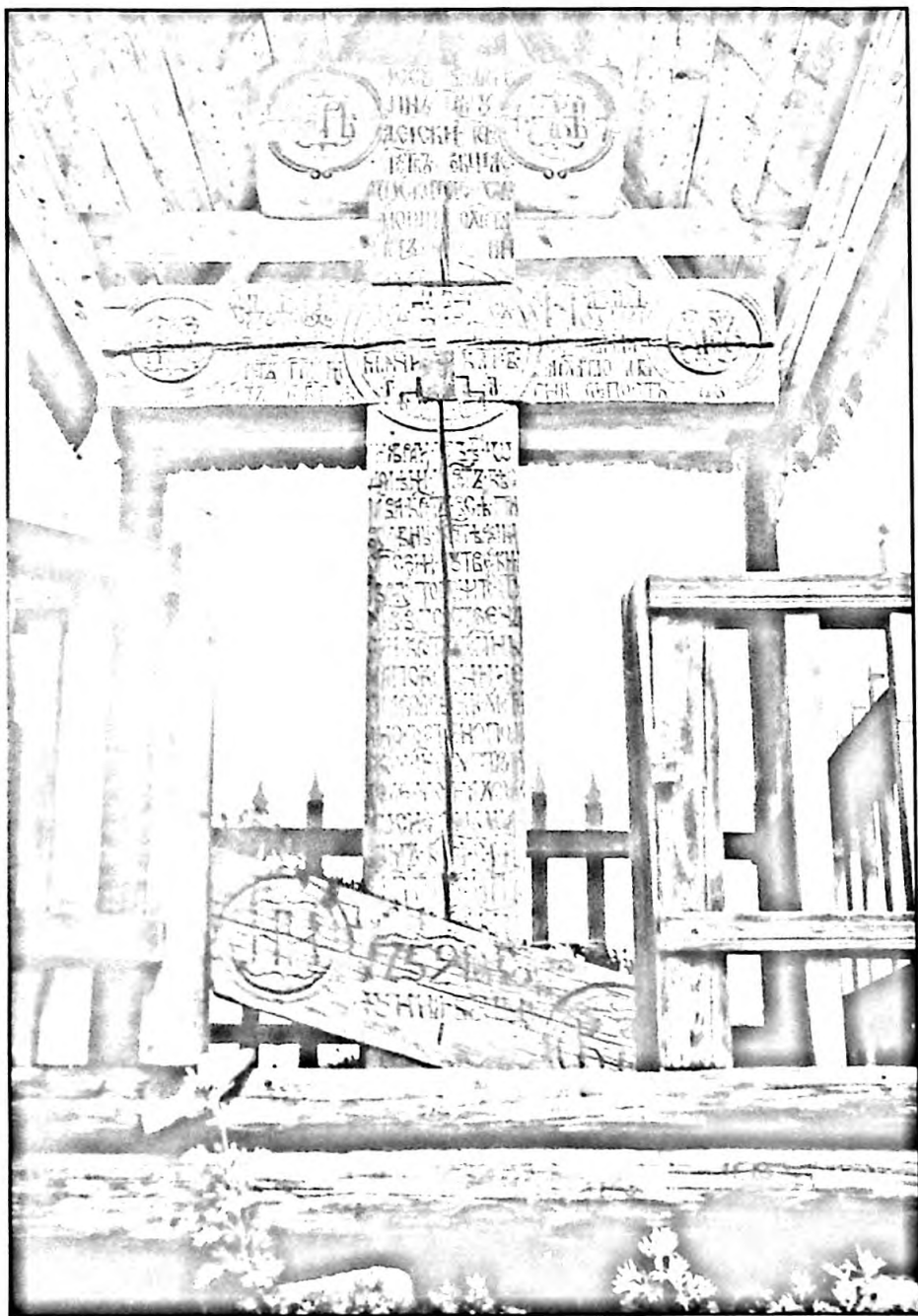

*Valery Serdiukov,
Governor of the Leningrad Region*

План Старой Ладоги.
Первая половина XIX в.

Plan of Staraya Ladoga.
First half of the 19th century

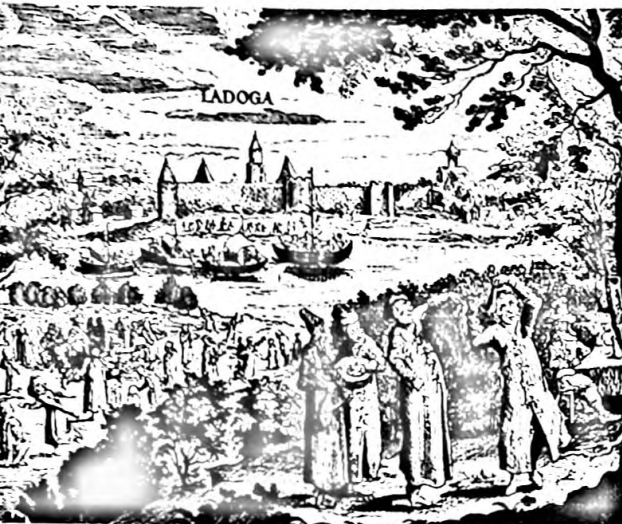
*Памятный крест 1752 года.
Фотография 1912 г.*

*Cross of 1752.
Photograph of 1912*

Историческая панорама Старой Ладоги

*Ладожская крепость в 1634 г.
Гравюра из книги А. Олеария
«Описание путешествия
в Московию...»*

.....

*Ladoga Fortress in 1634.
Engraving from the Account
of the Journey to Muscovy
by Adam Olearius*

Судьба Ладоги необычна: один из важнейших международных центров евразийской торговли и судоходства, столица северных племен, а затем и государства, и правящего дома Рюриковичей, и самый северный порт страны, древнерусский город и крепость на северных рубежах, небольшой сельский поселок и центр искусств, наконец, музей-заповедник общерусского

значения. Город в низовьях Волхова вобрал в себя переменчивую историю не только России, но и Восточной и Северной Европы. Теперь он открывает нам свои культурные и архитектурные богатства. Перефразируя поговорку французских королей, можно сказать: Ладога (как и Париж) стоит мессы.

Небольшое село Старая Ладога Волховского района Ленинградской области расположено на левом берегу реки Волхов, в двенадцати километрах от его устья, а, следовательно, и от южного берега Ладожского озера. Его население ныне составляет 2100 человек, проживающих в 450 домах. До районного города Волхова – 12 км, до Санкт-Петербурга – 128 км.

Знают об этом уголке России немногие. Между тем, место это особенное. Старая Ладога, или как она называлась до 1704 г. – Ладога, была основана славянами не позднее середины VIII в. и в дальнейшем непрерывно развивалась на изначальном месте. Даже дороги и улицы веками не меняли своего направления. Здесь сконцентрированы двенадцать веков русской истории, о чем свидетельствуют около 160 сохранившихся памятников архитектуры, искусства, археологии. В селе и его окрестностях сохранилась старинная застройка: монастыри, церкви, колокольни, дома, амбары. Они окружены или перемежаются рощами, урочищами, курганами, величественными могильными насыпями-сопками.

Название города Ладога связывают с наименованием реки Ладожки. «С несомненностью сначала возник-

ло название реки, затем города, и, наконец, озера (Ладожского)»¹. Что касается происхождения самого названия, то большинство специалистов возводят его к прибалтийско-финским языкам². Здесь встречены полные соответствия. Так, наименование города в низовьях Волхова созвучно балтийской географической лексеме *lataka*, *lataga* в значении «водоточный желоб», «поток», «струя», «ров», «топкое место», «болото»³. Рассматриваемый топоним встречается в географических названиях и имеет параллели в древнерусском языке, а именно в названии разновидности рыбы сиг, зафиксированном в документах XVI–XVII вв., а именно «ладога», «лодога», «лудога», «лудуга»⁴ (Сравни родственное слово «луда» в одном из значений «каменистая отмель», «плитяное дно реки». – А.К.)⁵. Приведенные понятия характерны для природного местоположения Ладоги – у рек Волхова, Ладожки и Заклюки, проходящих здесь через плитяные русла и в недавнем прошлом действительно изобиловавших сигом. Высказано также мнение, что исходным от финского наименования города в низовьях Волхова было скандинавское «Альдейгя», в дальнейшем, «Альдейгьёборг», а уже от них укоренилось древнерусское «Ладога»⁶. Скандинавские

А.Н. Воронихин.

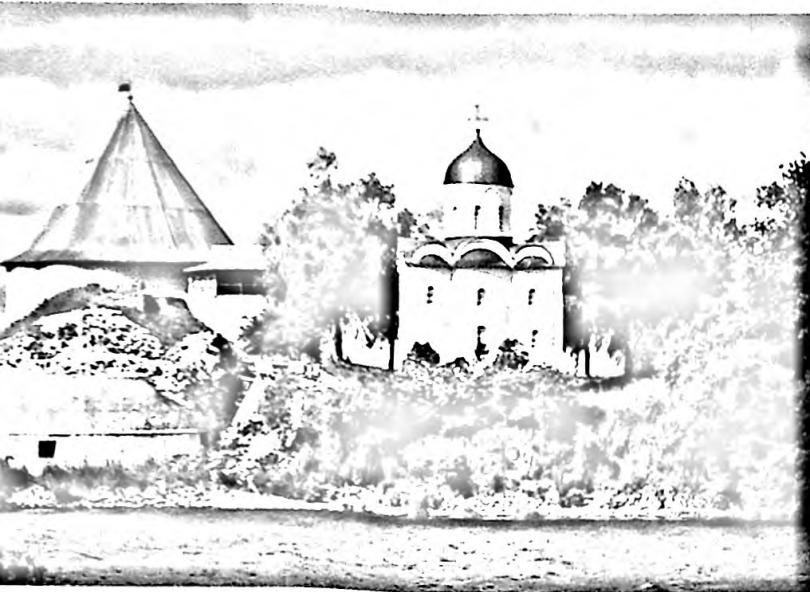
Вид Ладоги. 1794 г.

.....

Andrei Voronikhin.

View of Ladoga. 1794

*Ладожская крепость
и церковь св. Георгия.
Вид со стороны Волхова*

*Ladoga Fortress and the Church
of St. George as viewed
from the Volkhov*

топонимы зафиксированы в источниках начала XI в. и XII–XIV вв., возможно, употреблялись в X в., если не ранее. Возникновение скандинавских наименований, возможно, связано с обозначением Ладожского озера, которое в древности называлось «Альдек», «Альда», «Альдаген», и даже «Альдота»⁷. Данные археологии подтверждают, что скандинавы с самого начала возникновения Ладоги входили в состав ее жителей, но не были единствен-

ными первопоселенцами. В древнейших слоях города и погребениях открылись вещи разного происхождения: балтские, финно-угорские, скандинавские, славянские и другие. В Ладоге в первые века ее существования проживали временно или постоянно люди разных стран. Преобладали, надо думать, люди базового этноса – славяне, и отчасти – финны. Что касается скандинавов, то существенным является тот факт, что они в чужих землях городов, как правило, не основывали, а селились в уже образованных.

Вокруг Ладоги расположены селения с очень старыми по происхождению названиями. Таковы деревни Княщина (то есть княжеская), Любша, Велеша (названные, вероятно, по именам владельцев). В документах конца XVI–XVII вв. приводятся наименования существующих и поныне селений: Невежи, Местовка, Виковщина, Вылеги. Эти названия свидетельствуют о том, что уже в эпоху средневековья окрестности Ладоги стали заселяться русскоязычным населением.

Местность, где расположена Старая Ладога, – своеобразный оазис, весьма благоприятный для жизни. Он тянется в длину примерно 2 км, а в ширину – до 600 м, полосой от Малышевой горы на севере до нагорья Победище на юге. На западе эта территория ограничена грядой с населенным пунктом Ахматова гора, на востоке рекой Волховом с находящимися на его правом берегу

*Стрелка крепостного мыса
и северная часть села
Старая Ладога*

*Point of the fortress headland
and the northern part
of Staraya Ladoga*

*Ладожская крепость
и церковь св. Георгия.
Вид с высоты птичьего полета*

*Fortress and the Church
of St. George. Bird's eye view*

*Ладожская каменная крепость.
Вид с Волхова*

*Masonry fortress in Ladoga.
View from the Volkhov*

деревнями Чернавино и Лопино. Близость воды, плодородные долины протекающих здесь рек Ладожки, Заклюки, ручьев Грубица и Стрековец (ныне пересохли), транспортная доступность — все это создавало здесь особые условия для удобного строительства, доступа к корабельным пристаням, освоения земельных угодий. По отзыву одного путешественника XIX в., «природа творческая» здесь «щедра и нежна»⁸.

Ландшафт Старой Ладogi даже в современном, несколько изменившемся, виде производит неотразимое впечатление. Как ни вспомнить здесь такой пример. В 1899 г. в Старую Ладogu водным путем, как встарь, «из варяг в греки» отправился Н.К. Рерих. Поездка была предпринята с целью побывать в старинных русских городах. К тому времени он уже сформировавшийся ху-

дожник-археолог, историк, художник-писатель и защитник культурного наследия. Отказавшись в своем творчестве от консервативного академизма, Рерих смело продолжил новые пути искусства, создал свой неповторимый стиль, названный им героическим реализмом. Свою поездку художник выразительно описал в путевых записках. Н.К. Рерих подъехал к селу с северной стороны. То, что он увидел, поразило его. «Взбираемся на бугор, — писал Рерих, — и перед нами один из лучших русских пейзажей. Широко развернулся серо-бурый Волхов с водоворотами и светлыми хвостами течения посередине; по высоким берегам сторожами стали курганы, и стали не как-нибудь зря, а стройным рядом, один красивее другого. Из-за кургана, наполовину скрытая пахотным черным бугром, торчит белая Ивановская церковь с пятью зелеными главами. Подле самой воды — типичная монастырская ограда с белыми башенками по углам. Далее, в беспорядке — серые и желтоватые остовы посада вперемежку с белыми силуэтами церквей. Далеко блеснула какая-то главка, опять подобие ограды. Что-то белеет, а за всем этим густо зеленый бор — все больше хвоя; через силуэты елей и сосен опять выглядывают вершины курганов. Везде что-то было, каждое место

*Р.К. Рерих.
Волхов, Ладога. 1899 г. (?)
Архангельский музей
изобразительных искусств
.....*

*Nicholas Roerich.
The Volkhov, Ladoga. 1899 (?).
Museum of Fine Arts, Arkhangelsk*

полно минувшего. Вот оно, историческое настроение. (...) Вместе с чувством уважения вас наполняет какой-то удивительный покой, будто смотрите куда-то далеко, без первого плана (...) Именно чувство родной старины наполняет вас при взгляде на Старую Ладогу. Я, — продолжал Н.К. Рерих, — почти уверен, что даже поэту пейзаж будет превосходная тема, если он в тихий вечер, когда по всему небу разбежались причудливые тучи, постоит на плоту, недалеко от Успенского монастыря в Старой Ладоге и поглядит на крепостную церковь, посад, на далекий Никольский монастырь — все это, облитое последним лучом, спокойно отразившееся в засыпающем Волхове. Стоит только отвернуться — и перед Вами другой мотив, не менее прекрасный. Старый сад Успенского монастыря, стена и угловые башенки прямо уходят в воду, потому что Волхов в разливе. Сквозь уродливые переплетшиеся ветки сохнувших высоких деревьев, с черными шапками грачевых гнезд по вершинам, чувствуется холодноватый силуэт церкви новгородского типа. За нею ровный пахотный берег и далекие сопки, фон — огневая вечерняя заря, тушующая первый план и неясными черными пятнами выдвигающая ряд черных фигур, что медленно направляются из монастырских ворот к реке, — то послушники идут за водой»⁹.

→

*Н.К. Рерих.
Заморские гости. 1901 г.
Государственная Третьяковская
галерея, Москва
.....*

*Nicholas Roerich.
Guests from the Overseas. 1901.
The State Tretyakov Gallery, Moscow*

Описанная Рерихом панорамная картина села на Волхове изменилась немногим. Нет послушниц. Закрыто и разорено их пристанище — Успенский монастырь. Но сопки, церкви, монастырские и посадские здания

сохранились, и по-прежнему чарует вид поселка со стороны сопки, называемой могилой князя Олега Вещего. Остается пожалеть, что художник не воплотил словесный портрет села в краски. Поездка, однако, не прошла бесследно. Будучи в Старой Ладогe, Н.К. Рерих создал несколько видовых этюдов. Изображение старолadoжской крепости украшает кабинет ректора Санкт-Петербургского университета. Уже после поездки художник написал пастелью картину «Волхов, Ладога», ныне она находится в Архангельском музее изобразительных искусств. Это необычное произведение. На берегу Волхова виден пятикупольный храм Рождества Иоанна Предтечи. Чуть поодаль – череда могильных холмов-сопок. Такое контрастное сочетание памятников христианства и язычества (а оно в этом месте существует и поныне) едва ли встретишь где-либо еще в России. Здесь художник вольно или невольно воплотил вековые особенности национального характера: двоеверие и терпимость к поклонению новым и прошлым кумирам. В этом уголке Русской земли православные служители не стали разрушать «идольские» сопки, в одной из которых, по преданию, как упоминалось, погребен великий объединитель северной и южной Руси князь Олег Вещий. В картине с ее несколько сумрачным колоритом скрыта какая-то тревога. Высветленные внутренним небесным светом мятущиеся облака это лишь подчеркивают. Мы словно у начала каких-то

грядущих испытаний. Что произойдет в этом полном таинственного ожидания мире? Картина Рериха как бы ставит перед зрителем этот вечный вопрос.

Опасаясь за сохранность всего виденного в Старой Ладогe и посетовав, что «лучшие» места оказываются застроенными и загороженными, Н.К. Рерих восклицал: «А настанет ли время, когда у нас выдвинется на сцену неприкосновенность ценных исторических пейзажей, когда прилепить отвратительный современный дом вплотную к историческому памятнику станет невозможным не только в силу строительных и других практических соображений, но и во имя красоты и национального чувства». Вопрос великого мастера и по сей день, увы, остается без ответа.

Впечатления от Старой Ладог и Волхова породили замысел одной из лучших картин Н.К. Рериха – «Заморские гости». Он закончил это произведение в 1901 г. и вплоть до 1911 г. писал его варианты. По словесному замыслу и деталям исполнения оно привлекает археологическим правдоподобием и вдохновенной романтикой.

Воротная (слева) и
Климентовская (справа) башни
Ладожской крепости XVI в.
(после восстановления)

Gate Tower (left) and St. Clement
Tower (right) of the Ladoga Fortress.
16th century (restored)

→
Раскатная башня
Ладожской крепости. 1911 г.

Raskatnaya Tower of the Ladoga
Fortress. Photograph of 1911

Руины Воротной и
Климентовской башен. 1912 г.

Ruins of the Gate and St. Clement
towers. Photograph of 1912

Вот как первоначально виделись «Заморские гости» их создателю: «Длинным рядом идут ладьи; яркая раскраска горит на солнце. Лихо завернулись носовые борта, завершившись высоким стройным носом-драконом... Около носа и кормы на ладье щиты привешены, горят под солнцем и наводят страх на врагов... идут варяги на торг или на службу».

На картине вдали за горизонт уходит славянский городок, похоже своеобразный символ Ладоги. Увидят его обитатели, как пишет Рерих, «редких, незнакомых гостей», подивуются они на их боевой строй и их заморский обычай.

В картине «Заморские гости» художник, думается, искал историческую основу. Она заключалась в том, что скандинавы, стремясь на восток, действительно оказались в землях северных славян. Воинский пыл «полуночных» пришельцев с течением времени все более вытеснялся мирной торговой заинтересованностью. На просторах русской равнины стали завязываться интернациональные человеческие и деловые связи. Разъединенность народов уходила в прошлое. Истолкование «Заморских гостей» приоткрывает завесу русской истории.

Вернемся к главным достопримечательностям Старой Ладоги, которые расположены вдоль левого берега Волхова на территории, разделенной на северную и южную половины рекой Ладожкой. Историческим центром селения является Каменная крепость, построенная в конце XV в. и модернизированная в XVI в. на мысу, образованном упомянутыми выше реками. Укрепление строилось в эпоху торжества огнестрельного оружия и поэтому полностью приспособлено к его использованию, снабжено мощными стенами и пятью башнями. Толщина его стен достигает 7 м, высота —

Замок на двери церкви
св. Дмитрия Солунского.

Padlock on the door of the Church
of St. Demetrius of Thessalonica

→
Крепостная стена у
Климентовской башни
.....
Fortress wall near
the St. Clement Tower

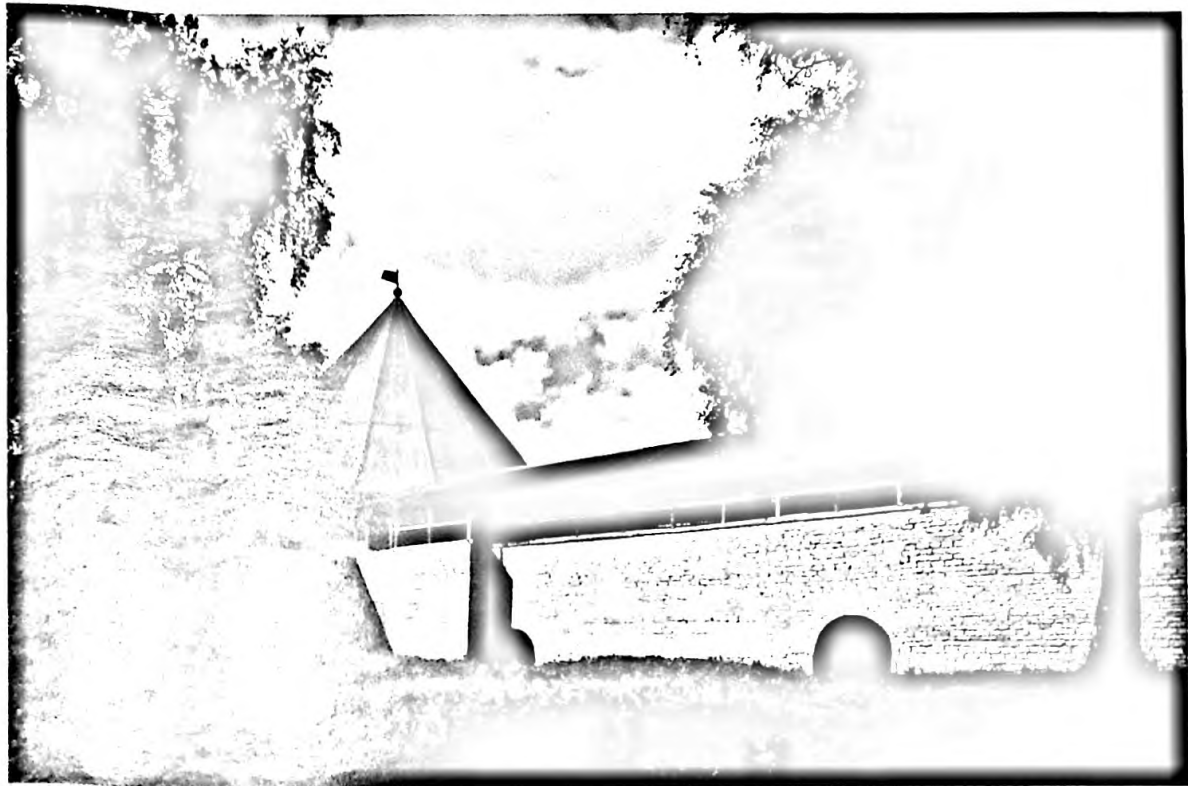
7–12 м. Высота пушечных трехъярусных башен составляла 16–19 м, а ширина в основании 16–24,5 м. В течение всего XVI в. на крепость прямых нападений не было, ее боевая роль проявилась в начале XVII в. – в период шведской интервенции. В 1610 г. Ладога была захвачена отрядом французского наемника на шведской службе Пьера Делавиля. Нападающие, «подведя петарды (устройства, производящие взрыв направленного действия) и взорвав ворота, заняли крепость»¹⁰.

Власть в городе менялась, время от времени шли бои. Лишь в 1617 г. шведы, по Столбовскому мирному договору, вынуждены были отказаться от Ладоги, «без которой, по мнению русских, владение Новгородом было бы бесполезно»¹¹. Граница со Швецией была установлена в 40 км к западу от Ладоги.

К 1617 г. Ладога была тотально разорена, в ней оставалось всего 27 дворов. В руинах оказались монастыри и церкви. Город пришлось заново заселять.

После освобождения города в 1617 г. военные власти неоднократно обращались в Москву с просьбами отремонтировать крепость, ибо «мимо Ладоги немецкие посланники и гонцы и торговые люди проезжают почасту, городовое нестроение видят». Описания Ладоги XVII в. полны сетований на то, что «тот каменный город весь стоит без кровли и починки многие лета и в башнях мосты от мокроты, от дождю и от снегу все сгнили и провалились»¹². Починка крепости так и не состоялась.

Вид укрепления, прозванный «Рюриковым замком», породил множество легенд. Рассказывали, что в одной из башен уцелела дверь с железным засовом и цепью на

замке. В книге первого исследователя Ладоги Н.Е. Бранденбурга приведен рассказ нескольких любопытствующих, решивших осмотреть проход, который вел под Волхов. Им пришлось «пробираться в полумраке, между рыхлыми от сырости и нависшими каменными сводами подводной галереи; стены последней были покрыты густой массой бледно-зеленой плесени, в которую уходили руки, не встречая твердой опоры. Воздух становился удушливым, над головами стоял гул от перекатывающихся волн, кругом раздавалось шлепание от движения отвратительных гадин, все это угнетало мозг до того, что терялось соображение и вязнувшие в грязной тине ноги отказывались служить. Наконец от спертости атмосферы погас огонь в фонаре и спички не загорались... Смелые искатели приключений едва-едва, где сгибаясь, где ползком, выбрались из мрачных и душных переходов подземелья»¹³. Этот рассказ, изобилующий подкупающими реальными подробностями, все же оказался фантазией. Никаких подземных ходов в крепости и ее башнях обнаружено не было. При раскопках башни были раскрыты до основания, вывезены тонны строительного мусора, но ни ходов, ни подземелий реставраторы не встретили. Видимо, рассказ был порожден впечатлениями от полузасыпанных сводчатых амбразур, действительно напоминавших некий галерейный вход. В 1880-е гг. ладожская крепость представляла собой жалкое зрелище: «Везде кругом печать давнего разрушения: полурассыпавшиеся своды, каменные массивы, грозящие сиюминутным падением, изгрызенные веками гребни стен и башен, все это среди общего безмолвия дышит смертью, дышит чем-то давно отжившим;

*Печура Ладожской крепости.
1912 год.*

.....

*Machicolation of the Ladoga Fortress.
Photograph of 1912*

впечатление усугубляется множеством могильных крестов местного Георгиевского погоста, занимающих внутренность крепости (...) и только маленький каменный храм св. Георгия, приютившийся с векодавних времен в стенах городища, является светлым бликом на этой унылой картине¹⁴. Вероятно, крепость полностью погибла бы, если бы не ее реставрация, развернувшаяся в наши дни. К 1978 г. по проекту архитектора-реставратора А.Э. Экка были воссозданы две башни – Климентовская и Воротная, а также прясло между ними.

Исследователей руин крепости поразили ее странные, не характерные для времени ее создания особенности. План укрепления криволинейен, его напольная сторона представляет собой не стену, а земляной вал. Так в конце XV–XVI вв. не строили: отрезки стен стремились делать спрямленными, а земляные програды, прерывающие стены, казались ненадежными. Все это побудило ученых произвести раскопки в крепости. Их стала осуществлять организованная в 1972 году Староладожская археологическая экспедиция Института

*Церковь св. Георгия.
Вид с северо-запада*

.....

*Church of St. George as viewed from
the north-west*

→

*Церковь св. Георгия.
На первом плане – деревянная
церковь св. Дмитрия Солунского*

.....

*Church of St. George.
In the foreground, the wooden Church
of St. Demetrius of Thessalonica*

истории материальной культуры РАН под руководством автора этих строк. Научные «подозрения» оправдались. Оказалось, что в основе ныне существующей крепости конца XV–XVI вв. таились две ее каменные предшественницы, последовательно сооружавшиеся в конце IX и начале XII в. Об этих открытиях речь пойдет далее, а теперь оглядим крепостной двор.

В его южной части высится храм св. Георгия, благодаря своим фрескам получивший общеевропейскую художественную известность. Если бы в Старой Ладоге не было ничего, кроме этого памятника, то и тогда она могла бы рассматриваться как уникальный объект искусства и архитектуры национального и международного значения. Строительство церкви, по одной из версий, относят к 1165–1166 гг. и связывают с победой над шведским войском.¹⁵

Нападение шведов на Ладогу после длительного периода мирных лет действительно запомнилось. Ладожане тогда сожгли свои хоромы на посаде и затворились в крепости во главе с посадником Нежатой. Штурм

*Главка церкви св. Дмитрия
Солунского XVII в.*

.....
*Cupola of the Church of St. Demetrius
of Thessalonica. 17th century*

«Чудо св. Георгия о змие». Фреска
 диаконника церкви св. Георгия

.....

*St. George and the Dragon.
 Fresco in the diaconicon
 of the Church of St. George*

был безуспешным. Подоспела помощь из Новгорода, шведы отступили в сторону восточного побережья Ладоги, где и были разбиты, потеряв почти весь свой флот¹⁶. В память о победе, как полагают, и была заложена церковь св. Георгия, небесного покровителя и защитника ладожан. Его изображение было помещено на почетном месте в диаконнике храма и освещено специальным окном. Следовательно, роспись церкви была задумана одновременно с ее постройкой. Специалисты расценивают георгиевские фрески как одно из самых высокохудожественных, рафинированных произведений греко-русского искусства своей эпохи (об этом см. раздел книги «Фрески церкви св. Георгия», написанный В.Д. Сарабьяновым).

Георгий Победоносец – воин-мученик, жил в III–начале IV в., имел высокий военный чин. Во время го-

нений на христиан ему отрубили голову. Его почитают как покровителя «христоролюбивого воинства».

С Георгием связана легенда о том, что возле языческого города (в некоторых редакциях названного Лаодикеей – город в Малой Азии) в болоте поселился змей-людоед. Ему выдавали на съедение юношей и девушек. Дошла очередь и до дочери правителя города. Об этом узнает Георгий, проезжающий на коне в этих местах. Под воздействием молитвы Георгия змей падает к ногам святого, и девица ведет его на поводке «как послуш-

ного пса». Увидев это, горожане и правитель готовы выслушать проповедь Георгия и принять крещение. Именно этот сюжет и представлен на фреске «Чудо св. Георгия о змие» церкви св. Георгия, ставшего покровителем города-крепости. Нелишне добавить, что культ Георгия на Руси ведет свое начало с XI в. Посвященные ему храмы существовали в Киеве, Владимире, Новгороде. Изображение Георгия-всадника вошло в герб Москвы, а затем и России¹⁷.

С церковью св. Георгия, а точнее, с ее патрональной фреской, неожиданным образом оказалась связана одна незаурядная находка. В 1998 г. во время археологических исследований на Земляном городище (о нем речь пойдет немного позже) сильным дождем из стенки раскопа вымыло свинцовую вислую печать. Ее исполнение отличалось небывалым художественным мастерством. На одной стороне с редким для этой категории изделий реализмом представлена Богоматерь с младенцем. По краю образа Н.Н. Казанскому удалось прочесть греческую надпись, которая вместе с четырехстрочной надписью на обороте печати образует единый текст и читается в переводе следующим образом: «Матерь Божия Богородица, помоги рабу твоему Леонтию, митрополиту Лаодикеи». В Лаодикее (как упоминалось, это город в Малой Азии) издавна находился церковный центр. По палеографическим, иконографическим и другим признакам печать относится к 70-м гг. XI в. Несохранившийся документ, который скрепляла эта булла, вероятнее всего касался церковных дел, и, можно предположить, имел отношение к православному служению и храму, устроенному в Ладоге не позднее второй половины XI в. Скорее всего, предполагаемая церковь стояла на месте или рядом с существующим храмом св. Георгия и была с ним соименна. Здесь вспомним легенду, согласно которой, как отмечалось выше, святой воин спас царевну властителя Лаодикеи. Случайно или нет, имя города на печати и в Сказании о св. Георгии совпали. Не кроется ли в этом какая-то связь между Ладогой и Лаодикеей и почитанием св. Георгия, сложившимся в XI в.? Это тем более вероятно, что названный на печати византийский митрополит Леонтий в 1070-х гг. мог быть приглашен на Русь¹⁸.

Церковь св. Георгия представляет собой небольшой четырехстолпный храм с тремя апсидами. Сложена из чередующихся рядов известняковых плит и кирпичей на известковом растворе с примесью толченого кирпича. Здание полностью сохранилось. Оно перекрыто коробовыми сводами, которым на фасадах соответствуют полукружья закомар; барабан увенчан шлемовидной главой. В западной стене внутри храма сделана лестница на хоры, в северной и южной частях которых располагаются небольшие замкнутые камеры¹⁹. Эти камеры

Вислая печать митрополита Леонтия. 1070-е гг.

Hanging seal of Metropolitan Leonty. 1070s.

соединяет деревянный помост, с которого открывается вид на среднюю часть храма и на алтарь. Все здание отличается какой-то аристократической изысканностью пропорций. Интерьер церкви специалисты называют прозрачным. Арки, устремленные вверх, создают простое, логичное и в то же время легкое и торжественное пространство. Этому способствует и светлая по колориту фресковая роспись.

Церковь св. Георгия, как отмечают исследователи, относится к особому типу приходских храмов, который выработался в середине XII в. в Ладоге. В то время, точнее сказать, в третьей четверти XII в., здесь было воздвигнуто шесть подобных монументальных построек. Для своего времени это своеобразный рекорд. В дальнейшем сложившийся в Ладоге тип храма был полностью пере-

Церковь св. Дмитрия Солунского и апсида церкви св. Георгия

.....

Church of St. Demetrius of Thessalonica and the apse of the Church of St. George

→

Икона «Св. Дмитрий Солунский с житием» из церкви св. Дмитрия Солунского. Фотография 1912 г.

.....

Icon of St. Demetrius of Thessalonica with the scenes of his life from the Church of St. Demetrius of Thessalonica. Photograph of 1912

→

Церковь св. Дмитрия Солунского

.....

Church of St. Demetrius of Thessalonica

несен в Новгород и воспринят в других городах²⁰. Можно даже говорить о существовании ладожской архитектурной школы. В течение веков церковь св. Георгия испытала немало превратностей. В связи с одним из ремонтов она, впервые как монастырская, упомянута в 1445 г. Уже тогда имели место утраты росписи. До нас дошла ее малая часть. Отметим здесь несколько фактов последнего времени, связанных со сбережением церкви и ее художественного убранства.

В 1970-х гг. художник-реставратор А.Н. Овчинников, осмотрев церковь св. Георгия и увидев утраты, решил скопировать фрески, чтобы сберечь для будущих поколений то, что сохранилось на сегодняшний день. Огромное трудолюбие художника увенчалось успехом: он воспроизвел с максимальным приближением к подлиннику все сохранившиеся в церкви росписи.

В результате, георгиевские фрески, которые в течение нескольких веков испытали ряд серьезных, если не катастрофических повреждений, запечатлены ныне в неискаженных тщательных копиях, выполненных, к тому же, в натуральную величину. Эта ценная работа, длившаяся семнадцать лет, равно как и сами подлинники, ждет своего полного издания. Художественная фиксация георгиевских фресок подтолкнула к их

реставрации. Ныне эта работа, продолжавшаяся с 1982 по 1996 г. и, кстати сказать, четвертая по счету в прошедшем столетии, завершена (руководили работой на их заключительной стадии И.А. Воинова, С.В. Лалазаров, В.Д. Сарабьянов, С.А. Шадрин). Фресковая роспись освобождена от загрязнений и предстает в первозданном сиянии своих красок. (Итоги проделанной работы опубликованы в книге В.Д. Сарабьянова «Церковь св. Георгия в Старой Ладоге»).

К юго-западу от церкви св. Георгия расположена деревянная церковь св. Дмитрия Солунского. Этот святой, подобно Георгию, считался покровителем воинов, и появление в крепости второго воинского молитвенного дома неслучайно. Да и функционально он был связан с Георгиевским. Летом служили в последнем, а зимой службу устраивали

*Земляное городище.
Вид с Воротной башни крепости*

.....
*Earthen Gorodishche (Town)
as viewed from the Gate Tower*

в деревянной церкви. Впервые церковь св. Дмитрия Солунского упомянута в документе 1646 г.²¹, но построена была, вероятно, в период восстановления Ладоги после вражеских нашествий Смутного времени. В 1731 г. по челобитью прихожан постройка была обновлена. «Пригодные для дальнейшего использования бревна использовались при возведении новой церкви, а непригодные сожжены, и пепел с отменным благочестием был собран, завязан в холст и опущен в воду»²². В 1901 г. обветшавшую церковь вновь чинили, она была переложена по новому образцу. Несмотря на все ремонты, здание сохранило свой первоначальный облик и состоит из объединенных в одно торжественное целое притвора-сеней, трапезной и собственно церкви. С востока прирублен пятигранный алтарь. Верх церкви увенчан

луковичной главкой с крестом, покрытой лемехом. Убранство церкви не сохранилось. Наиболее ценные иконы переданы в Русский музей. Уцелел лишь хитроумный кованый фигурный замок на входной двери. Построек, подобных церкви св. Дмитрия Солунского, сохранилось немного, тем ценнее это сооружение – ныне одно из редчайших на территории Северной России.

Следы былой деятельности ладожан не только видны над землей, но и скрыты в ее недрах. Лучшая иллюстрация этого – так называемое Земляное городище, которое с юга примыкает к Каменной крепости.

Следует сказать, что эти крепостные сооружения в их современном виде – наследие эпохи царя Ивана Грозного. В конце Ливонской войны шведы во главе с Якобом Делагарди почти вплотную подошли к Ладоге. Начиная с 1580 г., в городе постоянно присутствовали воеводы, а в 1582 г. одному из них, князю С.М. Лобанову-Ростовскому пришлось, вероятно, отбиваться от вражеских войск, занявших окрестные погосты²³. Военная угроза вынудила Московское правительство в 1584–1586 гг. развернуть в Ладоге авральное оборонительное строительство. Еще в середине XVII в. горожане вспоминали, что на то «городовое дело» были собраны работники из Новгорода Великого, новгородских городов и уездов, также из Суздаля, Галича, Вологды, Ярославля, Углича, Костромы, Белоозера²⁴. Была модернизирована прежняя Каменная крепость, а с ее западной стороны устроена новаторская для своего времени земляная фортификация с куртинами и угловыми бастиянами, некогда увенчанными деревянными стенами и башнями. Для этого была использована территория, отобранная у посада.

Важно то, что укрепление XVI в. накрыло собой и тем самым лучше законсервировало культурный слой ладожского посада VIII–XI вв. мощностью до 3, а иногда и 5 м. Именно из слоя на Земляном городище происходят все лучшие археологические находки, прославившие Ладогу как богатейшее хранилище предметов и сооружений русской и мировой истории, культуры и ремесла. В этом слое, благодаря постоянной влажности и наличию плотной глинистой почвы, «вечно» сохраняются предметы из дерева, ткань, войлок и другое. Новые постройки не углублялись в землю, их располагали на остатках предшествующих, что также способствовало накоплению культурного слоя, который нарастал из года в год. Удалось даже подсчитать, что темп его накопления для VIII–X вв. составлял, примерно, 1 см в год. Слой в среднем в 25 см высотой отражал труд и жизнь одного поколения. Обычно в такой толще скрыты остатки построек, называемые строительным горизонтом. Последовательными раскопками таких горизонтов и занимается ладожская археология. Археологи обнаружили в ладожской земле изделия многих европейских и азиатских народов: славян, финнов, скандинавов, арабов, волжских булгар, хазар... Отложившийся в VIII–XI вв. культурный слой простирается и за пределы Земляного городища, занимая территорию общей площадью не менее 10–12 га. Оказавшись в Старой Ладоге, мы ходим по своеобразному международному подземному, еще не востребованному, музею, ибо только три процента ее территории подверглись научным раскопкам.

В центре Земляного городища находятся руины единственной имеющей летописную дату своего заложения церкви св. Климента (1153 г.) Ее сооружение ознаменовало собой начало периода широкого строительства каменных храмов в Ладоге.

Церковь Успения Богородицы. XII в.

.....

*Church of the Assumption of the Virgin.
12th century*

ен монастырь Симеона Богоприимца.

В период Смутного времени не обошла беда и Успенский монастырь. В царской грамоте 1621 г. новгородскому воеводе князю Мезецкому сообщается, что «в прошлом 125 (1617) году, как нам немецкие люди Великий Новгород с пригороды отдали (по Столбовскому миру – А.К.) а они-де (монастырские сестры – А.К.) от немецкого разоренья скитались меж двор и кормилися христовым именем, и по нашему указу велели им в тот (Успенский – А.К.) монастырь прибегати и монастырь строити и сестер сбирати и вотчинкою владеть по прежнему. И она-де старица Акилина (настоятельница – А.К.) каменный храм покрыла и Божья милосердия образы и книги и всякое церковное и монастырское строение устроила собрав вклады и сестер, и собрала в тот монастырь 23 старицы»²⁵. Для сравнения отметим, что в конце XIX в. в монастыре находилось около 200 монахинь.

В XVII в. обитель была избрана для заточения (с 1718 по 1725 г.) бывшей царицы Евдокии Федоровны Лопухиной, первой жены Петра I. В монастыре был размещен военный караул, запрещался вход прихожанам, было приостановлено пострижение новых послушниц.

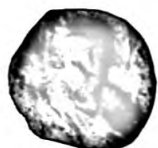
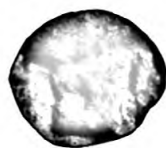
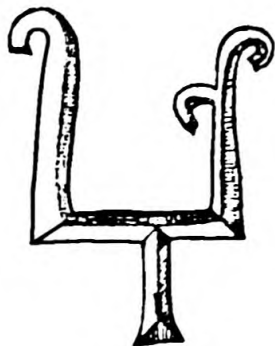
Севернее Каменной крепости, на левом берегу Волхова, раскинулся женский Успенский монастырь. Его обнесенная кирпичной оградой территория включает десяток каменных и деревянных строений. Отметим Крестовоздвиженскую церковь, построенную вместе с больничным корпусом около 1862 г. известным архитектором А.М. Горностаевым в старорусском стиле. Предполагают, что на месте этого храма, на мысу, образованном протекавшим здесь ручьем Грубица (ныне засыпан) и Волховом, существовало древнее поселение – возможно, один из центров Ладоги, а затем был устро-

От внешнего мира святую обитель, ставшую тюрьмой для отвергнутой, ограждал двойной тесовый палисад.

Главная достопримечательность монастыря – Успенский собор. Время его сооружения установлено недавно в ходе реставрационных работ (руководитель и автор проекта И.А. Воинова). На одной из подпружных арок был обнаружен прорезанный по раствору геральдический знак Рюриковичей, принадлежавший, как удалось выяснить, князю Ростиславу Мстиславовичу, княжившему в Новгороде в 1154 и в 1157 гг. (в 1158 г. «на столе» в Новгороде остался его сын Святослав). В это время, то есть в 1157–1158 гг., очевидно, и строили церковь⁷⁶. Судя по тому, что знак встречен в единственном числе, и сам князь, согласно летописям, ни в Новгороде, ни в Ладоге ничего не строил, заказчиками могли быть посадник и посадские люди. Косвенно это подтверждается тем, что Успенская церковь строилась, возможно, как приходская, а не монастырская. В качестве монастырской она упоминается впервые в документе около 1500 г., и тогда рассматривалась как центр Богородицкого конца.

Успенский собор полностью сохранился. В 1958–1960 гг. он был освобожден от более поздних пристроек, при этом выявилось строгое членение его фасадов плоскими лопатками, что соответствует его крестово-купольной конструкции. Понятие о размерах собора дают следующие цифры: длина около 18 м, ширина – около 14 м, высота более 19 м. Вместить он мог не один десяток людей. Здание было четырехстолпным, трехнефным, одноглавым, трехапсидным; барабан увенчивался куполом со шлемовидной главой. Два из трех его входов имели притворы, а с запада в более позднее время была устроена паперть. В толще западной стены помещалась лестница на хоры. Стены собора были расписаны. Архитектурные особенности Успенской церкви роднят ее с Георгиевской и другими церквями, построенными в Ладоге в середине XII в. Георгиевский и Успенский храмы – редчайшие сохранившиеся на северо-западе России культовые сооружения XII в.

Полагают, что Успенский собор – сооружение этапное. Он был первым воплотившим в себе архитектурные особенности нового типа приходского храма. Последующие церкви, воздвигавшиеся в Ладоге, ему подражали.

Княжеский знак на подпружной арке церкви Успения Богородицы (по О.Г. Гусевой и И.Л. Воиновой, а также по его аналогии на княжеских печатах 50-х гг. XII в.)

Princely emblem on the arch of the Church of the Assumption of the Virgin (after O. Guseva and I. Voinova and the sign's analogues on princely seals of the 1350s)

*Церковь Рождества Иоанна
Предтечи,
на переднем плане – сопка
.....*

*Church of the Nativity of St. John
the Forerunner, with a burial mound
in the foreground*

Ныне в монастыре находится школа. После ее переселения Успенский монастырь и его собор станут полностью музейными. Выдвинут также план передачи монастыря С.-Петербургской епархии. Если это произойдет, прогрессирующее разрушение старинных построек архитектурного комплекса, конечно, будет остановлено.

На северной окраине села, на Малышевой горе, стоит церковь Рождества Иоанна Предтечи. Это кубической формы храм с четырьмя подкупольными столбами, пятью главами, одной семигранной алтарной апсидой. Стены церкви декорированы плоскими лопатками, фигурными колончатыми наличниками окон, нишами с килевидным верхом, паребриком. Все декоративные детали выполнены из кирпича. Церковь имеет придел во имя св. Параскевы Пятницы, а также трапезную, паперть, колокольню. Все это – единый архитектурный комплекс, воздвигнутый в 1695 г.²⁷ К монастырю благоволила семья царя Бориса Годунова. На одном из колоколов вылита надпись: «Лето 7112 (1604 г.) к Вознесе-

→
*Церковь Иоанна Предтечи с
высоты птичьего полета
.....*

*Church of the Nativity of St. John
the Forerunner. Bird's eye view*

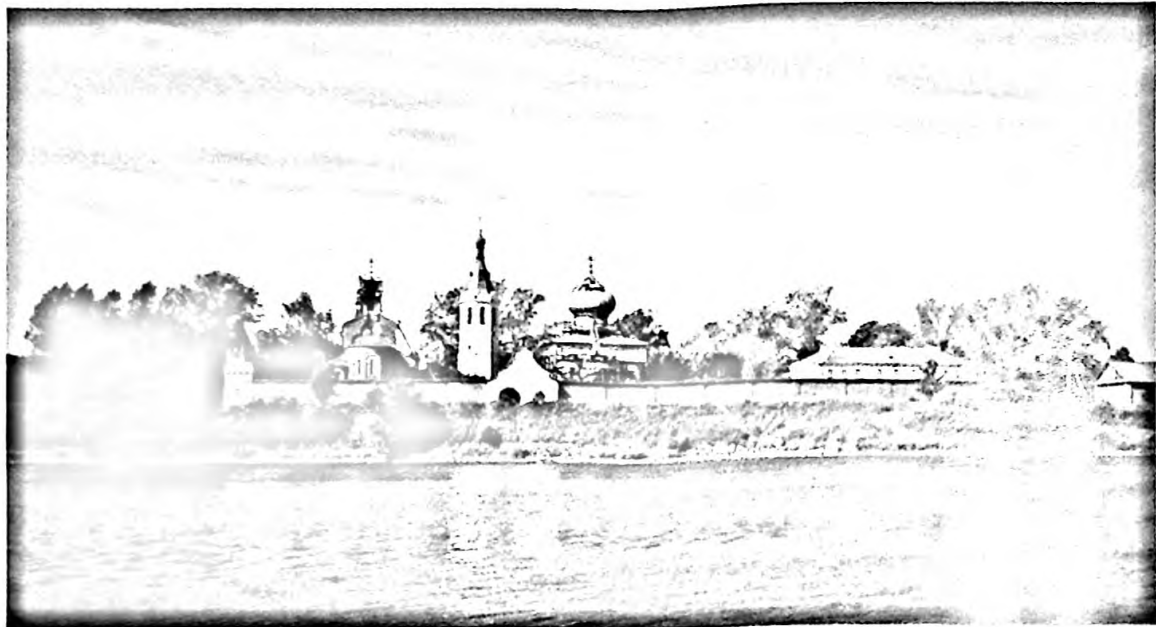
нию Господню и Рождеству Иоанна Предтечи на Малышеву гору в Ладогу слито два колоколы при благоверном государе царе и великом князе Борисе Федоровиче всея Руси и его благоверной царице великой княгине Марии и при их благородных чадах, царевиче Феодоре, царевне Ксении и преосвященном митрополите Исидоре Великого Новгорода и при настоящем игумене Дионисии». Из чего можно заключить, что в Москве проявляли расположение к обители. Возникновение монастыря связывают с XIII в. Столетие спустя, он упоминается и в письменных источниках. Тогда же названа и Малышево – местность, точнее гора, которую занимал монастырь, все постройки которого до конца XVII в. были деревянными. Можно догадаться, что до основания обители на ее месте была или сопка, или языческое мольбище.

Существующая ныне церковь поставлена с глубоким художественным пониманием единства архитектуры и природы. Издали кажется, что белоснежный храм парит в воздухе между полосой зеленого взгорья и высью синего неба. Еще недавно ему угрожало полное разрушение. Рухнул свод апсиды и стала клониться колокольня. Оказалось, что Малышева гора изрыта подземными ходами. В XIX в. крестьяне села добывали здесь кварцевый песок и продавали его в Санкт-Петербурге для изготовления электрических лампочек. Образовавшиеся пустоты стали угрозой сохранности памятника. Реставраторам пришлось закачать туда немало бетона, что приостановило его разрушение.

После завершения реставрации, в 1991 году, церковь Рождества Иоанна Предтечи – первой в Старой Ладоге – была возвращена верующим (все храмы в селе были закрыты в 1920-х–начале 1930-х гг.). Ее придел во имя св. Параскевы Пятницы украсил новый иконостас, кованые подсвечники. Стены прилегающей трапезной расписаны петербургскими художниками. Кирпичные стены самого придела решили не штукатурить – пусть напоминают о суровых днях гонений и о покаянии. В самом храме был заново воздвигнут многоярный иконостас.

Южную оконечность Старой Ладоги замыкает Никольский монастырь, в котором недавно отреставрирована шатровая колокольня конца XVII в., восьмигранная

многоярусная, стройных пропорций, со специальным помещением для звона. Мастера, возводя этот каменный столп, стремились представить его как бы освобожденным от земного притяжения, устремленным ввысь. Среди построек монастыря выделяются затейливые, вполне светского облика Святые ворота, выходящие к Волхову, а рядом – удивительная по своей необычности церковь св. Иоанна Златоуста, построенная в 1861–1873 гг. архитектором А.Н. Горностаевым²⁸. Церковь имеет детали в старорусском стиле, но в то же время напоминает романскую базилику. Те же три удлиненные нефа, центральный – более высокий, освещен чередой верхних окон и отделен от боковых колоннами. Другой столь оригинальной постройки, сочетающей архитектурные элементы зодчества двух разных конфессий, кажется, нет не только в России, но и во всей Европе. К сожалению, сегодня здание заброшено и требует капитального ремонта.

Наиболее загадочной оказалась центральная постройка монастыря – четырехстолпный, трехапсидный, со сводчатым подцерковьем и луковичной главой Никольский собор. С 1958 г. он стоит, словно раздетый: сбита штукатурка, обнажена кладка. Реставраторы, пытаясь освободить первоначальное здание, «сгоряча» сломали обстройку собора конца XVII в., при этом погибло и крыльцо с лестницей в главный молитвенный зал. Здание было законсервировано, зато выяснилось, что его кладка включала целые блоки, сложенные из чередующихся рядов серого плитняка и плинфы на известковом растворе с примесью толченого кирпича. В этой же технике были выполнены и подкупольные столбы до высоты сводов подцерковья. В западной стене церкви уцелела часть лестницы на хоры. Раскопки и натурные исследования привели специалистов к убеждению, что нижняя часть храма возведена во второй половине XII в., скорее всего в 1160-е гг., а верхняя его часть построена в более позднее время²⁹. При этом строители стремились возвести новые части как можно ближе к исходному

образцу. Так над землей возник как бы двойник по большей части несохранившегося сооружения. Что же произошло с церковью? В начале XVII в., в Смутное время, Ладога, как уже упоминалось, сильно пострадала. В монастырских документах 1622 и 1628 гг. записано, что «монастырь Николая Чудотворца в Ладоге на посаде от немецких людей стоит разорен до основания», а каменная церковь Николы «рассыпалась»¹⁰. В грамоте 1620 г. есть добавление о том, что «немецкие люди образы и колокола, и свечи и паникадила и всякую монастырскую казну, лошадей и коров и хлеб монастырский в житницах в монастыре и по селам весь пограбили (...) и старцев и слуг и крестьян многих побили до смерти (...) а церкви каменные разломали и их разорили до основания»¹¹. По случайности после столь тотального погрома нижняя часть Никольской церкви все же уцелела, а в 1668 г. храм «казною ладожского торгового человека Антипы Романова сына Гиблого» был «состроен»¹². В тот период более ранние проточеские постройки почитались достойными подражания, поэтому церковь намеренно восстановили на прежнем основании. В конце XVII–начале XIX в. к зданию с северной и западной сторон были пристроены сломанные в 1958 г. придел и паперть с крыльцами.

Храм был расписан фресковой живописью. Сопоставив обломки найденных фресок и выяснив стилистику письма, сходную с фресками св. Георгия, искусствовед Б.Г. Васильев предположил, что постройка была украшена росписью, а стало быть, и построена, в 1160-е гг. Похоже, что он прав.

Храмы во имя св. Николая ставили «от потопа и беды на войне и на море». В синодиках монастыря, относящихся к XVII в., сохранилась запись о том, что создателями обители были Стефан, Давид, Дмитрий и их сродники, далее приписан Григорий и его сродники¹³. В документы такого рода заносились крестильные имена без дат. Как гово-

←
Никольский монастырь.
Вид со стороны Волхова
.....

*St. Nicholas Monastery as viewed
from the Volkhov*

Святые ворота Никольского
монастыря
.....

*Holy Gate of the St. Nicholas
Monastery*

рится, перед Богом все равны. Возможно, что речь идет о купцах одной или нескольких торговых артелей, действовавших еще в XII в. и заказавших постройку храма. Не исключено, что в тот период храм был посадским, городским, а не монастырским. К зданию вплотную подходит и частью подстилает его фундамент культурный слой с находками IX–XII вв. Очевидно, что сама церковь находилась некогда в гуще посадских строений. И местоположение храма, и сведения о фундаментах обители повышают вероятность того факта, что она была воздвигнута по заказу не князя или епископа, а посадских, скорее всего, торговых людей. Это наблюдение приоткрывает тайну о возможных заказчиках других каменных церквей Ладоги домонгольского периода. Описанное сооружение, таким образом, предстает как архитектурный памятник XII–XVII вв. Что же делать с ним теперь? Оно закрыто кровлей, в трещины в стенах закачан под давлением раствор. Блоки кладки как бы склеены. Предложен проект восстановления (архитектором А.Г. Гусевой). В 1996 г. мы писали, что будущее использование здания для музейных нужд вряд ли оправдано. Не лучше ли возвратить его и окружающий архитектурный комплекс (включающий ограду, кельи и хозяйственные постройки XIX–начала XX в.) законному владельцу – православной церкви.

В 2002 г. монастырь возвращен Санкт-Петербургской епархии, а 23 ноября того же года сюда были привезены частицы мощей общехристианского, особо почитаемого на Руси, святителя, архиепископа г. Мир Ликийских Николая-Чудотворца. Ларец с мощами, которые и по сей день считаются исцеляющими, помещен в монастырской часовне. Святитель Николай (его захоронение находится в г. Бари в Италии) восславлен как общенародный заступник, по легенде получивший от Господа «подвиг служения людям». На торжестве по случаю переноса мощей митрополиит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир, войдя во храм Иоанна Златоуста, в присутствии затихшей толпы сказал: «Освещаю сей храм, отныне служите в нем». Так в Старой Ладоге зажглась еще одна духовная свеча, а

←

Никольский монастырь.
Вид с юго-запада. На переднем
плane – церковь Иоанна
Златоуста

.....
St. Nicholas Monastery
as viewed from the south-west, with
the Church of St. John Chrysostom
in the foreground

Принесение мощей
святителя Николая Чудотворца
в Никольский монастырь
23 ноября 2002 г.

.....
Carrying the relics
of St. Nicholas the Miracle-Worker
into the St Nicholas Monastery
on November 23rd, 2002

←

Никольский собор.
Фотография 1912 г.

.....
Church of St. Nicholas.
Photograph of 1912

Церковь св. Василия Кесарийского

*Church of St. Basil the Great,
Archbishop of Caesarea*

в России восстановлен паломнический молитвенный центр. Конечно, потребуются усилия не одного поколения, чтобы полностью восстановить разоренный монастырь, теперь ставший знаменитым на всю страну.

По легенде создание Никольского монастыря связывается с именем Александра Невского и его победой над шведами в Невской битве 1240 г., в которой участвовал отряд ладожан. На возникновение этой легенды повлияла близость монастыря к нагорному полю – урочищу Победище, где по преданию произошла кровавая сеча ладожан с врагами. Одно не вызывает сомнений – широкое ровное поле, единственное в окрестностях Старой Ладogi – наиболее удобное место для битвы, схваток, расступления и схождения ратей. По краю поля, со стороны Волхова тянулась цепочка сопok (они по большей части не сохранились). Мемориальное значение места закреплено в его названии. Вообще Старая Ладога находится в окружении чем-либо памятных мест. На юге это деревня Княщина, где в старину, очевидно, находился княжеский двор. Напротив Каменной крепости, через Волхов, на первой надпойменной террасе – урочище Плакун, насчитывавшее не менее 18 курга-

нов с погребениями скандинавов, относящимися примерно, ко второй половине IX–началу X в. На том же правом берегу Волхова, напротив Старой Ладоги, располагаются старинные деревни Лопино и Чернавино. В последней находится небольшой одноапсидный бесстолпный храм св. Василия Кесарийского. Одноименный монастырь возник не позднее первой половины XVI в. Его единственная каменная церковь в 1620 г. стояла «осыпавшейся», а сам монастырь был доведен до такой крайности, что начал «ставиться после войны немецких людей вновь». До 1627 г. богослужения в нем освещались дранью, и братия жаловалась что «у них-де в церкви Божии служачи с лучиною, образы закоптили». Бедность обители привела к тому, что к 1666 г. каменный храм развалился до основания. И в 1686 г. на его месте на средства воеводы Т.И. Бестужева построили новый – с трапезной палатой³⁴. Отделка и устройство церкви отличаются скромностью и благородной простотой. Стены сложены из плит, западный же портал и окна украшены фигурными обрамлениями из кирпича. Молитвенный зал, как и трапезная, покрыт двускатной кровлей и увенчан главкой на глухом барабане. С юга к зданию пристроен Благовещенский придел с открытой папертью (сохранилась частично). Судя по архитектурным особенностям и неровной кладке, каменщики были местными людьми. Таким образом, пред нами скорее всего произведение местного народного мастерства. Недавно отреставрированное по инициативе музея-заповедника здание (автор проекта И.А. Хаустова, руководитель работ И.П. Любарова) уже не будет разрушаться.

Рассматриваемое правобережье Волхова никогда не входило в состав Ладоги. Здесь существовали сельские поселения, обустраивались монастыри. В километре к северу у селца Горки (до недавней поры там располагался Дом творчества российских художников) на мысу между реками Волховом и Любшей, существует небольшое городище – возможно «городок» одного из княжеских мужей времен освоения Ладоги или боярина Любши.

Изыскания, проведенные на городище экспедицией под руководством Е.А. Рябинина в 1997–2001 гг., привели к неожиданным открытиям. Выяснилось, что поселение на этом месте возникло в первые века н. э., а в IX в. здесь построили редчайшую каменно-земляную крепость.

Ладожские могильные холмы VIII–X вв. – сопки – особо примечательны. Наиболее впечатляющие сохранились в урочище Сопки, на левом берегу Волхова, за церковью Рождества Иоанна Предтечи и протекавшим здесь ручьем Стрековец (ныне пересох). В центре этого урочища – большой холм высотой около 10 м. Его считают местом погребения Олега Вещего – объединителя северной и южной Руси. Летописцы точно не знали обстоятельств конца жизни этого князя. По одной версии, Олег «иде к Новгороду и оттуда в Ладогу (...) есть могила его в Ладозе»³⁵. По другой, он умер и был погребен в Киеве на горе Щековице. Северная версия признана более правдоподобной. Ладога была, очевидно, связана с именем Олега. В поисках его останков в Старой Ладоге в 1820 г., десять человек в течение девяти дней колодцем раскапывали уже поврежденную ранее так называемую «сопку Олега», пока не дошли до ее основания. Находки оказались более чем скромными: сожженные кости, нечто похожее на задвижку замка, еловые, сосновые, ольховые угли, наконец, двушипный железный дротик длиной около 34 см³⁶. По этим находкам трудно сказать что-либо определенное о погребенном, однако и опровержения словам северного летописца здесь, пожалуй,

Урочище Сопки. Слева – так
называемая могила Олега Вещего.

.....

Sopki Urochishche (Tract),
with the mound known as
the Grave of Oleg the Wise on the left

нет. Заупокойные приношения, обнаруженные в сопке, весьма бедны, однако, это еще не свидетельствует о действительном социальном положении захороненного.

На плане первой половины XIX в. у деревни Лопино отмечено всхолмление с тремя сопками (ныне их уже нет), им соответствовали еще три сопки, которые были устроены ниже на первой надпойменной террасе (они также не сохранились). Получается оригинальное ярусное кладбище. Не отражали ли погребения, расположенные на двух разных уровнях, иерархический строй старших и младших представителей одного родового клана? Здесь следует сказать, что в древности ладожское поселение было зажато кольцом могильников – курганных, грунтовых, наконец, с групповыми или одиночными сопками. Все они свидетельствуют о постоянном пребывании населения, избравшего для похорон определенные кладбища прямо на окраинах своего города.

Для Ладоги Волхов был не только священным путем, но и дорогой жизни. Власти Ладоги обеспечивали судовождение по этой реке, что было совершенно необходимо в связи с существовавшими здесь многорядными порогами ступенчато-барьерного и перекатного ти-

→

Сопка в урочище Сопки

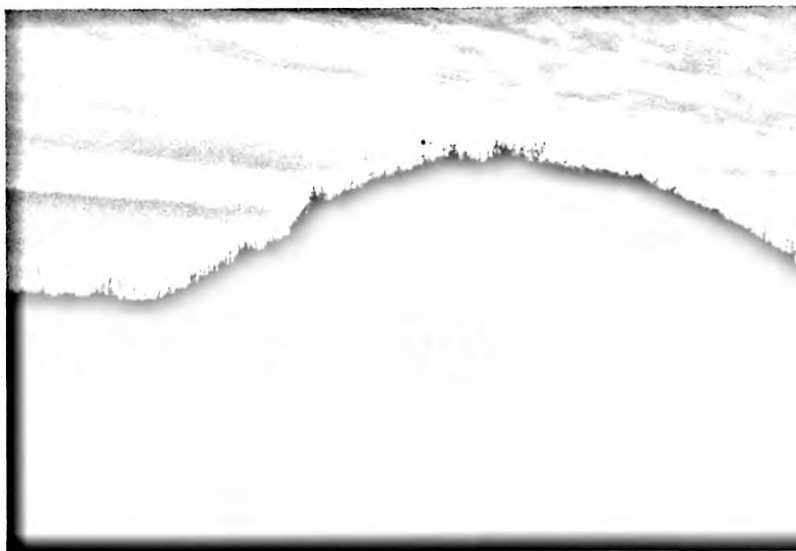
.....

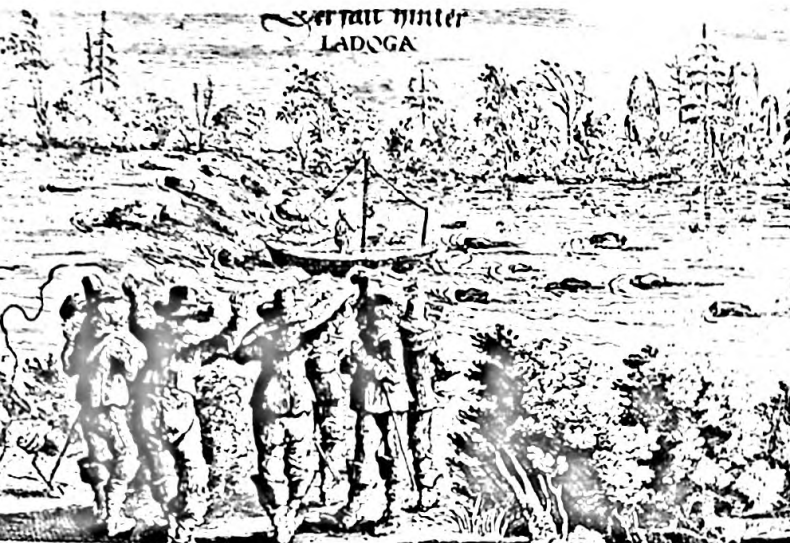
Mound in Sopki Urochishche

пов. Первые из них – Волховские или Гостинопольские – протяженностью 9,5 км начинались у городища, расположенного у деревни Новые Дубровки, что в 10 км от Ладоги, и заканчивались у старинного поселения Гостино Поле, или Гостинополье. Эти пороги были наиболее опасны для судов, так как перепад воды составлял здесь около 10 м. Судя по обнаруженной нами архивной карте 1761 г.,³⁷ эти пороги (в перечислении с севера на юг) включали косы: Ветхой Бор, Дубецкая, Новый Бор, Плохая, Волок и пороги: Березовый, Петровский, Валимский, Гремонт, Несон, Вельцы. Ниже по течению Волхова располагались Пчевские пороги, начинавшиеся у деревни Городище. Их протяженность составляла около 8 км. Еще одна архивная карта, относящаяся к 1783 г., упоминает здесь двухрядные гряды Никольскую и Князькову и косы: Дворец, Средняя, Превольский³⁸. Часть приведенных выше названий, такие как Валимский, Гремонт, Несон, Вельцы, Князьково, имеют, видимо, древнее происхождение. Для преодоления порогов судовладельцы нанимали в Ладоге лоцманов. Эти лоцманы сопровождали купеческие караваны от дельты Невы к Ладожскому озеру, Волхову через его пороги и также в обратную сторону. В Ладоге иностранные купцы делали остановку, иногда, судя по известиям XI в., зимовали, приобретали и оснащали суда. Здесь находились одна или две «немецкие» церкви (св. Николая и св. Петра), гостиный двор и Варяжская улица. Последняя упомянута в источнике около 1500 г., но существовала, вероятно, уже в X в. Кстати, эта улица сохранилась в Старой Ладоге и поныне, правда, она была переименована в Краснофлотскую, но теперь прежнее название возвращено.

В Ладоге происходила перегрузка товаров на плоскодонные суда. Корабли длиной 8–12 м, шириной около 2 м, считались универсальными; они могли передвигаться и по морю, и по рекам. По-видимому, на судах такого типа в 1634 г. по Волхову путешествовало голштинское посольство. Очевидец так описал это плавание по Волхову в Новгород, растянувшееся на семь дней. Пороги на Волхове «очень опасно переезжать в лодках, так как река стрелою мчится вниз с больших камней и между ними. Поэтому, когда мы прибыли к первым порогам (Волховским – А.К.), то вышли из лодок и пошли берегом, дожидаясь, пока наши лодки сотнею людей перетаскивались через пороги на канатах. Через другие пороги, которые не так опасны, мы прошли к вечеру»³⁹. Иными словами, путь через пороги занял целый день.

Другой иностранец, Э. Пальмквист, посетивший Россию в 1673 г., в своем описании этой поездки отмечал, что в зоне порогов фарватер достигает глубины в сажень

*Пороги на Волхове у
г. Ладоги в 1634 г.
Гравюра из книги А.Олеария
«Описание путешествия
в Московию...»
.....*

*Rapids near the town
of Ladoga. 1634.
Engraving from the Account
of the Journey to Muscovy
by Adam Olearius*

пристанища для ночевки. Одним из них была деревня Городище, где в древности стоял, по-видимому, сторожевой городок. От Ладоги он был удален на 47 км и маркировал отрезок Волхова протяженностью около 70 км до его устья. Несомненно, что этот отрезок пути находился под контролем властей Ладоги. Восточные и западные границы ее округа определялись аналогичными городками-форпостами, существовавшими, начиная примерно с IX–XI вв. на реках Лаве и Сяси. Оба отстоят от Ладоги на 43–50 км, то есть на расстоянии дневного перехода. Так очерчивается торгово-транспортная область города Ладоги, привязанная к порогам и верховью Волхова.

В 1926 г. пороги были взорваны. Передвижение по Волхову стало безопасным. Ныне эта древняя река стала привлекать ученых и туристов, которые пытаются пройти на лодках по великому пути «из варяг в греки». Среди таких путепроходцев оказались не только россияне, но и шведы. Они по археологическим данным построили корабль «Айфор» длиной 9 м и шириной 2,2 м, на котором в 1995 г. вместе с археологом П.Е. Сорокиным совершили путешествие Сигтуна – Новгород, продолжавшееся 41 сутки.

Таков обзор достопримечательностей Старой Ладоги, не раз переносивший читателя из веков нынешних в век минувший.

и «весь караван судов обыкновенно до 30 перед порогами вытаскивается на берег с большими трудами при помощи порядочного числа рабочих лошадей». Таким образом, суда выволакивались из воды и перевозились по суше. Конечно, необходимость такой операции зависела от меняющегося из года в год уровня воды и грузоподъемности и осадки кораблей.

У границ порогов существовали поселения или

1. Новая Ладога
2. с. Исаковское
3. селение у г. Старая Ладога
4. место, где жгут известь
5. г. Старая Ладога
6. Никольский монастырь
7. с. Илья Пророк
8. с. Михаил Архангел
9. д. Дубовик
10. с. Петр и Павел
11. пороги Клен
12. с. Вельцово
13. Никольская голова
14. о. Богатый
15. д. Бор
16. с. Никольское
17. д. Бережки
18. д. Ешина
19. д. Терентьева
20. д. Хахала
21. д. Никольская
22. гряда Никольская
23. д. Городище
24. гряда Князькова
25. д. Ихоновица
26. коса Дворец
27. Средняя коса
28. коса Привольский
29. д. Пшевой

Пунктиром и крестиками обозначены пороги; цифры по течению реки — глубины в саженях (2,13 м).

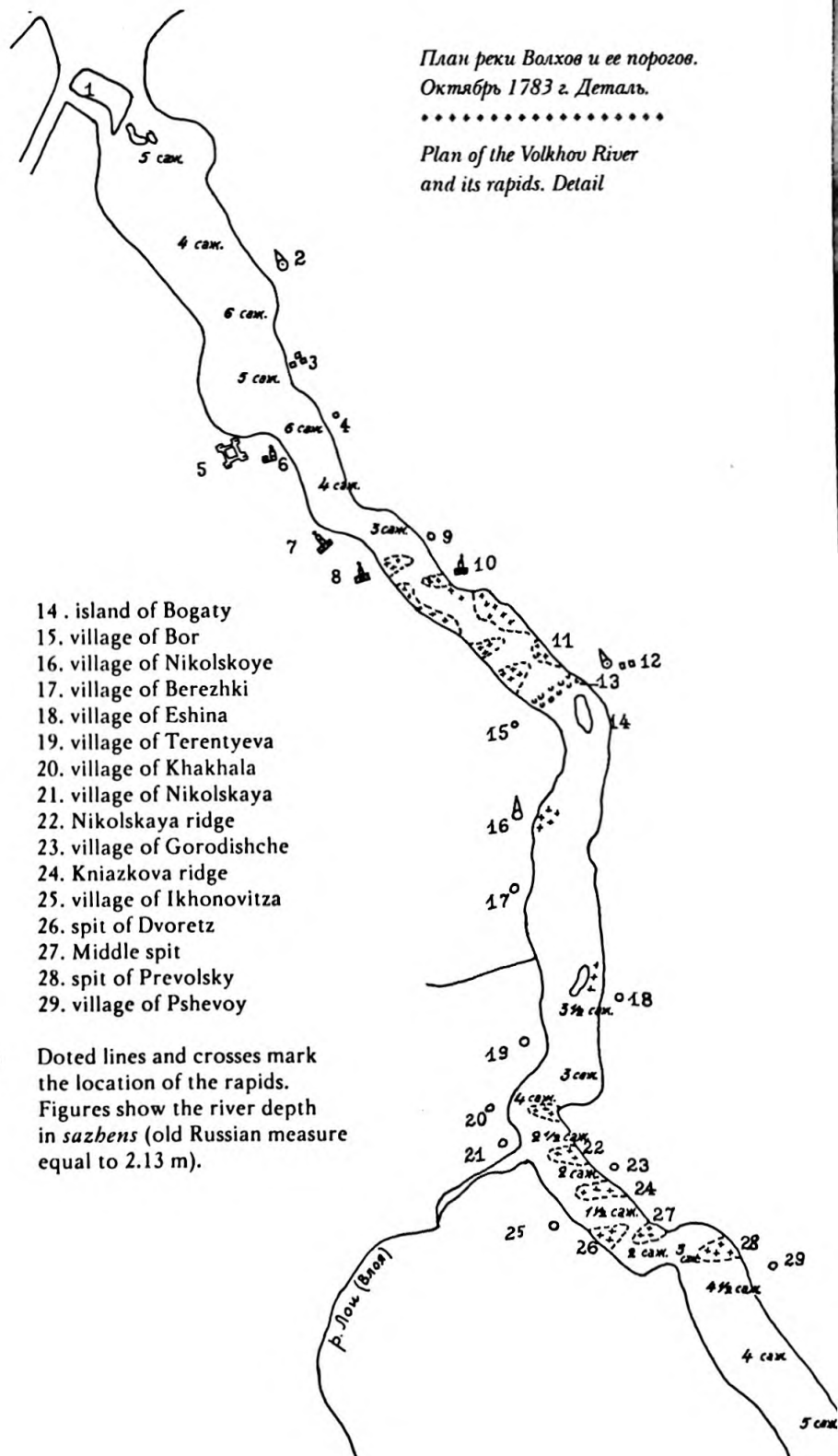
1. Novaya Ladoga
2. village of Isakovskoye
3. settlement near Staraya Ladoga
4. place where limestone is burnt
5. Staraya Ladoga
6. St. Nicholas Monastery
7. village of the Holy Prophet Elias Church
8. village of the Archangel Michael Church
9. village of Dubovik
10. village of the Sts. Peter and Paul Church
11. Klen rapids
12. village of Veltzovo
13. Nikolskaya golova

14. island of Bogaty
15. village of Bor
16. village of Nikolskoye
17. village of Berezhki
18. village of Eshina
19. village of Terentyeva
20. village of Khakhala
21. village of Nikolskaya
22. Nikolskaya ridge
23. village of Gorodishche
24. Kniazkova ridge
25. village of Ikhonovitza
26. spit of Dvoretz
27. Middle spit
28. spit of Prevolsky
29. village of Pshevoy

Doted lines and crosses mark the location of the rapids. Figures show the river depth in *sazhens* (old Russian measure equal to 2.13 m).

План реки Волхов и ее порогов.
Октябрь 1783 г. Деталь.

Plan of the Volkhov River
and its rapids. Detail

ПРИМЕЧАНИЯ

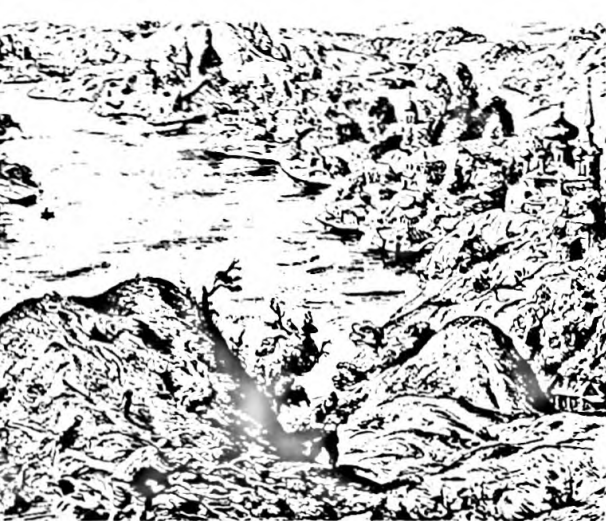
1. Роспонт С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 53.
2. Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.) М., 1993. С. 244, 245.
3. Невская Л.Г. Балтийская географическая терминология. М., 1977. С. 47.
4. Словарь русского языка XI–XVII. Т. 8. М., 1981. С. 272, 293; Дворянинов С.А. Волховский путь и происхождение географического названия Ладога. Рукопись 1990 г. Староладожский музей-заповедник.
5. Словарь русского языка XI–XVII. Т. 8. М., 1981. С. 292.
6. Историки были введены в заблуждение скороспелыми утверждениями некоторых археологов о том, что первыми поселенцами в низовьях Волхова были норманны, а славяне появились здесь в конце 760-х годов. Однако, уже в материальной культуре нижнего слоя Ладоги представлены характерные для местных племен, особенно славян, височные кольца со спиралевидным завитком, также лунничного типа колесовидные бляхи, колпачковидные подвески, пластинчатые кресала трапецевидной формы. Имеют славянское происхождение и почти все предметы из керамики.
7. Карамзин М.Н. История государства российского. Т. I. М., 1889. С. 298.
8. Отрывок из путешествия Ходаковского по России. Ладога. Новгород // Русский исторический сборник, издаваемый обществом истории и древностей Российских. Т. III, кн. 2. М., 1839. С. 136.
9. Рерих Н.К. По пути из варяг в греки // Н.К. Рерих. Собрание сочинений. Кн. 1. М., 1914. С. 46–48.
10. Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московской войны. М., 2000. С. 143.
11. Там же. С. 426.
12. Кирпичников А.Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. С. 70.
13. Бранденбург Н.Е. Старая Ладога. СПб., 1896. С. 137.
14. Там же. С. 4.
15. Отнесение строительства храма Георгия и создание его фресок в 80–90-е гг. XII в. кажется мне завышенным. Во время реставрационных работ в этом храме было установлено, что при его закладке была произведена корректировка фундаментов в плане и по высоте. С.В. Лалазаров объясняет это изменением архитектурного замысла постройки, первоначально подражавшей устройству церкви св. Климента (заложена в Ладоге в 1153 году), но затем, очевидно, в связи со смертью в 1156 г. заказчика крепостного храма архиепископа Нифонта, ставшей сооружаться по другому, более упрощенному варианту (Церковь св. Георгия в Старой Ладоге. М., 2002. С. 69 и сл.). Думаю, что упомянутую корректировку можно объяснить и иными причинами, а именно, при устройстве фундаментов строители обнаружили, что восточная часть здания будет заложена на непрочном насыпном грунте берегового откоса крепости (что ныне подтверждено археологически) и поэтому вынуждены были изменять детали сооружения и его объем (за счет сокращения его восточной части).
16. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 218, 219.
17. В 1769 г. учрежден военный орден св. Великомученика и Победоносца Георгия, а в 1913 г. военный Георгиевский крест (Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980. С. 274, 275).
18. Казанский Н.Н., Кирпичников А.Н. Печать византийского митрополита из Старой Ладоги // Церковная археология. Вып. 4. СПб., 1998. С. 115–124, рис. 1–2.
19. Мильчик М.И. Церковь Георгия в Старой Ладоге // Советская археология. 1979. № 2. С. 101–116.

20. Раппопорт П.А. Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества // Новгородский исторический сборник. 1 (11). Л., 1982. С. 201.
21. Бранденбург Н.Е. Старая Ладога. С. 239.
22. Булкин В.А., Овсянников О.В. По Неве и Волхову. Л., 1981. С. 81.
23. Селин А.А. Средневековые источники по истории Ладоги // Культура, образование, история Ленинградской области. СПб. 2002. С. 67.
24. Мильчик М.И., Коляда М.И. Новая датировка Каменной крепости в Старой Ладоге // Дивинец Староладожский. СПб., 1997. С. 160–167. Указание источников о том, что в Старой Ладоге "город делали" предполагает перестройку уже существовавших каменных укреплений с сохранением некоторых прежних ее частей. Это подтверждают архитектурно-археологические исследования Староладожской каменной крепости.
25. Бранденбург Н.Е. Старая Ладога. С. 55.
26. Гусева О.Г., Воинова И.А. К вопросу о датировке Успенской церкви в Старой Ладоге // Храм и культура. Вып. 8. СПб., 1995. С. 75–80.
27. Бранденбург Н.Е. Старая Ладога. С. 52.
28. Церковь Иоанна Златоуста Никольского монастыря в поселке Старая Ладога. Историческая справка // Спецпроектреставрация. Т. IV. Кн. 1. Ч. 1. Л., 1987. Архив Староладожского музея-заповедника. Л. 7. Церковь Иоанна Златоуста построена на месте более древней шатровой церкви, неоднократно ремонтировавшейся в XVII веке.
29. Кирпичников А.Н. Архитектурно-археологические открытия в Старой Ладоге // Археологические открытия 1975 года. М., 1976. С. 18, 19; Гусева О.Г., Иоаннесян О.М., Стеценко Н.К. Исследование Никольского собора в Старой Ладоге // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 172. М., 1982. С. 70–79; Мильчик М.И. Еще раз о хронологии каменного строительства XII в. во Пскове и Ладоге // Древнерусское искусство. Русь и страны Византийского мира. XII век. СПб., 2002. С. 292 и 294.
30. Бранденбург Н.Е. Старая Ладога. С. 58.
31. Там же. С. 96.
32. Старая Ладога. Никольский собор. Проект реставрации. Материалы исследований / Козьмян Г.К. Историческая справка. Л., 1986. Архив ЛФ Спецпроектреставрация. № 161а. Л. 1–17.
33. Игумен Иоанн. Историко-статистическое описание заштатного Староладожского Николаевского монастыря. СПб., 1865. С. 5, 36.
34. Бранденбург Н.Е. Старая Ладога. С. 59–61, 96. Дату строительства каменного храма св. Василия Кесарийского подтвердил дендроанализ спила конькового бревна трапезной, выполненный в лаборатории дендрохронологии ИА РАН Черных Н.Б. Бревно оказалось спиленным в первой половине 80-х гг. XVII в.
35. Новгородская первая летопись. С. 109.
36. Отрывок из путешествия Ходаковского по России. С. 148.
37. Российский государственный исторический архив. Ф. 1399, оп. 1, № 109, л. 1.
38. Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. 1331, оп. 4, № 580. Наименования кос и гряд Пчевских порогов по данным 1742 г. записаны несколько иначе — Князьковская, Средняя, Сухая, Братана, Меньшиковская (Архим. Сергей. Карта Водской пятины и погостов в 1500 г. СПб., 1905. Табл. 19).
39. Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 20.

Ладога в первые века ее истории

*Панорама Старой Ладоги.
Литография Т. Козьминой*

.....

*View of Staraya Ladoga.
Lithograph by T.Kozmina*

Среди древнерусских городов Ладога, основанная в середине VIII в., особенно примечательна. Она входит в число древнейших упоминаемых в летописи городов, а в некотором роде выступает и как предтеча некоторых из них.

Почти за 1000 лет до основания в 1703 г. Санкт-Петербурга Ладога была первым «окном в Европу» славян-русских, ключевым городом-портом на ве-

ликих трансконтинентальных путях, Балто-Онежском и Балто-Днепровском. В создании Ладоги воплотилась «балтийская идея» славян получить выход к Балтийскому морю, к свободным связям с Западной Европой, Скандинавией, Западно-Славянским Поморьем. В первые века русской истории Ладога, своеобразный «вольный город», преобразующим образом повлияла на процессы экономической и культурной интеграции народов Евразии, на развитие мировой торговли и судоходства. Велико значение Ладоги для рассмотрения начальных этапов русской истории, но оно этим не исчерпывается. С самого начала своего существования Ладога выступает как один из важных центров цивилизации стран Балтийского региона. В Европе то было время «бури и натиска». Рождались государства, города, ремесла, формировались новые общественные силы, устраивались ближние и дальние, военные и торговые экспедиции. Торжествовали и творили чудеса свободное общение людей, рыночная экономика, частная инициатива. Всеобщий подъем коснулся и населения Нижнего Поволжья. В Ладогу обитатели бескрайних северных лесов свозили лучшие в мире меха. Всему лесному северу этот город поставлял ювелирные изделия, оружие, предметы быта. Вскоре Ладога стала европейски известным складочным местом различных грузов и центром транзитной и собственной торговли. Ее особенностью было отсутствие аграрного окружения. Экономика Ладоги в первые века ее существования была ориентирована на внешние связи и обеспечение судо-

*Панорама музея-заповедника
«Старая Ладога».
Вид от «Могила Олега»*

.....

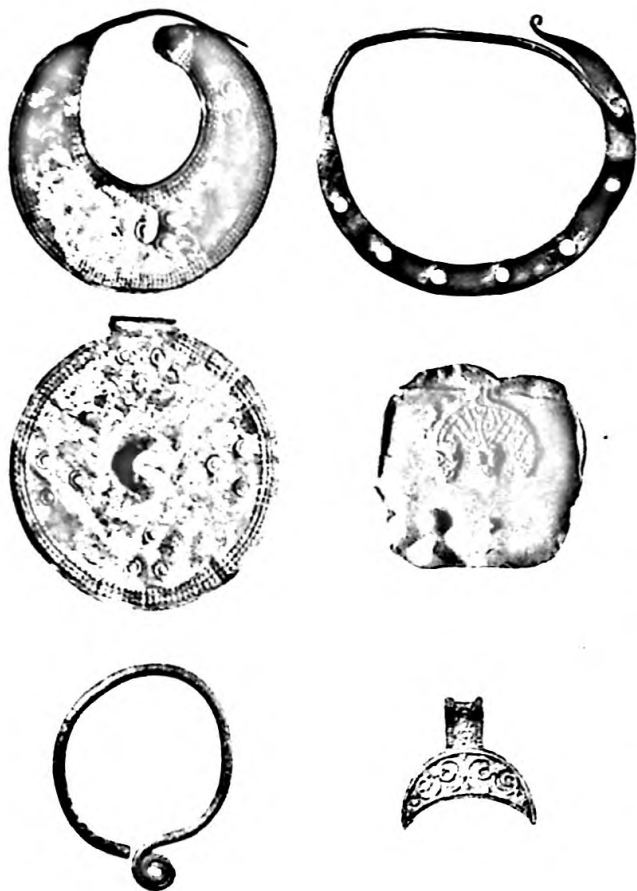
*General view of the Staraya Ladoga
Museum and Heritage Preserve
as viewed from the "Oleg's Grave"*

ходства. Быть может поэтому археологи не обнаружили в Ладоге характерных для городов земледельческих комплексов и крупных дворов бояр. Владельцами домов, судя по раскопкам, были в основном социально уравненные свободные горожане, занимавшиеся коммерческой и производственной деятельностью.

Расположенное на стыке морских и речных путей Ладожское поселение служило местом контакта различных этнических групп и культур и само являлось базой и рынком для налаженного производства и продажи «экономических» ценностей, особенно мехов. Здесь организовывались торговые поездки, осуществлялись сбыт и обмен местных и привозных товаров, разворачивались специализированные ремесла, преимущественно ювелирное и кузнечное. Все это выдвигало раннюю Ладогу в число наиболее преуспевающих торговых и рыночных центров средневековой Европы наравне с такими балтийскими городами, как датский Рибе и шведская Бирка.

В первые сто лет своего существования Ладога была едва ли не единственным крупным поселением на севере Восточной Европы. Восточные и западные источники (включая древнерусские) в повествованиях о событиях, происходивших в VIII–IX вв., отмечают север Восточной Европы как зону растущей политической и торговой активности¹. Из этих мест в Багдад везли меха и мечи, а названные в одном арабском описании «ал-лудаана», возможно, купцы-ладожане, по торговым делам ездили в Хазарию, Константинополь и Испанию. Во многом загадочная, но поддающаяся расшифровке Иоакимовская летопись сообщает о существовании на севере «великого города» и доваряжской княжеской династии. Весьма вероятно, что не позднее первой трети IX в. Ладога становится центром Русского каганата – раннегосударственного образования, возникшего в Восточной Европе на северном отрезке Великого Волжского пути.

Бронзовые височные кольца (Земляное городище, Каменная крепость), формочка для литья лунниц (Земляное городище), серебряная лунница (урочище Плакун, курган 6).
Раскопки В.И. Равдоникаса, Е.А. Рябина, А.Н. Кирпичникова.

.....

*Bronze temple rings (Earthen Gorodishche, Stone Fortress), a mould for casting crescent-shaped decorations (Earthen Gorodishche) and silver crescent-shaped decoration (Plakun Tract, barrow 6).
Excavated by V. Ravdonikas, Ye. Ryabinin and A. Kirpichnikov*

О послых этого каганата византийский император Феофил в 839 г. писал королю франков Людовику Благочестивому. По верному замечанию Г.С. Лебедева, «Ладога второй половины VIII в., несомненно, была направляющим центром событий, развернувшихся от Скандинавии до Прикаспия, а к 830 гг. — дотянувшимся до Константинополя и Ингельгейма»²

В эпоху раннего средневековья Ладога развивалась усилиями разных этнокультурных и социальных групп и представляла в тот период своеобразный разноязычный Вавилон, поражающий не межобщинной рознью, а уживаемостью основного населения славян и отчасти финнов со скандинавами, западными славянами, булгарами и другими представителями тогдашнего мира. Здесь произошла историческая встреча людей Запада и Востока, породившая животворные достижения в области духовной и материальной культуры.

Находки, связанные с первым столетием жизни Ладоги, как и вся ее культура этого и последующего периодов, полиэтничны. Здесь при раскопках найдены средиземноморские бусы, фризские гребни, скандинавские бронзовые фибулы-застежки, железные гривны с молоточками скандинавского бога-громовержца Тора и другие изделия. С Востока привозились гири, стеклянные подвески-лунницы, перстни и бусы из сердолика и горного хрусталя. С южного побережья Балтийского моря в Ладогу поступал янтарь, частью обрабатывавшийся на месте. Встречаются здесь и финские украшения (кресала, гребни, копоушки, булавки, подвески).

Встает вопрос, как попали те или иные изделия в Ладогу: как товары, или они принадлежали постоянным жителям, и каким именно? За вещами археологи пытаются определить людей-носителей своих культурных традиций. Сортировка находок, связанных с первыми ладожанами, свидетельствует о наличии трех

главных материальных компонентов в культуре ранней Ладоги: славянском, скандинавском и финском. Конечно, не обязательно за каждым даже этноопределяющим предметом предполагать местного жителя или приезжего чужеземца. Люди того времени охотно пользовались изделиями разных народов и культур. Однако, если такие изделия в находках не единичны, то это уже не случайно.

Тысячи обломков славянской глиняной посуды представлены во всех напластованиях Ладоги. Однако особое внимание обращают на себя женские височные кольца и некоторые украшения женского убора, которые могут служить устойчивым этноопределяющим признаком. Именно по таким вещам устанавливают присутствие славян в составе первоначальных ладожан. Таково, например, бронзовое серповидное кольцо с семью отверстиями для подвешивания трапециевидных подвесок. Такие кольца характерны для кривичей, пришедших в Ладогу из более южных областей. Аналогичного происхождения круглая бронзовая бляха с выпуклостью в центре и симметричным глазковым орнаментом. К ней приближается по оформлению и технике отделки своеобразное височное кольцо полулунного очертания¹.

Выделяются также не единичные для Ладоги бронзовые и серебряные проволоочные кольца со спиральным завитком. Древнейшие украшения этого рода (VII—VIII вв.) зафиксированы между Балканами и Днепром и попали на Верхний Днепр и в Ладогу вместе с переселявшимися на север южными славянами². В X в. подобные проволоочные кольца станут общерусским украшением³. Таким образом, предметы женского убора помогают вычленить славянское присутствие в первоначальной Ладоге, что поразительным образом соответствует упоминанию в летописном «Сказании о призвании варягов» двух племен — словен и кривичей, по-видимому, принявших вместе с финскими племенами участие в формировании этого центра. Подробнее об этом скажем ниже. Ладожские находки позволяют сделать еще одно наблюдение. Замечено, что проволоочные и лунничные височные кольца встречены в Дунайских землях. В Ладогу эти женские украшения попали, скорее всего, опосредованно, в процессе славянской миграции, затронувшей разноплеменное славянское

Изображение лодки на свитке из бересты. X в.

Раскопки В.П. Петренко.

.....

*Depiction of a ship
on a birch-bark roll. 10th century.
Excavated by V. Petrenko*

Карта торговых путей Руси
 X-XI вв. (по Б.А. Рыбакову)

Map of trading routs in Rus
 in the 10th-11th centuries
 (compiled by B. Rybakov)

население, что подтверждает и летопись. Недаром предания о Дунае-батюшке были широко распространены в ряде восточнославянских регионов⁶. Входила в эту зону, где встретились ильменские словени и полоцко-смоленские кривичи, и Ладога. В этой связи интересно следующее недатированное известие Воскресенской летописи: «пришедше словени с Дуная и седше у озера Ладожского и оттоле прииде и седоша около озера Ильменя»⁷. Конечно, трудно представить, чтобы словени из пределов юго-восточной Европы вышли к берегам Ладожского озера, минуя Ильменскую область, однако, их выдвижение к устью Волхова действительно было очень ранним и запечатлено как в археологических, так и, особенно, в письменных источниках. Как бы то ни было, летописные известия о поселенцах Северного Поволжья, думается, раскрывают этническое происхождение основной части населения Ладоги как славянского, что, конечно, не исключает присутствия здесь

и некоторого числа норманнов и представителей других племен и народов. В Ладоге скандинавы, по-видимому, появились рано, они искали дорогу на Восток, в богатые серебром мусульманские страны. Среди этих пришельцев были бродячие ремесленники а также торговцы, приезжавшие на сезонные ярмарки. Считать этих людей основателями Ладоги не приходится, тем более, что, как известно, они в чужих землях городов, как правило, не основывали, а селились в уже созданных. Присутствие норманнов в Ладоге станет особенно заметным в связи с событиями середины IX в.

Торговая необходимость, лежавшая в основе происхождения и развития Ладоги, и мощные импульсы международных культур повлияли на ускоренное формирование города, минуя его раннюю эмбриональную фазу развития.

К поселениям в Северном Поволжье можно смело отнести слова хрониста Адама Бременского, адресованные городу Волину на южном побережье Балтики: «Приезжие, — пишет он — получают равные права с местными жителями, лишь бы только, находясь там, не выставляли напоказ христианской веры (горожан хронист причислял к язычникам — А.К.) (...) Что же касается нравов и гостеприимства, то нельзя найти людей честнее и радушнее. В этом городе, полном товарами всех северных народов, есть все, чего не спросишь дорогого и редкого»⁵. Многоязычие, веротерпимость, процветающая местная и дальняя торговля, активное предпринимательство — таковы черты не только Волина, но и некоторых других бурно растущих городов, в том числе, и Ладоги.

В Ладоге с удивительной быстротой научились изготавливать то, что пользовалось спросом в близких и далеких регионах. Кроме того, этот город привлекал размахом своего торжища.

*Центральная часть Старой
Ладоги с Каменной крепостью
и церковью св. Георгия*

.....
*Central part of Staraya Ladoga
with the Stone Fortress
and Church of St. George*

С Запада в Ладогу и через нее на русские и восточные рынки везли вооружение, чаще всего мечи с ножами, украшения (некоторые типы стеклянных бус, бронзовые черепашковидные фибулы – застёжки и др.), предметы туалета (костяные гребни, копоушки-уховертки, булавы, игольники), стеклянные кубки, ткани, янтарь и, вероятно, невольников.

С Востока (точнее, из Нижнего Поволжья, Подонья, Закавказья, Прикаспия, областей Переднего Востока и Средней Азии) в Северное Поволжье и страны Балтийской Европы доставляли серебряные монеты – дирхемы, наборные пояса, бусы из горного хрусталя и сердолика, раковины каури, стеклянные лунницы, снаряжение для всадников и коней, возможно, шелк, парчу и другие ткани, пряности, предметы роскоши. Сама Ладога нуждалась в сырье: кричном железе, кости, янтаре, серебре, олове и меди. На ладожском торжище пушнина (меха соболей, белок, куниц, горностаев, лисиц, бобров), бусы, костяные гребни, украшения из металла, оружие, воск, янтарь, и, вероятно, рабы продавались (или менялись) приезжим купцам за дирхемы, частью же отвозились в страны Запада и Востока самими ладожанами.

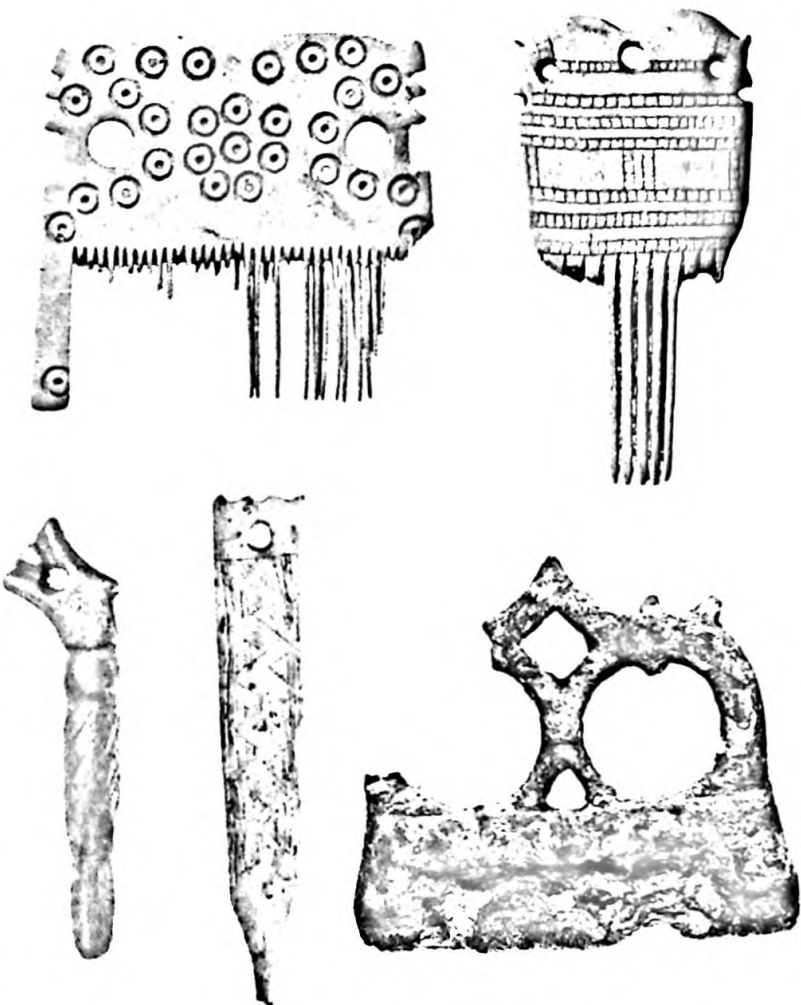
Торговая активность ранней Ладоги выразительно прослеживается по найденным при раскопках восточным монетам. В тот период основной платежной единицей служили арабские дирхемы. На них имелись надписи: цитаты из корана, данные о правителе, при котором чеканилась монета, дата чеканки. Производились монеты по большей части на территории нынешних Ирана, Ирака, Афганистана, Средней Азии. Через Каспий и Кавказ, по рекам русской равнины они распространялись в Восточной Европе и, главным образом, через Ладогу проникали в страны Балтийского региона. При этом две трети ввозимого в Восточную Европу серебра употреблялось на внутренние нужды славянского общества, и лишь оставшаяся треть попадала на Запад.

Показательно, что в Старой Ладоге и ее окрестностях в разные годы найдено не менее 7 кладов и порознь 34 куфические монеты. В общей сложности насчитывается около 467 найденных монет. Суммарно эти находки датируются VII–XI вв., а по времени сокрытия или потери – второй половиной VIII–XI в.¹⁰ По концентрации находок кладов и отдельных монет, соответствующих первым трем векам ее существования, Ладога не знает себе равных как среди русских городов, так и среди городов и торговых мест Балтийского региона.

Примечательно, что в Старой Ладоге была найдена монета (в отложениях 750–760 гг.), изготовленная в Дамаске в 699–700 гг., и клад из 28 целых и 3 обломков дирхемов, чеканенных в 749–786 гг. Эти монеты, одни из самых древних среди до сих пор встреченных в Восточной Европе, с учетом времени распространения и всякого рода случайностей свидетельствуют о начале международной «серебряной» торговли, достигшей низовьев Волхова не позднее 750–760-х гг. Именно Ладога – один из первых центров русской равнины, где дирхемы зафиксированы сразу же, как только началось их распространение в странах Восточной и Северной Европы. Найденные в Ладоге монеты попали в Нижнее Поволжье по Великому Волжскому пути, а, следовательно, его поэтапное функционирование началось, скорее всего, до середины VIII столетия. Именно этот начальный поток арабского серебра привлек в Ладогу викингов, сделав ее для них своеобразными «серебряными» воротами в далекие, сказочно богатые страны Востока. Лидирующее значение Ладога сохраняет и в последующий

период (IX—X вв.) широкой евразийской монетной торговли. Распространено мнение о том, что обычно сокровища прятали в связи с осадами, боязнью нападений, вообще военной опасностью. Между тем, судя по археологическим раскопкам, сокровища находились в домах и могли каждодневно использоваться в качестве обменного и платежного средства. Иногда человек желал сохранить серебро в тайнике на время своего отсутствия или в ожидании наиболее благоприятной коммерческой ситуации. Правдоподобно, что часть своих ценностей пришельцы могли прятать перед отъездом на родину, чтобы в дальнейшем, по возвращении, располагать своим капиталом. Именно таким скрытым в мирное время до очередной необходимости кажется многопудовый клад, обнаруженный на берегу Ладожского озера в 1809—1810 гг. Изучая монеты Восточной Европы, американский нумизмат Т. Нунан выяснил, что в кладах, зарытых в Восточной Европе между 780 и 899 гг., около 85% дирхемов было отчеканено до 860 г. (при этом многие до 820 г.), что предполагало активную торговлю Руси с участием своих и приезжих купцов со странами Ближнего Востока в 750—850 годах¹⁰.

А вот факт не бесполезный для изучения функционирования северного участка Великого Волжского пути, проходившего через Ладогу. По подсчету упомянутого ученого, 125 000 000 исламских серебряных монет в течение X в. было экспортировано из Средней Азии в Северную Европу (экспорт в весовом отношении

Гребни со спинками в виде двух стилизованных конских голов, копоушки, кресало в бронзовой оправе. IX—X вв.

Раскопки В.П. Петренко

.....

Combs with backs in the shape of two stylized horse heads, ear-cleaning sticks, bronze-mounted flint.

9th—10th centuries.

Excavated by V. Petrenko

Наконечники железных боевых
и костяных охотничьих стрел.
IX-X вв. Раскопки В.П. Петренко

Heads of iron war arrows and bone
hunting arrows. 9th-10th centuries.
Excavated by V. Petrenko

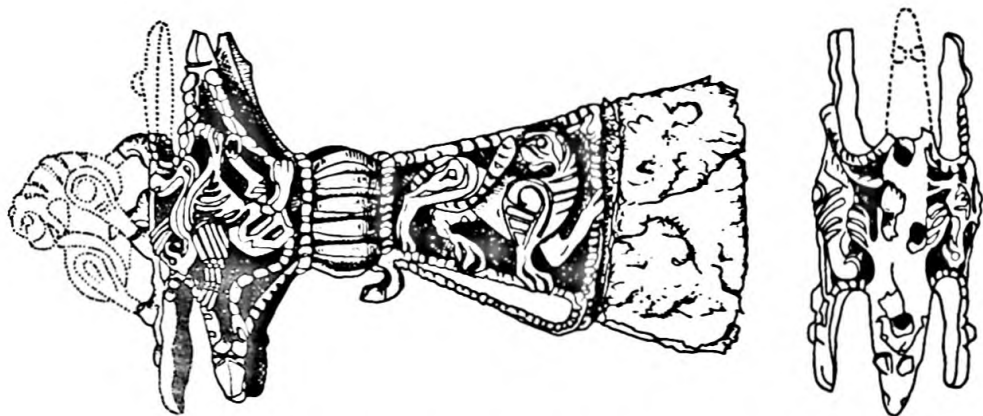
→
Топорик бронзовый
со стальным лезвием. IX-X вв.
Рисунок с элементами
реконструкции Г.Ф. Корзухиной

.....
Bronze axe with a steel blade.
9th-10th centuries.
Drawing with elements
of reconstruction by G. Korzukkina

Деревянные игрушечные мечи,
железное двуштыльное копье,
бронзовый наконечник ножны меча
с изображением птицы IX-X вв.
Раскопки Н.И. Репникова,
В.И. Равдоникаса, В.П. Петренко

.....
Wooden toy swords, an iron two-stud spear,
a bronze top of a sword sheath
with a depiction of a bird. 9th-10th centuries.
Excavated by N. Repnikov, V. Ravdonikas
and V. Petrenko

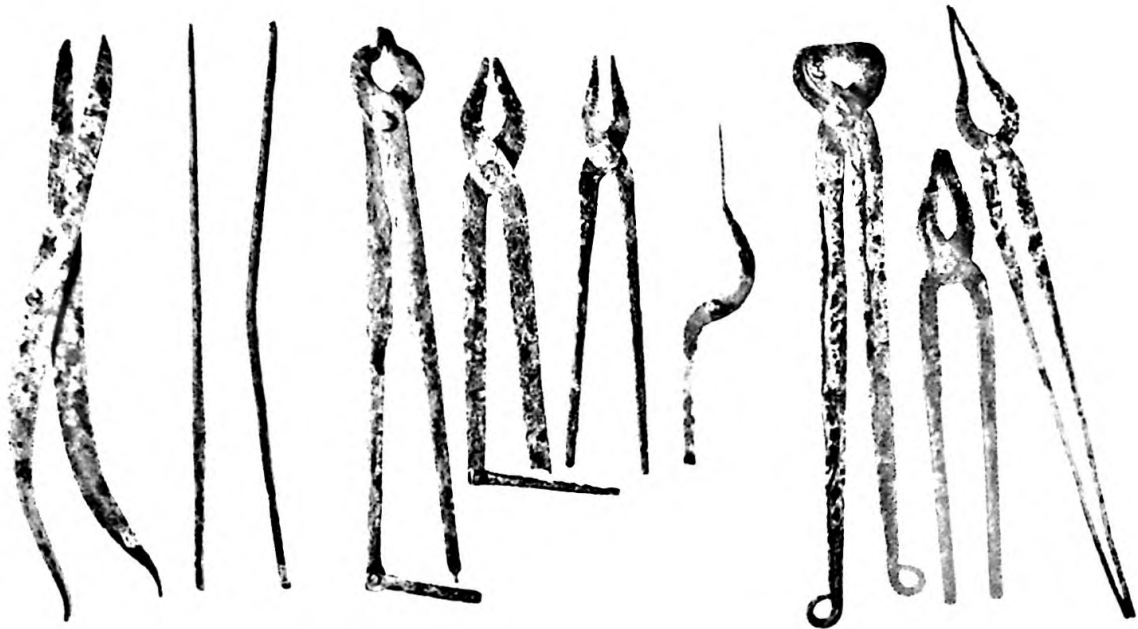
составлял ежегодно 3 750 кг серебра, для чего требовался эквивалент в виде 500 000 шкурок меха высшего качества)¹¹. Можно представить громадный объем и интенсивность движения ценностей, которые по преимуществу провозились тогда через Ладогу. Несомненно, что в этой международной коммерции не могли не участвовать жители этого ключевого маршрутного города.

Возникнув наряду с другими раннегородскими образованиями на Балтике как разноэтническое торгово-ремесленное поселение на трансевропейской магистрали, Ладога в силу особенностей своего расположения становится сначала форпостом Балтийской цивилизации на пути к богатствам Востока, затем политическим центром складывающегося Русского государства, и, наконец, крупным древнерусским городом с населением около тысячи человек. В отличие от многих синхронно с ней возникших поселений такого рода Ладога не меняла своего местонахождения, и жизнь в ней никогда не замирала.

Характерной особенностью хозяйства Ладоги была ориентация на внешние связи и отсутствие сколько-нибудь заметной роли земледелия. Безусловно, известное ладожанам в достаточно развитом виде земледелие в окрестностях Ладоги затруднялось природными условиями, мелкоконтурными сельскохозяйственными угодьями и не лучшими для возделывания подзолисто-торфяными почвами. Сельскохозяйственные возможности населения Нижнего Поволжья нельзя, однако, преуменьшать. Выборочные археологические разведки выявили здесь плотную береговую заселенность в эпоху средневековья, в полосе течения реки, на протяженности почти 60 км. Прилегающие к Волхову угодья и долины впадающих в него речек, очевидно, были вполне пригодны для самостоятельных земледельческих занятий населения.

При всем этом основу ладожской экономики составляли дальняя и ближняя торговля и обмен и в какой-то мере сбор даней с окрестного финноязычного населения. Отношения с последним, наряду с другими, ранее уже оговоренными факторами, стимулировали развитие в Ладоге косторезного, деревообрабатывающего, кожевенного, а особенно кузнечного, бронзолитейного и стеклодельного ремесел.

Во время раскопок Староладожской археологической экспедиции в 1973–1975 гг. руководитель отряда Е.А. Рябинин добрался до самых глубинных слоев Земляного городища и неожиданно почти на самом материке, то есть на непоколебленном основа-

Инструменты из ювелирно-
кузнечной мастерской 750-х гг.

Раскопки Е.А. Рябина

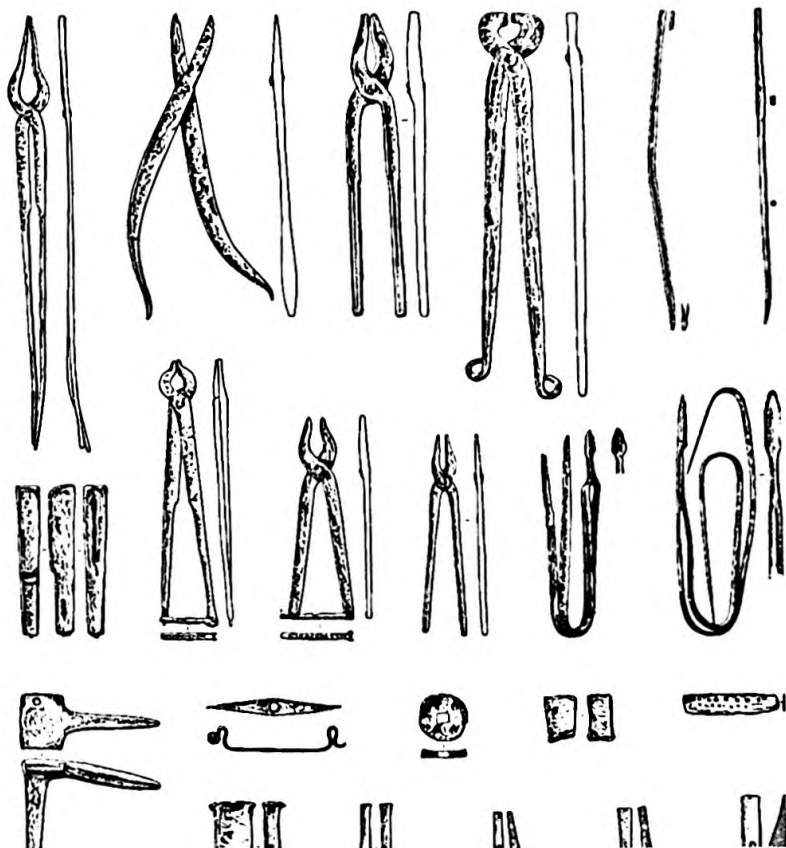
Ниже - прорисовка инструментов
из этой же мастерской

.....

Tools from a smith-cum-jeweller's
workshop. 750s.

Excavated by Ye. Ryabinin.

Below, the drawings of the tools
from the same workshop

нии, сделал сенсационную находку. Там оказались остатки кузнечно-ювелирной мастерской с беспрецедентным по разнообразию и редчайшим для своего времени (750-е гг.) набором из не менее, чем 28 инструментов ремесленника-универсала. Вместе находились 7 клещей, 2 сверла, наковаленка, 3 ювелирных молоточка, 2 зубила, ножницы для резки металла, 2 волочильные пластины для протягивания проволоки, тигли и другое. Там же находились ножи, гвозди, наконечники стрел, корабельные заклепки, литые украшения¹².

Судя по всему, в мастерской производились не только кузнечно-слесарные, но и ювелирные работы. При этом осуществлялся полный цикл обработки изделий из черных и цветных металлов, включая плавку, ковку, сварку, волочение проволоки, разрезания металла, литье из бронзы, свинца и олова.

Мастерская, по всей видимости, работала сезонно, в теплое время года, а ее владельцем мог быть бродячий мастер (или мастера), занимавшийся среди прочего ремонтом и починкой кораблей. Археологическим подтверждением этому служат согнутые пополам сверла. Очевидно, они были слишком длинными, и мастер, сняв деревянные рукояти, согнул их так, чтобы они помещались в какой-то походный футляр. Вероятно, это было сделано при отъезде ремесленника из Ладоги. О происхождении мастера однозначно сказать трудно. В зоне мастерской найдены серповидное кольцо, колпачковидная и трапециевидная подвески, сходные с такими же находками в смоленских длинных курганах VIII–IX вв. Другой адрес – скандинавский – указывает обнаруженное вместе с инструментами бронзовое антропоморфное навершие какого-то изделия, возможно, пинцета. Рассматриваемый производственный комплекс знаменует собой начало городского ремесла, с непрерывным циклом изготовления изделий, разделением труда между мастером и подмастерьем, производством не только на своем, но и на привозном сырье (отливки с использованием меди, бронзы и олова). Перед нами наглядная иллюстрация того, чем занимались первые ладожане еще в предвикингский период (эпоху викингов обычно датируют концом VIII — первой половиной XI в.).

В культурных напластованиях Ладоги найдены остатки и других мастерских по изготовлению бронзовых

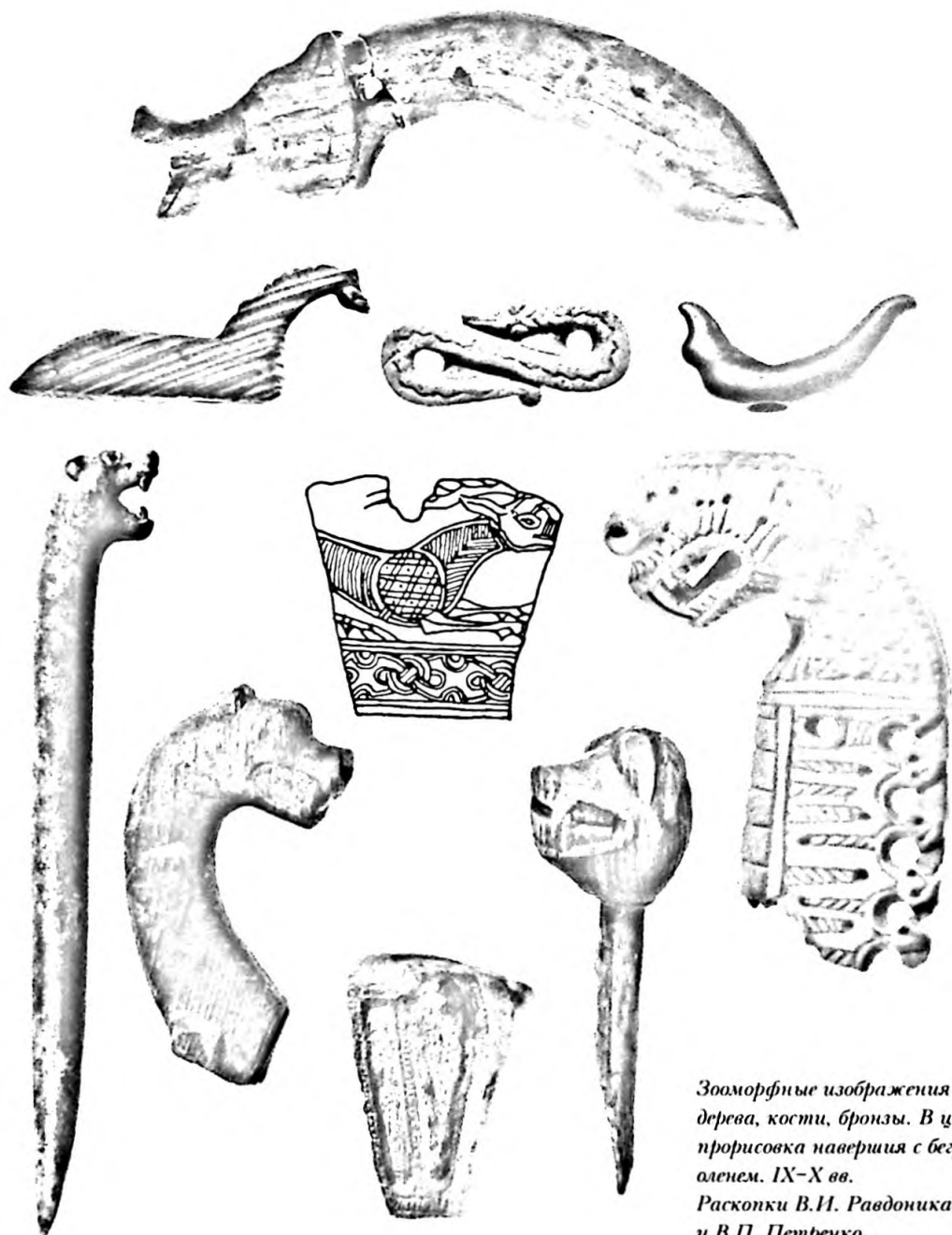

*Навершие с изображением Одина.
Бронза. Из ювелирно-кузнечной
мастерской 750-х гг.*

*Раскопки Е.А. Рябикина
.....*

*Bronze top-piece with an image
of Odin. From the smith-cum-jeweller's
workshop. 750s.*

Excavated by Ye. Ryabinin

Зооморфные изображения из
дерева, кости, бронзы. В центре –
прорисовка навершия с бегущим
оленьем. IX–X вв.
Раскопки В.Н. Равдоникаса
и В.П. Петренко.

.....

Zoomorphic depictions of wood, bone
and bronze. In the centre, the drawing
of a top-piece with a running deer.
9th–10th centuries. Excavated
by V. Ravdonikas and V. Petrenko

Поясная накладка с изображением бегущего зверя. Бронза. Случайная находка

.....

Bronze belt-piece with a depiction of a running animal. Chance find

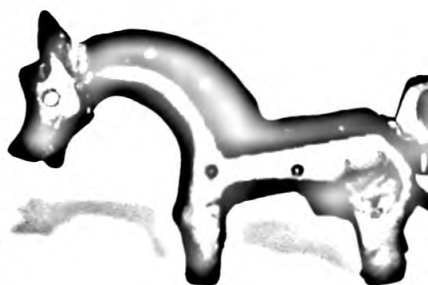
и стеклянных изделий, обработке кожи и кости. При раскопках, которые проводит Староладожская археологическая экспедиция в настоящее время, почти во всех жилых постройках постоянно встречаются тигли, льячки, иногда ремесленные инструменты, а также куски янтаря, заготовки из кости, обломки бронзы, полуобработанные бусы, капли стекла и бронзы, литейные формочки и тому подобное. Очевидно, что владельцы этих построек занимались ювелирным и отделочным ремеслом, иногда сразу нескольких разновидностей. Можно предполагать, что эти дома служили жильем и одновременно мастерскими, в которых ремесленники изготавливали различные украшения. Комплексное многоассортиментное ювелирное ремесло составляло одну из основных, если не главную сферу деятельности ладожан, как в VIII—IX, так и в X вв. Характерно, что курганы юго-восточного Приладожья, принадлежавшие финнам-чуди, наполнены бусами, застёжками, браслетами, подвесками, гребнями, топорами, копьями, ножами, либо произведенными в Ладоге, либо поступившими сюда через этот город.

Постоянство, с каким в раскопках встречаются различные деревянные и костяные фигурки людей, птиц, коньков, орнаментированные блюда, фигурные стержни, рисунки на досках человеческих личин и зверей¹³, свидетельствует о желании наших далеких предков окружать себя не только строго функциональными, но и эстетически привлекательными вещами. Подтверждают это, например, костяное навершие с изображением бегущего оленя¹⁴, фигурка из рога в виде тюленя (?), навершие с головой дракона¹⁵. Одно из деревянных наверший в виде мужской головы считают идолом. Однако, какие-либо атрибуты бога здесь

Конек из бронзы. IX—X вв.

.....

*Bronze figurine of a horse.
9th–10th centuries*

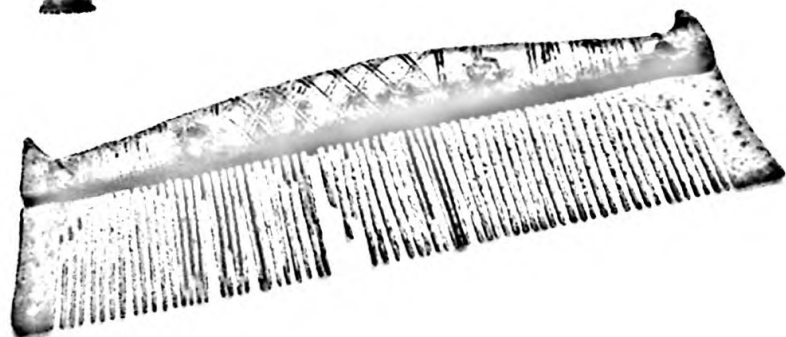

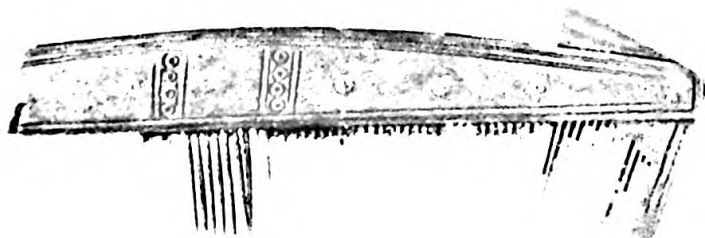
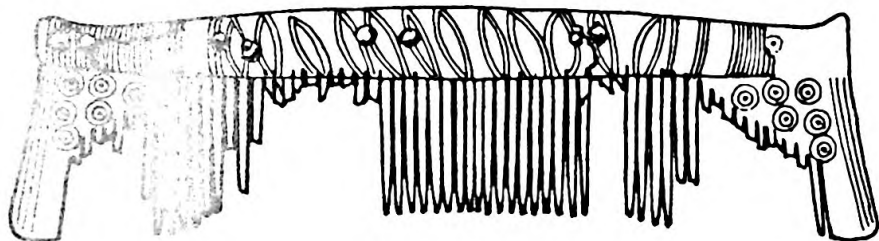
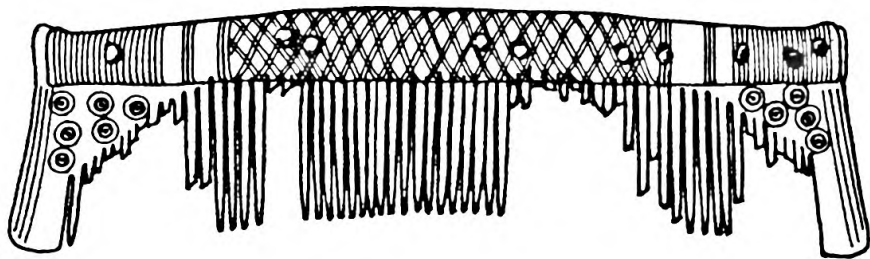
*Бронзовые изделия: булавка,
игольник, равноплечная фибула,
подвеска и костяная копушка.
IX-X вв.*

*Раскопки В.И. Равдоникаса
и В.П. Петренко*

*Bronze articles: a pin, a needle-case,
an equilateral fibula, a pendant,
and a bone ear-cleaning stick.
9th-10th centuries.*

*Excavated by V. Ravdonikas
and V. Petrenko*

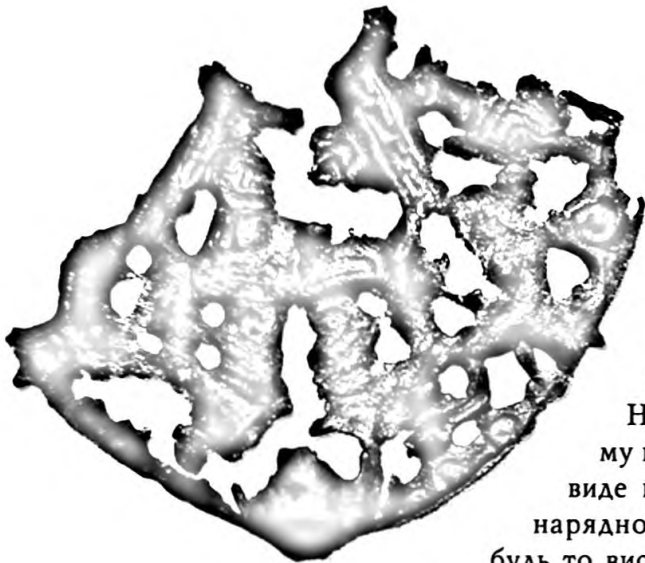
*Костяные составные гребни
IX – начала XI вв.*

*Раскопки В.П. Петренко
и А.Н. Кирпичникова*

.....

*Parts of composite bone combs.
9th- early 11th centuries.*

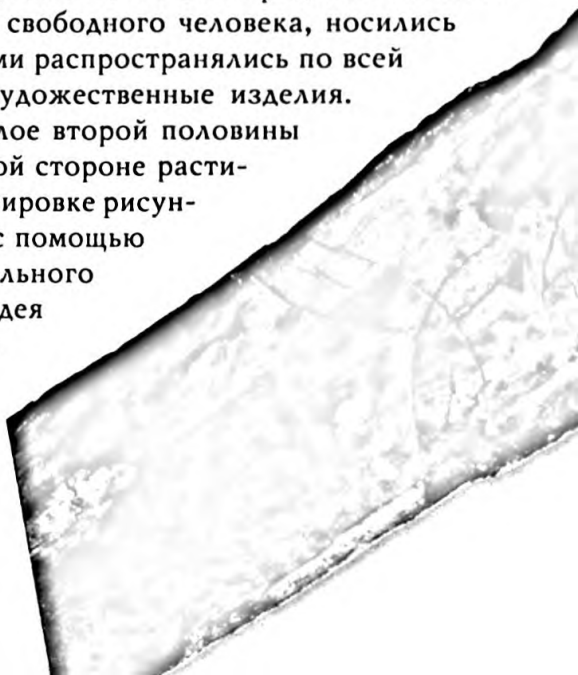
*Excavated by V. Petrenko
and A. Kirpichnikov*

отсутствуют¹⁶. Перед нами, по-видимому, рукоять какого-то несохранившегося изделия. Напротив, некоторые другие образцы «малой пластики» имели культовый смысл как домовые, обереги, символы небесных, водных или иных сил. Обращают на себя внимание детские деревянные игрушечные мечи, копирующие настоящее оружие.

На одном клинке в подражание подлинному весьма правдоподобно вырезано клеймо в виде поперечных и наклонных черт¹⁷. Особой нарядностью отличались украшения костюма, будь то височные кольца, булавки, застёжки-фибулы, нашивные бляшки. Мода была интернациональной.

Для носителя украшений зачастую не имело значения, где были сделаны украшения, лишь бы они по своей отделке соответствовали его положению в обществе. Не удивительно, что славяне могли носить парные скандинавские фибулы, скрепляющие бретели сарафана, а скандинавы щеголяли в «русских шапках», отороченных мехом, и в накидках и рубахах из восточного шелка и византийской парчи. Богатством нередко выделялись золоченые бронзовые скандинавские фибулы овальной формы, украшенные разновидностями ленточного и звериного орнамента. Одну из таких фибул удалось обнаружить на Земляном городище во время раскопок 1984 г. Эта вещь оказалась очень редкой. Немногие аналогии, найденные на Оркнейских островах, в Норвегии, Швеции, Британии, Исландии, — все относятся к IX в. Горожане широко пользовались костяными расческами, которые выделялись как в самой Ладоге, так и привозились из стран Балтийского региона. Спинки гребенок обычно покрывались кружковым или геометрическим орнаментом¹⁸. Эти предметы личного туалета были неременной принадлежностью свободного человека, носились при себе и большими единообразными партиями распространялись по всей Европе. В раскопках встречены необычные художественные изделия. Таково найденное на Земляном городище в слое второй половины X в. ребро животного с изображением на одной стороне растительного узора, а на другой — стрелы. При гравировке рисунка мастер, очевидно виртуоз высшего класса, с помощью немногих линий добился эффекта стремительного движения стрелы, ее полета. Возникла даже идея использовать это динамичное изображение в гербе Старой Ладоги. Ребро с описанными начертаниями не имеет какой-либо функции. Возможно, перед нами проба резца, упражнение или эскиз будущей композиции. К такого же рода «пробным эскизным» произведениям относится и трапецевидное

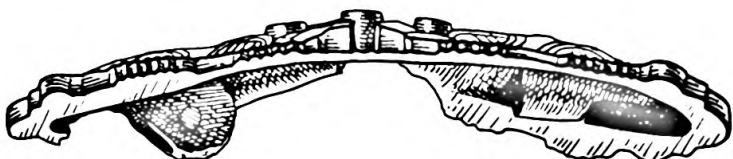
←

Часть фибулы.

Золоченая бронза. X в.

Fragment of a fibula. Gilded bronze.

10th century

Бронзовая фибула IX в.

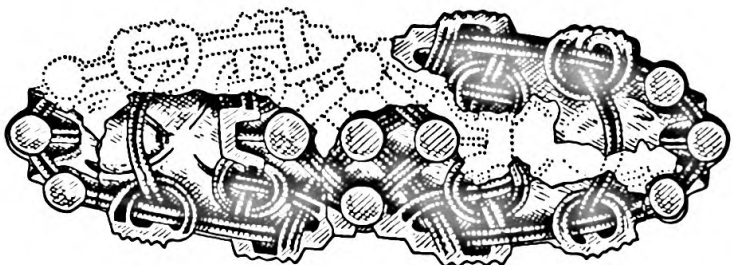
Прорисовка.

Раскопки А.Н. Кирпичникова

Drawing of a bronze fibula.

9th century.

Excavated by A. Kirpichnikov

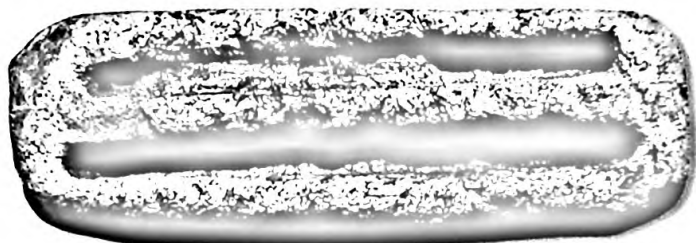

Железный амулет-молоточек Тора,
серебряная фибула с длинной изгой
и каменная форма для отливки
платежных слитков. X в.

Раскопки А.Н. Кирпичникова

Thor's amulet – a small iron
hammer, a silver fibula
with a long needle,
and a stone mould for casting
pay-ingots. 10th century.

Excavated by A. Kirpichnikov

←

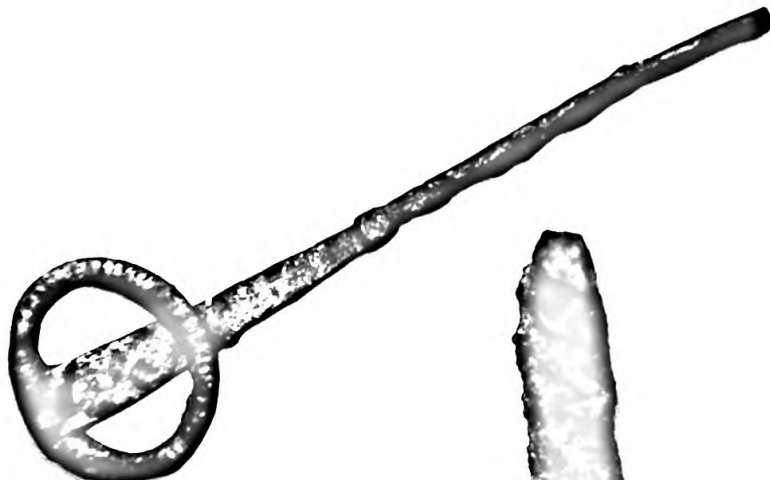
Пластина с изображением летящей
стрелы. Вторая половина X в.

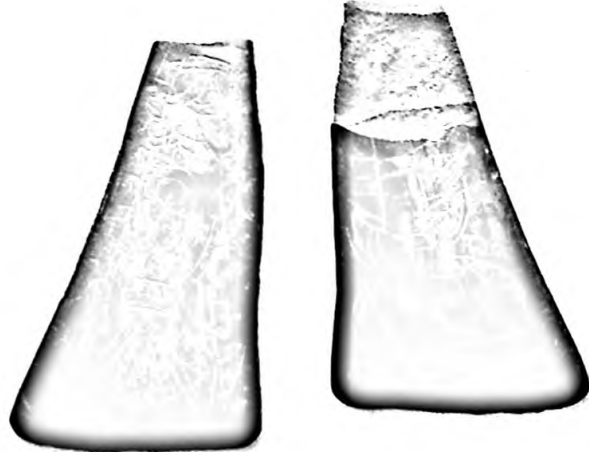
Раскопки А.Н. Кирпичникова

Plate with a depiction of a flying arrow.

Second half of the 10th century.

Excavated by A. Kirpichnikov

Обломок топорика из сланца
с орнаментом.

Вторая половина X в.

Раскопки А.Н. Кирпичникова

.....

Fragment of an ornamented slate axe.

Second half of the 10th century.

Excavated by A. Kirpichnikov

→

Золотая серьга в технике
зерни и скани.

Вторая половина XII–XIII в.

Раскопки А.Н. Кирпичникова

.....

Gold earring decorated with
granulation and filigree-work.

Second half of the 12th – 13th
centuries.

Excavated by A. Kirpichnikov

лезвие топорика, выполненное не из металла, а из сланца. Этот частично сохранившийся предмет найден неподалеку от описанного выше ребра в остатках деревянной постройки – возможно ювелирно-отделочной мастерской. На одной стороне топорика видно плетение, собранное в затейливый узор, на другой — плетенку, сгруппированную по сторонам центральной полосы. Можно думать, что мастер или подмастерье намечал на камне рисунок будущей отделки боевого топорика.

Заметен как бы учебный характер узора: не все линии поместились в заданном пространстве, да и выполнен узор с долей схематизма. Характерно, что на обеих вещах отсутствуют элементы скандинавского звериного орнамента, и наоборот, выступает ленточный узор, который в дальнейшем будет присущ русскому ювелирному искусству. Обе находки, а подобного рода художественные вещи в городах Киевской державы не единичны, убеждают, что поиски собственного стиля наметились не позже X столетия.

К произведениям уже сформировавшегося «национального» художественного ремесла относится золотая трехбусинная (сохранились две бусины) серьга, найденная в 1994 г. на Земляном городище. На шаровидных бусинах серьги напаяно множество мельчайших капелек зерни. Работа требовала большого умения, точности и терпения. Даже на небольшом

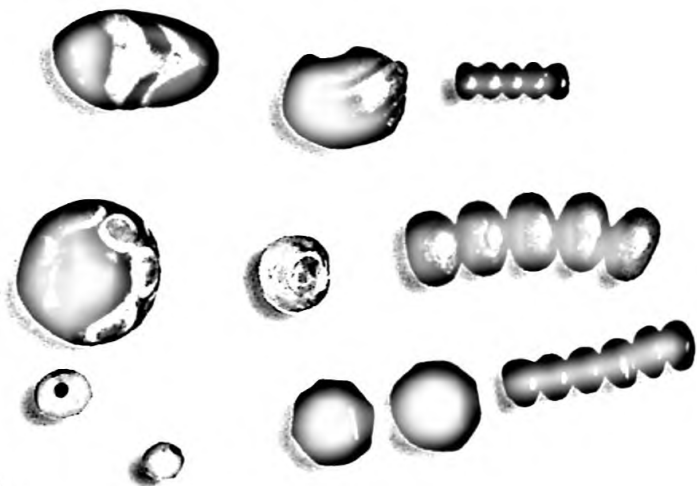

расстоянии детали серьги зернь и скань (оплетка из тонкой проволоки) почти не различимы. Серьга воспринималась как бы в ореоле таинственного мерцающего свечения. Видимо, такого зрительного эффекта, усиленного декоративностью самой вещи, и добивался ее создатель. Яркой, многоцветной, можно сказать, ковровой гаммой красок отличались стеклянные, янтарные, сердоликовые и хрустальные бусы.

Излюбленными были орнаментированные полосками и глазками, а также однотонные — зеленые, синие, бордовые, золото- и серебростеклянные. Добавим сюда желтый, зеленый, синий, серо-голубоватый бисер. Извлеченные из земли, эти украшения в большинстве своем выглядят так, словно они только что сделаны. Бусы, несомненно, были популярны и доступны, но некоторые особо ценились.

Известно, что чем больше нитей бус носила женщина, тем выше оценивалось благосостояние ее семьи. Спрос на разноцветные бусы удовлетворяли их массовым привозом из разных стран Европы и Азии, их изготавливали и на месте, правда, частью на импортном сырье. В раскопках неоднократно находили капли стекла, незаконченные или бракованные экземпляры.

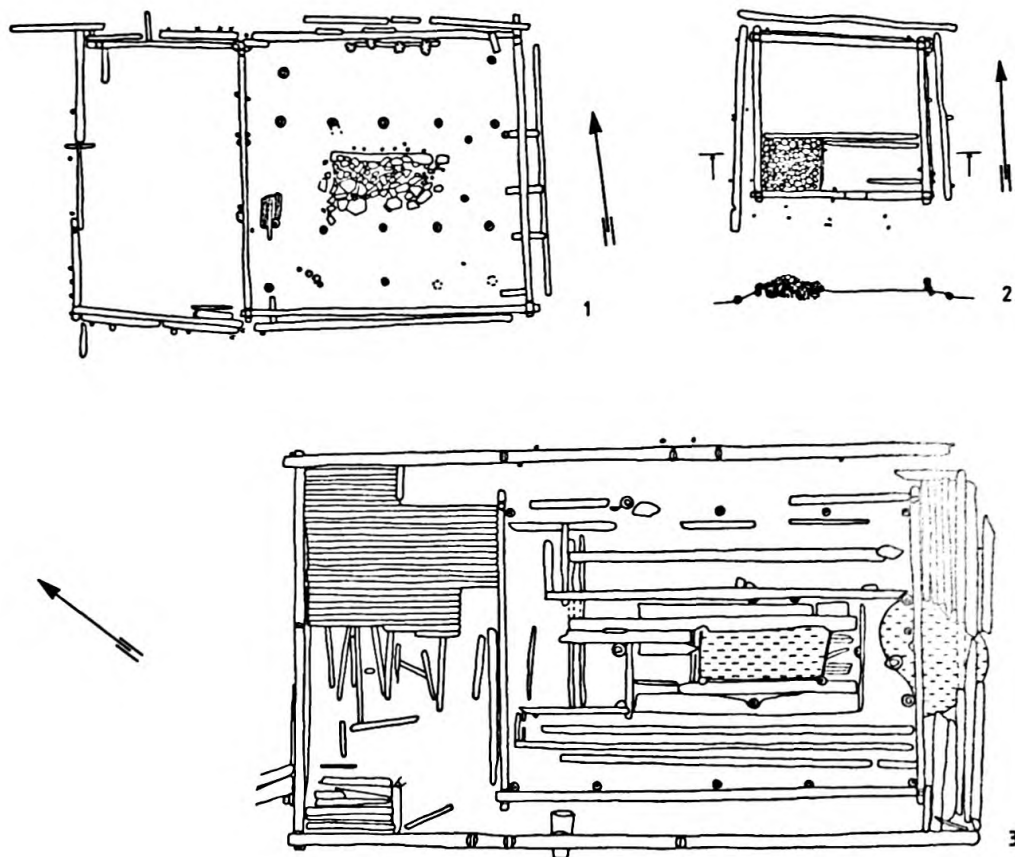
Ни один древнерусский город или поселение VIII–IX вв. не может сравниться с Ладогой по степени сохранности своих построек. Благодаря этому счастливому обстоятельству, ученые могут детально воссоздать планы и конструктивные детали домов, строившихся в Ладоге уже на начальном этапе ее существования. Один из основных типов ладожских построек — четырехугольная изба размером от 3,7 x 3,9 до 5,5 x 6,0 м — возводился в Ладоге уже ее первыми поселенцами. Несколько построек такого рода открыто в древнейшем слое Земляного городища, датированном 750–830 гг. Сооружались они и позже. Эти постройки представляли собой бревенчатый сруб, обычно ориентированный по сторонам света. Внутри сруба, часто в одном из противоположных входу углов, устраивалась квадратная или прямоугольная печь-каменка. Стены срубов укладывались «в обло» с врубленной чашей и пазом на каждом бревне. Доски пола настилались на лаги продольно по направлению к входу. В ряде случаев дома обстраивались наружной галереей шириной не менее 0,5 м. Стены галереи в отличие от основного сруба набирались из досок, помещавшихся в пазы, выбранные в бревнах и столбах. В условиях холодного климата постройки с галереями, подведенными под одну крышу, были весьма практичными. Наряду с описанными избами в Ладоге VIII–X вв. были распространены постройки и другого типа. Это относительно крупные дома общей площадью до 60–80 кв. м. Они состояли из основного отапливаемого сруба и холодной пристройки. Центральную часть отапливаемого помещения занимал прямоугольный в плане очаг, обложенный по краю вертикально поставленными плитами. Вдоль стен тянулись нары. Крыши построек держались на слегах, врубавшихся в торцевые щипцы, и иногда поддерживались внутренними столбами. Последние использовались обычно, если размер отапливаемого сруба превышал 6 x 7 м и бревенчатые стены постройки не могли выдержать давление земляной

Бусы. Стекло. Сердолик. X в.

.....

Glass and cornelian beads. 10th century

кровли. Отапливались эти помещения по-черному и потолка не имели. Пристройка возводилась одновременно с домом. Она делалась из бревен или представляла собой трехстенный сруб. В ней могла находиться лестница для подъема на специальный помост. Некоторые из двухкамерных построек можно рассматривать как жилища владельцев городских усадеб. Неслучайно они, как правило, окружены хлевами, амбарами и другими хозяйственными постройками. По плану двухкамерные ладожские дома поразительно похожи на дома-пятистенки, обнаруженные археологами в Новгороде и Белоозере. Правда, последние относятся к несколько более позднему времени. Ладожские двухкамерные дома, а их в слоях VIII–X вв. открыто десять, можно рассматривать в качестве предшественников изб-пятистенок русского средневековья и нового времени. Происхождение этого типа ладожских построек, возможно, также следует связывать со Скандинавией, где хорошо известны аналогичные двухкамерные жилища. Там сохранились подобные постройки, относящиеся и к XIII столетию. Обнаруженные при раскопках сооружения такого рода датируются, например, в Трондхейме, XI в. В этом ряду ладожские двухкамерные постройки пока наиболее древние. Для их реконструкции уместно использовать такие детали древнорвежских домов, как расположение входа не с торца, а с одной из боковых сторон холодной пристройки, а также обрамление его двумя порталными полуколоннами.

←

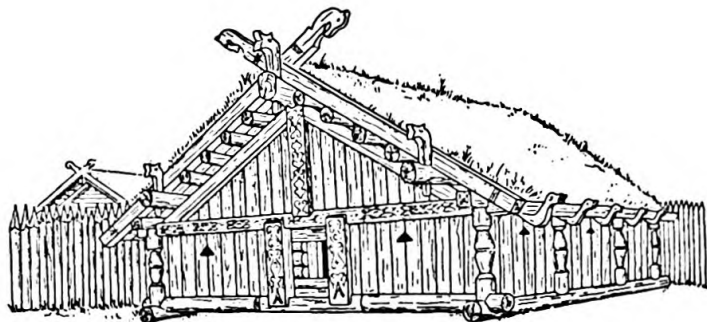
Основные типы ладожских
построек VIII–X вв.

Планы. 1 – дом-пятистенка;
2 – изба; 3 – «большой дом».

По раскопкам В.И. Равдоникаса
и В.А. Рябина

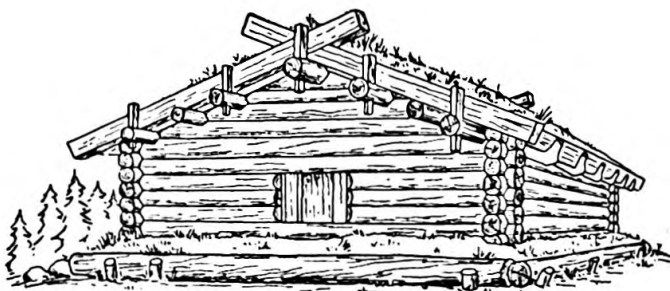
Plans of the main types of buildings
in Ladoga. 8th–10th centuries.

1–five-wall house; 2 – izba (peasant
log-house); 3 – “bolshoi dom” (large
house). Based on excavations
by V. Ravidonikas and Ye. Ryabinin

Деревянные дома
второй половины VIII–X в.
Реконструкция Ю.П. Спегальского

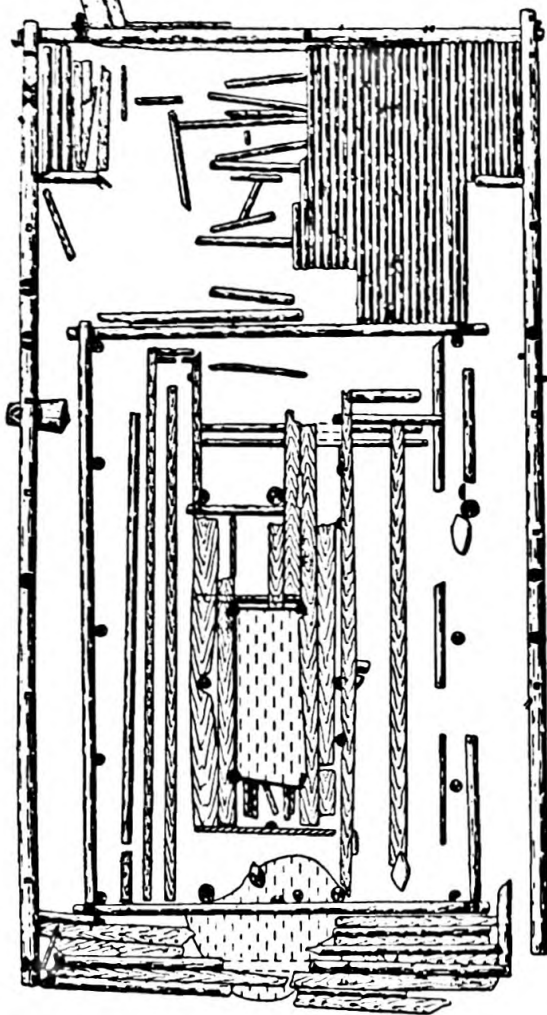
Timber houses.
Second half of the 8th–10th century.
Reconstructed by Yu. Spiegalsky

Угол стены постройки. X в.
Рубка «в обло» («с остатком»)

Corner of a building.
10th century.

План «большого дома»
894 – конца 920-х г.
Раскопки Е.А. Рябинина

.....
Plan of the "bolshoi dom" (large
house). 894– late 920s.
Excavated by Ye. Ryabinin

Изначально в Ладоге сооружались как избы, так и двухкамерные дома. В X в., по сравнению с более ранним временем, избы становятся все больше, они теснят двухкамерные жилища. Посадское население явно стало предпочитать этот вариант постройки в силу ее простоты, а также удобного использования для всякого рода строительных комбинаций (например, трехчастная связь). Оригинальной особенностью Ладоги является обнаружение в слоях IX–X вв. Земляного городища больших домов в плане 10 x 16 м, состоящих из основного отапливаемого покоя (8 x 10 м) и обходной, наружной галереи. В центре построек находится очаг из камней и глины, в отделке использовались корабельные доски. У торцов домов находились глиняные печи для приготовления пищи и выпечки хлеба. Не будь описания арабского путешественника Ибн-Фадлана в 921–922 гг. посетившего Среднее Поволжье и описавшего подобные постройки как дома купцов-русов, данные строения могли быть истолкованы как резиденции знатных владельцев. Ибн-Фадлан, между тем, пишет следующее: купцы-русы «пребывают из своей страны и причаливают свои корабли на Атиле (Волге)... и строят

на ее берегах большие дома из дерева, и собираются их в одном доме 10 и (или) 20 – меньше или больше, и у каждого из них скамья, на которой он сидит, и с ним сидит девушка – восторг для купцов»¹⁹. Ладожские дома наглядно иллюстрируют это описание. Части одного дома были распознаны в 1973 и 1981 годах Е.А. Рябининым²⁰, части другого – в 2002 г. экспедицией под руководством пишущего эти строки. Отметим, что с наружной стороны дома, зафиксированного в 2002 г., обнаружено скопление 2500 стеклянных бус зеленого цвета (бисер) – явно запас торговой партии, а в слое несколько выше остатков дома найдена вставка от перстня-печати из горного хрусталя с выгравированной арабской надписью, в переводе востоковеда В.В. Половина, гласящей «Помощь моя (только у Аллаха) на него

я положился и к нему обращаюсь». Это текст суры из Корана. Очевидно, что такой перстень предполагает личное присутствие в Ладоге восточного путешественника, скорее всего, купца.

Дома, сходные с ладожскими и описанные Ибн-Фадланом, могли строиться в торговых городах и местах, расположенных на великих речных путях Восточной Европы «из варяг в арабы» и «из варяг в греки». Они служили своеобразными купеческими гостиницами. В подобных домах останавливались члены торговых корабельных команд, пережидая зиму, участвуя в ярмарках, ремонтируя корабли. Такие постройки свидетельствуют о дальней торговле и евразийских связях средневековой Ладоги со странами Старого Света.

Судя по раскопкам, деревянные жилые и хозяйственные строения тяготели к Волхову, и многие были ориентированы по линии север-юг, вдоль береговой линии. Элементы упорядоченной планировки и уличное расположение домов прослеживается примерно с середины IX в. Однако относительно скромные размеры раскопанной территории не позволяют сказать о благоустройстве города в VIII–X вв. определеннее.

Геополитическое, транспортное и хозяйственное значение Ладоги определило ее ведущую роль в создании северо-русского государства — предшественника Киевской Руси. Процесс осложнился начавшимися походами викингов на восток. В «Житии Святого Ансгария», составленном его учеником Римбертом, описано нападение датчан в 852 г. на некий богатый город в

«пределах земли славян», который можно сопоставить с Ладогой.

«Напав неожиданно на его обитателей, живших в мире и тишине, они захватили его силой оружия и взяв большую добычу и сокровища, возвратились восвояси»²¹. Не исключено, что побежденные

Раскопки большого купеческого дома X в. на Земляном городище

Part of the large merchant's house at Earthen Gorodishche. 10th century

← Перстень с арабской надписью
Ring with an Arabic inscription

*Участница экспедиции
примеряет бусы, которые
носила ладожанка в X в.*

.....

*A member of the expedition
trying on beads worn by a Ladoga
woman in the 10th century*

были обложены данью. Этот набег показал растущую опасность экспансии на восток со стороны викингов. О дальнейшем развитии событий можно судить по реальному в своей основе «Сказанию о призвании варягов», занесенному на страницы «Повести временных лет» в начале XII в. Здесь следует заметить, что именно Ладога (а не Новгород) названа во всех текстологически наиболее достоверных летописных записях. Сомнения в этом вопросе окончательно преодолены недавними исследованиями²². Приведем заслуживающий доверия вариант упомянутого «Сказания» (по тексту Ипатьевской летописи). «В лето 6367 (859 г.). Имаху дань Варязи, приходяще из заморья (Балтийского), на Чюди, и на Словенех, и на Мерях, и на всех Кривичах. (...) «В лето 6370 (862 г.). И изгнаша Варягы за море, и не даша им дани. И почаша сами в себе володети, и не бе в них правды (то есть закона). И въста род на род, и быша усобице в них, и воевати сами на ся почаша». И тогда сказали «Поищем сами в себе князя, иже бы володел нами и рядил, по ряду (договору) по праву. Идоша за море к варягом... Р(е)коша Русь, Чюдь, Словене, Кривичи и вся земля наша велика и обилна, а наряда (порядка) в ней нет. Да поидете княжит и володеть нами. И избрашася трие брата с роды своими (...) и придоша к словенам первее, и срубиша город Ладогу. И седе старейший в Ладозе Рюрик, а другии Синеус на Белеозере, а третей Трувор в Изборьске (...) По дъвою же лету (то есть в 864 г.) умре Синеус, и брат его Трувор, и прия Рюрик власть всю один, и пришед к Ильмерю (Ильменскому озеру), и сруби город над Волховом, и прозваша и Новгород. И седе ту княжа, и раздая мужем своим волости и города рубити; овому Польшеск, овому Ростов, другому Белоозеро. И по тем городом суть находнице Варязи; первии наследници в Новегороде Словене, и в Полотьске Кривичи, Ростове Меряне, Белеозере Весь, Муроме Муромы. И тем всеми обладаше Рюрик»²³. Итак, в 862 г. славянские и финские племена, а точнее их старейшины, собравшиеся скорее всего в Ладоге, которая была для них межплеменной столицей, решили на договорной основе пригласить знатного скандинава Рюрика с братьями. Договоры того времени, судя по западно-европейским источникам, содержали следующие условия: верно служить, собирать дань, защищать край от нападений. Причины призвания летописец объяснил междо-

усобными распрями и беспорядками. Можно предположить, что действительность была иной. На выбор предводителя из варягов повлияли разбойничьи нападения викингов, которые по всей Европе грабили и жгли города, а с населения брали тяжелые поборы. Приглашенный чужеземец, конечно, знал военные приемы своих соотечественников и мог защитить северные племена от пиратских набегов, но вскоре, опираясь на свою гвардию, узурпировал власть от местных старейшин. Через два года, в 864 г., Рюрик перебрался из Ладоги в новоукрепленный Новгород (а точнее, Предновгород, каким являлось Рюриково городище на Волхове у Новгорода), раздал своим мужам кривичский Полоцк, мерянский Ростов, а также Муром и Белоозеро в землях муромы и веси. Этим очерчивается первое на севере Восточной Европы устойчивое государственное образование, возникшее на месте конфедерации славянских и финских племен. Так было положено начало власти династии Рюриковичей, правившей в России вплоть до конца XVI в. Ладога же стала первой столицей нового в Европе государства. В дальнейшем, столица была перенесена в Новгород, а при преемнике Рюрика, князе Олеге – в Киев. В «Сказании» записано, что Синеус и Трувор умерли бездетными в 864 г. Поиски их имен в древнескандинавской ономастике не привели к ясному результату. Замечено, к тому же, что сюжет о трех братьях-чужестранцах – основателях городов и родоначальниках династий – своего рода фольклорное клише. Подобные предания были распространены в Европе в средние века. Высказана гипотеза, что Синеуса и Трувора не существовало, а летописец буквально передал слова старосведского языка *sine hus* и *thru varing*, означавшие «с родом своим» и «верной

*Части большого дома,
его очаг. 2002 г.*

.....
*Fragments of the "bolshoi dom"
('large house'); hearth. 2002*

*Фигура Рюрика из группы
«Основание Руси» памятника
«1000-летие России».
1861–1862 гг. Новгород.
Скульптор М.О. Микешин
.....*

*Rurik. Detail of the Foundation
of Rus group from the Millenium of
Russia monument. Novgorod.
1861–62. By Mikhail Mikesin*

дружиной». Это предполагает существование документа на старосведском языке — «ряда» — договора, который был заключен с Рюриком в связи с его призванием славянскими и финскими старейшинами. Возможно, что этот договор сохранялся в княжеском государственном архиве и был использован в начале XII в. летописцем, не понявшим некоторых его выражений. Если верить тому, что Рюрик и датский викинг Рёрик одно и то же лицо, то у последнего действительно были два брата, Гемминг и Гаральд, но они относительно рано умерли (в 837 и 841 г.) и поэтому не могли сопровождать брата на Русь. Определенное недоумение вызывают и города, или местности, куда направились Синеус и Трувор по приезде к славянам и финнам. В первом случае — «на Белоозеро», во втором — в Изборск. Однако Белоозеро как город возникло в X в., то есть позже событий, описанных в «Сказании», а в Изборске не обнаружено характерного комплекса скандинавских изделий — поэтому вряд ли там появлялся знатный скандинав. Возвращаясь к Рюрику и его преемнику, князю Олегу, отметим, что они, судя по всему, оказались людьми незаурядными. Основатель новой династии и его продолжатель,

придя к правлению в чужой земле, поняли, что следует сохранить и расширить доступ страны к Балтике и осуществить внутренние задачи молодого Русского государства. В жизни разрозненных племен Восточной Европы обозначилась новая эпоха, была создана общегосударственная машина властвования, увеличена международная торговля, началось активное собирание земель, строились и укреплялись города. Рюрик впервые стал именоваться великим князем. Его родовый знак — схематическое изображение сокола в виде двузубца — стал эмблемой правящего дома.

В военном отношении призвание Рюрика себя оправдало. Вплоть до конца X в. скандинавы не нападали

на область Ладоги и Новгорода, предпочитая торгово-транспортные и межгосударственные связи. Первые норманны-правители принесли мир нескольким поколениям жителей Северной Руси. Может быть, это и стало одной из причин мощного военнополитического импульса, который шел с севера и способствовал образованию единого общерусского государства. Итак, в середине IX в. Ладога оказалась причастной к событиям, связанным с появлением на Руси династии Рюриковичей. Имеются ли этому подтверждения?

В этой связи коснемся довольно необычных известий Иоакимовской летописи, опубликованной историком XVIII в. В.Н. Татищевым. Ученого поразили сведения этой летописи о Северной Руси и русско-скандинавских отношениях²⁴. Часть упомянутой летописи была прислана Татищеву в 1748 г., а затем исчезла, что в дальнейшем дало повод ученым усомниться в ее достоверности. Сомнения относительно этого источника не улеглись бы и по сей день, если бы некоторые изложенные в утраченном манускрипте известия неожиданно не нашли подтверждения²⁵. В Иоакимовской летописи сообщается о местной славянской княжеской династии, которая властвовала на севере Руси до появления здесь в 60-е гг. IX в. скандинавского выходца Рюрика. Приводятся имена князей нескольких поколений, отмечены войны, которые они вели, указана их резиденция Великий город, основанный князем Славеном. Этот Великий город был возведен славянами, переселившимися из далекого Подунавья. Далее отмечено, что Великим городом стали обладать варяги, «дань тяжку возложиша на словяны, русь и чудь». Освободил от дани упомянутые племена князь Гостомysl, который «варяги бывшия овы изби, овы изгна, (...) и шед на ня победы (...) учини с варяги мир, и бысть тишина по всей земли. Сей Гостомysl бе муж елико храбр, толико мудр, всем соседом своим страшный, а людем его любим»²⁶. Изложенное в определенной мере соответствует свидетельствам «Повести временных лет» о том, что варяги брали дань со славянских и финских племен, до тех пор, пока эти племена «изгнаша Варягы за море, и не даша им дани»²⁷. Происходить эта «налоговая» война могла с наибольшей вероятностью именно в Ладоге, до середины IX в. наиболее пригодном для славяно-скандинавских контактов и единственном крупном поселении на всем севере Руси. Поэтому нет особого риска в отождествлении Великого города и Ладоги, ставшей, как сообщает «Повесть временных лет», местом антиваряжского выступления.

*Кладка башни укрепления
Конец IX – начало X в.*

*Masonry of a fortification tower.
Late 9th–early 10th centuries*

*Раскопки погребения
в кургане № 11 урочища Плакун
.....*

*Excavations of the burial
mound № 11 in the Plakun
Urochishche (Tract)*

Не только летопись, но и археология, открывшая существование Ладоги в VIII– первой половине IX в., позволяет считать сопоставление Ладоги с Великим городом не столь уже легендарным. Развитое ремесло и жилые кварталы появились в поселении в низовьях Волхова уже в первые десятилетия его существования. В Ладоге же, как сложившемся межплеменном центре, могла существовать и «доваряжская» племенная княжеская династия.

Согласно Иоакимовской летописи, Рюрик (по версии этой летописи, полускандинав-полуславянин), и его братья были приглашены на Русь в связи с отсутствием наследников по мужской линии у местного князя Гостомысла. Иначе данный факт, как можно было убедиться, освещен в упоминавшемся выше «Сказании о призвании варягов». Какими бы ни были причины приглашения скандинавов, оба летописные источника согласны в одном – к власти в Северной Руси со столицей в Ладоге пришли норманны Рюриковичи. В итоге, по всем прямым и косвенным показаниям, в том числе и Иоакимовской летописи, Ладога в середине IX в. оказалась столь влиятельной, что была

избрана, пусть и кратковременно, столицей новой в Европе «Державы Рюриковичей». Через десять веков после своего вокняжения основатель династии Рюрик был увековечен в бронзе. В ознаменование 1000-летия России в 1861–1862 гг. в Новгороде был воздвигнут многофигурный монумент, выполненный скульптором М.О. Микешиным и его помощниками. Среди главных персонажей русской истории мы видим Рюрика в шлеме, кольчуге, с мечом. На его щите проставлен славянскими буквами 862 год. Россия оказалась едва ли не первой тогда страной Европы, где был сооружен памятник норманну, основателю династии и государства. Советская официальная наука и пропагандисты, правильно считая, что один человек не мог создать государство славян (все предпосылки этого процесса в середине IX в. были налицо), обрушились на «Сказание о призвании варягов» с идеологической непримиримостью. Рюрик впал в немилость, а порожденный «Сказанием о призвании варягов» «норманнский вопрос» оброс политическими обвинениями. Время не подтвер-

дило такого подхода. Варяжское «призвание» отнюдь не принижало прошлого России, которую всегда отличали живительные связи со всем миром, в том числе и со Скандинавией. Варяги принесли на Русь не только обновленный механизм правления, но и лучшее оружие, совершенные корабли, особые украшения; способствовали евразийской торговле. В свою очередь благодаря славянам и другим восточно-европейским народам, они получили серебро, меха, зерно, мед, воск, а также невольников; восприняли навыки кавалерийского боя и владение восточным оружием, приобщились к строительству городов и более совершенному устройству общественных и политических институтов, такому, например, как вече. Скандинавы, славяне и финны обогатили себя арабским серебром, хлынувшим на европейские рынки по великим водным путям «из варяг в греки» и «из варяг в арабы». 862 год, отлитый на щите Рюрика, при всей условности – крупная веха в жизни Руси и Скандинавии. Эту дату достойно признать в качестве государственной, не стыдясь того, что она, повторяя летопись, запечатлена на щите норманнского пришельца.

Время Рюрика и его преемника князя Олега Вещего оставило в Ладоге выразительные следы. В последней четверти IX в. на мысу, образованном реками Волховом и Ладожкой, была построена первая на Руси каменная крепость. Судя по упавшим блокам, первоначальная высота ее стен составляла не менее 3 м при толщине до 3 м. Возвели ли ее пришлые мастера, может быть рейнские, сказать трудно, однако, цели строительства представляются очевидными. Твердыня обеспечивала безопасность судоходства, да и самого города. Она должна была защитить горожан прежде всего от разбойничьих набегов викингов²⁸. Эта задача была решена успешно. Только в конце X в. норвежскому ярлу Эйрику удалось разрушить крепость и сжечь посад Ладоги, при этом часть каменных стен была просто опрокинута на землю. Появившиеся в низовьях Волхова переселенцы-норманны, похоже, селились отдельно. Не случайно в Ладоге до сих пор существует Варяжская улица, где в древности находились, вероятно, дворы скандинавов. Своих варяги хоронили особо, на отдельных семейных кладбищах. К этим кладбищам относится могильник в урочище Плакун и захоронения (они, правда, не древнее XI–XII вв.) возле церкви св. Климента на Земляном городище²⁹. Урочище Плакун расположено на почетном месте на первой надпойменной террасе правого берега Волхова напротив Ладожской каменной крепости. Здесь насчитывали 18 курганов, 15 из которых удалось изучить археологически. В одном из них (№ 11) во время раскопок в 1968 г. был обнаружен досчатый гроб с останками 60–70-ти летнего мужчины. Гроб, в свою очередь, был помещен в деревянную камеру. Дендрохронологическая дата захоронения – 890-е гг. Описанное устройство захоронения сопоставляется с аналогичными камерными погребениями Югландии³⁰. Не здесь ли таится датский след окружения Рюрика, если считать его датчанином, направившимся на Русь вместе с родичами и слугами. Это напоминание о Дании в Ладоге, впрочем, не единственное.

Превращение Ладоги в столицу империи Рюриковичей сказалось и на ее гражданском строительстве. Расскажем о недавнем открытии. Во время раскопок в 1991 г. археологи достигли пятиметровой глубины, ниже залегал материк – непотревоженная глина. И вот в последний день работ в предматериковом слое проступили контуры сгоревшего двухчастного жилища с прямоугольной печью в одной из камер.

Остатки жилища на парцелле.
Вторая половина IX в.
Раскопки А.Н. Кирпичникова

.....
Remainder of a house on a standard
patch of land in Ladoga.
Second half of the 9th century.
Excavated by A. Kirpichnikov

→
Парцеллы по раскопкам
в датском городе Риббе. VIII в.
Реконструкция С. Енсена
и Л.Ф. Франдсен
.....

Standard patches of land
in the Danish town of Ribe.
8th century. Reconstructed
by S. Jensen and L. Frandsen

Сходные по типу дома-пяти-стенки в Ладоге строили, начиная с VIII в. По соседству с жилищем был расчищен горн для плавки железа, а также предгорновая яма, где стоял работник, нагнетавший мехи. Жилая и производственная зоны были разделены канавами, скорее всего служившими для вытаскивания на сушу речных судов. Участки земли, разделенные канавами, по ширине составляли около 7 м и тянулись к реке Ладожке. Очевидно, их торцы подходили к

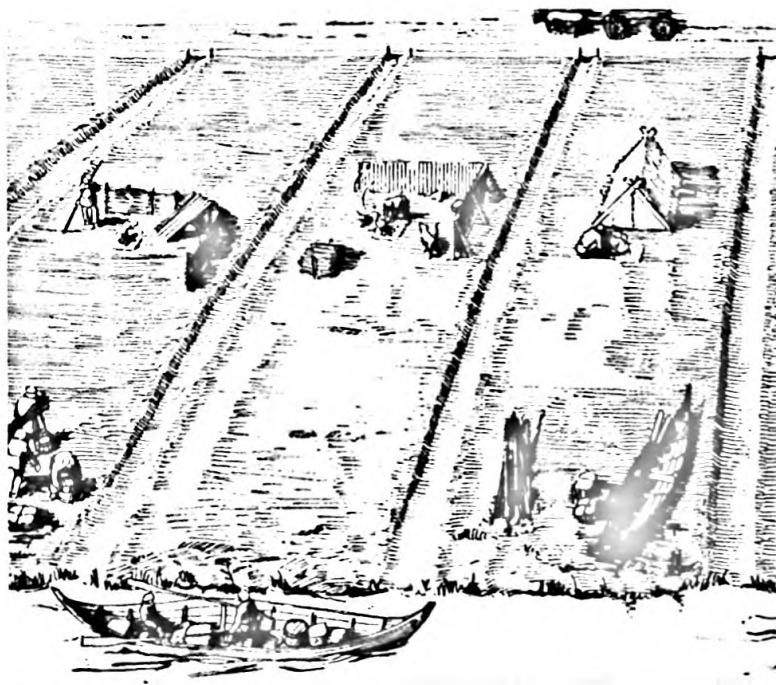
берегу реки, где были пристани. Видимо, человек, живший в постройке, рядом и работал – достаточно было переступить канаву. Он, должно быть, являлся одновременно и ремесленником, и торговцем¹¹. Не этот ли универсальный класс береговых жителей (на Западе Европы они назывались штедингами) обеспечил невиданный тогда подъем благосостояния города. Дата всего обнаруженного – вторая половина IX в., то есть время первых норманнских властителей Руси.

На удивление сходные по планировке участки земли с мастерскими по изготовлению изделий из бронзы, янтаря и кости были обнаружены археологами в датском городе Риббе. Там участки были также разделены канавами на одинаковые полосы шириной около 7 м. Они также выходили своими торцами к воде. Получается, что в городах, разделенных 1600 километрами, строили по одному землеустроительному плану. Как можно это объяснить?

Деление городской территории на участки, примыкающие к реке, улице, крепостной стене, характерно для планировки ряда европейских городов, в том числе и скандинавских. К примеру, по свидетельству «Саги об Олаве Святом» (помещенной в сочинении «Круг земной» Снорри Стурлусона) при основании торгового города Нидароса (Тронхейма в Норвегии) конунг «размечал участки для застройки и давал их бондам, купцам и другим людям, которые пришлось ему по нраву и хотели там обосноваться»¹². Становится понятным, что

«разметка участков» – свидетельство определенного порядка городского землепользования и наличия администрации, осуществлявшей раздел территории, особенно, в таких удобных и выгодных районах города, каким была в то время прибрежная суша. На примере Риги и Ладоги появление такой практики следует отнести к VIII–IX вв. Заманчиво связать ладожские наделы – парцеллы – с деятельностью викинга Рюрика или его продолжателя Олега Вещего. При них ладожское поселение расширилось и заняло оба берега реки Ладожки, а ее устье стало служить естественной общегородской гаванью. Возможно с этим и связано расположение участков, выходивших непосредственно к этой реке.

При первых норманнских по происхождению властителях вместе с воинами и купцами из северных стран в Ладогу приезжали ювелиры, продолжавшие творить по образцам своей страны. При этом создавались произведения, по своему декоративному стилю и качеству не уступавшие тем, которые изготавливались в самой Скандинавии и странах региона Балтийского моря. В этом лишний раз убедили находки из раскопок на Земляном городище в 1997 г. Тогда из руин сгоревшей мастерской, существовавшей во второй половине IX– начале X вв., были извлечены вещи, удивившие даже специалистов. Среди них оказался обломок овально-выпуклой фибулы со звериным орнаментом, отлитой из латуни (среди 4000 аналогичных по форме застёжек этой формы из Восточной и Северной Европы данному изделию, случай небывалый, не нашлось полного соответствия). Там же нашлась еще одна редкая латунная застёжка с геометрическим орнаментом (фибула типа «Вальста»), латунный браслет, из которого пытались сделать кольцевидную фибулу с длинной иглой, бусы из закрученной в шесть витков проволоки, булавка с золотым колечком-держателем бус, железное кресало, инструмент-чекан, пластина из латуни – заготовка для плавки, 60 разных стеклянных бус, из которых четверть имела следы производственного брака¹¹. Владелец мастерской, очевидно, занимался обработкой женских украшений нескольких разновидностей. Изготовление, обмен и продажа такой продукции (а этим постоянно занимались жители многих археологически изученных домов) приносили ладожским ремесленникам, по-видимому, немалую прибыль. При этом не имело большого значения, в каком стиле были выработаны вещи, лишь бы по своей отделке они соответствовали качеству и престижу международно признанных образцов. Скан-

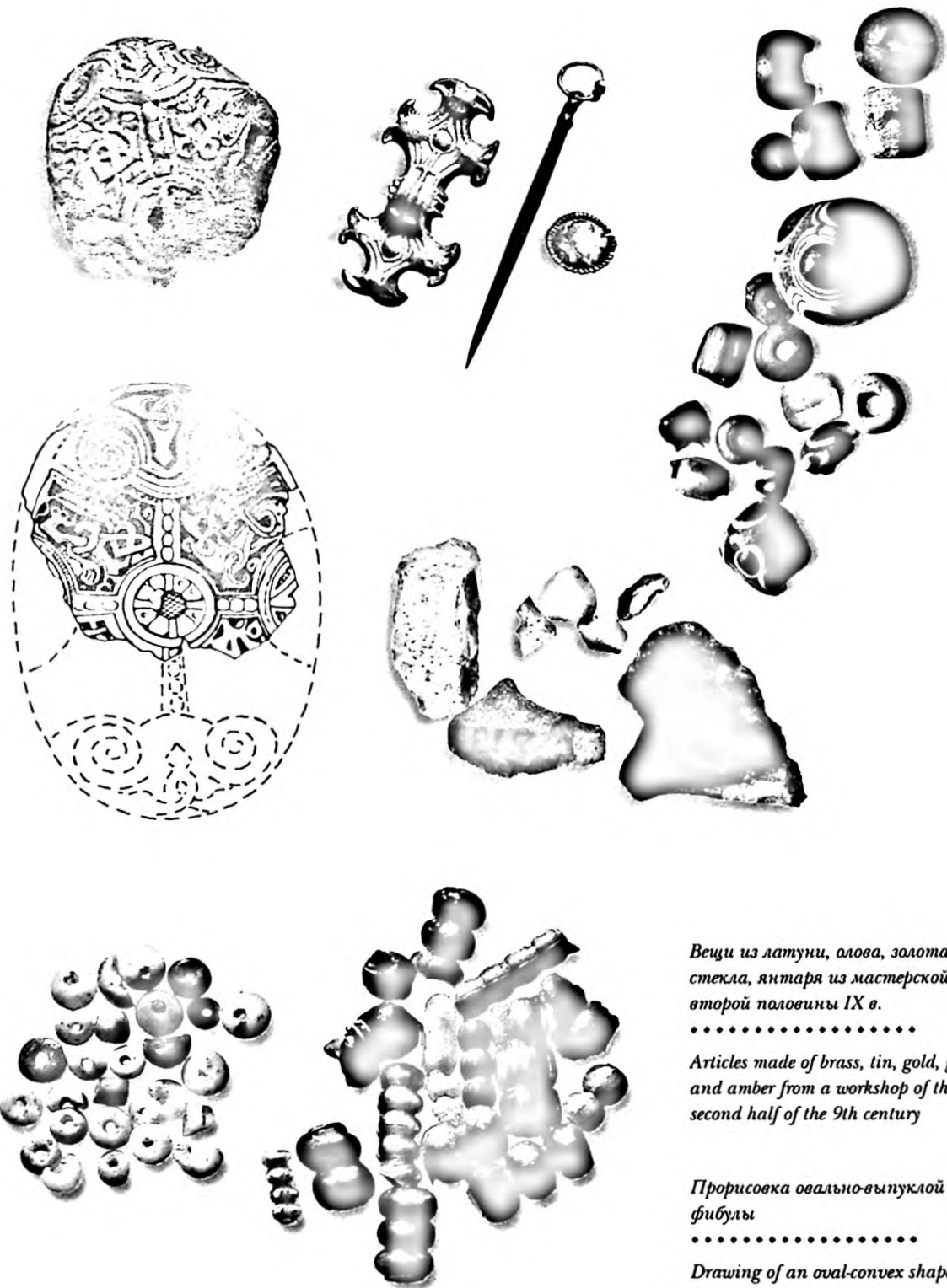
*Стена крепости начала XII в.
с «торговой аркой»*

*Fortress wall with a "trading arch".
Early 12th century*

динавские вещи с динамичной звериной и геометрической орнаментацией как нельзя лучше соответствовали этой моде.

В период первых властителей из дома Рюриковичей Ладога стала их наследственным семейным владением. Ее особый государственный статус подтверждается рядом прямых и косвенных известий. Преемник Рюрика, князь Олег (возможный строитель Ладожской каменной крепости) после своего победоносного похода на Царьград, как упоминалось выше, «иде в Ладогу». В этом городе, таким образом, в последний раз видели загадочно ушедшего из Киева князя. Не исключено, что в определенный период наследники киевского великокняжеского престола находились в Ладоге, а не в Новгороде. Так, по сообщению саги о

Стурлауге Трудолюбивом в Альдейгьюборге, как именовалась в Скандинавии Ладога, «правил конунг Ингвар, он был мудрый человек и большой хевдинг». В названном человеке усматривают Игоря — великого киевского князя с 912 г.³⁴, возможно, какое-то время находившегося в Ладоге. Сходная ситуация повторилась с его сыном Святославом. Византийский император Константин Багрянородный в своем сочинении об управлении государством, написанном между 948 и 952 гг., сообщал, что в Немогарде (Невогарде) «сидел Сфендослав сын Ингоря архонта Росии»³⁵. Княжение Святослава, как известно, началось в Киеве в 946 г. В Северной Руси он мог быть в юном возрасте, до смерти своего отца Игоря. Обращает на себя внимание название резиденции молодого княжича, которую считают Новгородом.

Вещи из латуни, олова, золота,
стекла, янтаря из мастерской
второй половины IX в.

.....

Articles made of brass, tin, gold, glass
and amber from a workshop of the
second half of the 9th century

Прорисовка овально-выпуклой
фибулы

.....

Drawing of an oval-convex shaped
fibula

Стена 1113–1114 гг.
в процессе раскопок

.....
Wall of 1113–14 in the process
of archaeological excavations

Стена 1113–1114 гг.
в законсервированном виде

.....
Wall of 1113–14 in the state
of conservation

Однако этот город в период написания трактата «Об управлении империей» только отстраивался на новом месте и поэтому вряд ли был известен в далекой Византии. Возможно, что в приведенном выше имени некоего северного города запечатлено древнее название Ладожского озера – Нево. Поэтому можно допустить, что речь идет о приозерном городе Ладога, входившем во владение правящего дома и служившем местопребыванием наследника престола.

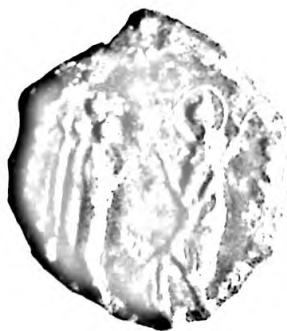
«Серебряная» торговля в конце X в. приходит в упадок, но Ладога сохраняет значение крупного международного порта, торгового, ремесленного и культурного центра. Еще в X столетии соседние с Ладогой области с преимущественно финским и лопарским населением попадают в прочную административную и данническую зависимость от нее. Ладога оказала немалое воздействие на общественное и экономическое развитие коренных народов русского Севера. Постепенно формируется Ладожская земля, включавшая Обонежский край и некогда располагавшиеся на территории

Ленинградской области Лопский и Ижорский регионы. Доминирующим ядром оставалось Ладожское Поволховье, через которое разворачивалось освоение северных земель, включая Беломорье и Северное Подвинье.

В 1114 г. в Ладоге побывал летописец и записал местные рассказы о том, как в северных странах «старые мужи» ходили «за югру и самоедь». Маршрут «старых мужей» – современников великого князя Ярослава Мудрого, привел их, кажется, в Северное Зауралье³⁶. Ладожане были, очевидно, одними из первых русских землепроходцев, прокладывавших новые пути на необозримых пространствах севера Восточной Европы и Сибири.

В начале XI в. к Ладоге, как к важному городу и центру большой области, вновь проявилось государственное внимание. Около 1019 г. Ладога-Альдейгьуборг и та земля, которая к ней относилась, были отданы Великим князем Ярославом Мудрым в качестве свадебного подарка во владение своей жене Ингигерд – дочери шведского конунга Олафа. Управлял Ладогой наместник великой княгини Ингигерд-Ирины, ее родич Ронгвальд, а после смерти последнего – его сын Эйлиф. По договору действия правителей ограничивались тем, что они управляли Ладожской землей, содержали наемный отряд для ее защиты, собирали дань, отдавая ее часть центральным властям. По словам древнеисландской саги «это ярлство давалось для того, чтобы ярл тот защищал земли конунга (Ярослава Мудрого – А.К.) от язычников»³⁷. Под последними можно понимать некоторые воинственные финские народы вроде еми и норманнов-пиратов, опустошивших Ладогу в 997 г.

Пломба с двузубцем-знаком
Великого князя Мстислава
Владимировича (1125–1132 гг.).
Случайная находка

Seal with the representation
of the bident of Grand Prince
Mstislav Vladimirovich (1125–32).
Chance find

Печать с композицией
«Собор Иоанна Предтечи». XIII в.
Из раскопок В. И. Равдоникаса

Seal with the depiction
of the Cathedral of St. John
the Forerunner. 13th century.
Excavated by V. Ravdonikas

В последней четверти XI – начале XII в., видимо при князе Мстиславе Владимировиче – последнем самодержце Киевской державы, в Ладоге на смену скандинавскому ярлу пришла русская администрация во главе с посадником. Переход Ладоги под контроль центральных властей совпал по времени с усилением ее регионального, а также всего военного, значения. В 1113 или 1114 г. по инициативе князя Мстислава, как бы в продолжение традиции укрепления Ладоги первыми Рюриковичами здесь строится новая каменная крепость. Остатки этого сооружения были обнаружены вмурованными в кладку более позднего времени. Благодаря этому, стены, сложенные из плитняка на известковом растворе, местами сохранились на полную высоту 8,5 м, включая бруствер и площадку боевого хода. Ладожская крепость предвосхитила распространение каменных сооружений на Руси, начавшееся, в основном, столетием

позже, и вплоть до конца XV в. обеспечивала безопасность города в Нижнем Поволжье.

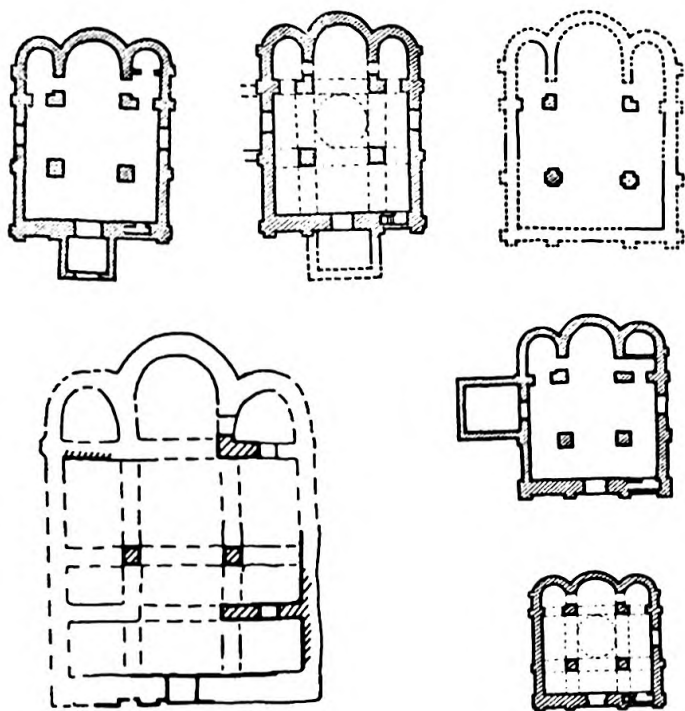
В XII столетии Ладога, наряду с Псковом и конечно же Новгородом, продолжает оставаться крупнейшим торговым, ремесленным и культурным центром Новгородской земли. Преимущественно через Ладогу осуществлялись связи Руси с Готландом и странами Северной и Западной Европы. Расширить наши знания о вовлеченности Ладоги и ее деятелей в события времен Киевской державы (IX – первая четверть XII в.) и затем Новгородского государства (XII–XV вв.) помогла и сфрагистика – историческая дисциплина, занимающаяся печатями. Исследователи изучили свинцовые печати и пломбы XI–XV вв., происходящие из Старой Ладоги и оказавшиеся исторически очень ценными. Часть этих предметов оказалась в музеях, часть – у коллекционеров. С.В. Бе-

лецкому удалось составить и опубликовать их полный каталог, насчитывающий 91 экземпляр. Некогда печати и пломбы скрепляли различные документы, как частного, так и государственного значения. Сфрагистический материал позволил предположить существование в Ладоге в XII – начале XIII в. владетельных князей Рюриковичей. Подтвердилось автономное, влиятельное значение города в низовьях Волхова среди городов Новгородской земли. Лишь в 80-х гг. XIV в. этот населенный пункт был полностью подчинен Новгороду. По надписям и изображениям на печатях и пломбах удалось установить многих лиц, имевших отношение к некоторым несохранившимся документам. Это князья, посадники, бояре, духовные служители, ладожские наместники. Некоторые печати свидетельствуют о существовании грамот, связанных с посольствами и приездами в Ладогу новгородских посадников и иерархов церкви. Впервые выявлены имена персон неизвестных по письменным источникам. Атрибутированы и буллы первых лиц тогдашней Руси – великих князей Владимира Мономаха, его сына Мстислава Владимировича и их потомков. Так, одна из найденных пломб с изображениями святого на одной стороне – двузубца – знака Мстислава Владимировича – на другой, предположительно может быть приписана посаднику Павлу³⁸, который вместе с великим князем участвовал в закладке в 1113 или 1114 гг. Ладожской каменной крепости. Изучение печатей подтвердило и сведения о древности одного из монастырей. Внимание ученых привлекла печать XIII в. с композицией «Собор Иоанна Предтечи» на лицевой стороне и с изображением святого воина, извлекающего меч из ножен, на обороте. Первый сюжет символизирует покровительство святыни над владельцем печати³⁹, каковым мог выступать монастырь Иоанна Предтечи, возникший в Ладоге, как писалось выше, не позже XIII в. Дальнейшее исследование печатей может приоткрыть и другие загадки местной истории.

Ни до XII в., ни после в городе в низовьях Волхова не строилось такого количества монументальных сооружений. Храмы сооружались одной артелью мастеров в короткий срок, примерно, в третьей четверти XII века⁴⁰. Для своего времени это был рекорд. Так как ладожские церкви возводили пришлые, новгородские каменщики, то в самом Новгороде каменное дело почти приостановилось. Этот факт при всей его необычности не случаен и свидетельствует о том, что в столице шли на определенные издержки и даже жертвы, чтобы удовлетворить нужды окраинного города.

Хронологическую последовательность строительства, насколько это удастся установить, распределяют следующим образом: церкви св. Климента (1153 г., закладка), Успения (1157–1158 гг.), Спасская (на берегу Волхова), Воскресенская (на берегу Ладожки), св. Георгия (около 1164 г.), Никольский собор (1160-е гг.)⁴¹.

Само размещение культовых построек говорит о том, что застройка ладожского посада не была стихийной. Храмы располагались цепочкой по краю коренных берегов рек Волхова и Ладожки и возвышались на самых видных местах на расстоянии 125–250 м один от другого, словно по одному градостроительному плану, как бы отмечая определенные, тяготевшие к ним городские районы⁴². Эти постройки в перечислении с севера на юг располагались в следующей последовательности: церкви Успения, Спасская, Воскресенская (две последние не сохранились; были раскопаны Н.Е. Бранденбургом)⁴³, Георгиевская, св. Климента (на Земляном городище, не сохранилась), наконец, Никольская. Строительство храмов означало перепланировку города. Возможно, что в этот период оформились соответствующие тем или иным приходским храмам концы или

Планы ладожских храмов
третьей четверти XII в.
Сверху – вниз и справа – налево:
Спаская церковь, Успенская
церковь, Никольский собор,
церковь св. Климента,
Воскресенская церковь,
церковь св. Георгия
.....

*Plans of the Ladoga churches.
Third quarter of the 12th century.
From the top to the bottom
and from the right to the left:
Church of Our Saviour,
Assumption Church,
Cathedral of St. Nicholas,
Church of St. Clement,
Resurrection Church,
Church of St. George*

районы: Богородицкий, Симеоновский, Спасский, Климентовский, Никольский, возможно, Городский (в крепости). Территория посада достигла 14–15 га. Кто же был заказчиком такой масштабной и дорогостоящей перестройки города?

Новгородский архиепископ Нифонт, заложивший в 1153 г. церковь св. Климента, умер в 1156 г. Его преемник Аркадий, насколько известно, строительную активность, в том числе, по отношению к новгородским «пригородам», не проявлял. В середине XII в. в Новгороде шла борьба за власть между смоленскими и суздаль-

скими князьями – им было не до Ладоги. О каких-либо постройках, которые мог осуществить в Новгороде и Новгородской земле смоленский князь Ростислав Мстиславич (которому приписывают возведение Успенской церкви), летопись не сообщает. Инициаторами строительства могли быть светские лица: уличане, состоятельные купцы и ремесленники. Подтверждение тому – несколько первосоздателей Никольского монастыря – вероятно, посадских торговых людей, запись о которых сохранилась в синодиках монастыря. Реализовать эту затею мог влиятельный деятель Новгородского государства посадник Нежата. При нем ладожане в 1164 г. отбили самое крупное в XII в. неприятельское нападение шведов. Происшедший тогда пожар околоградя, возможно, подтолкнул к реконструкции города. Возведение серии каменных зданий и восстановление после 1164 г. деревянной застройки свидетельствуют о значительном экономическом благосостоянии города в последний период его домонгольского развития. В результате массового строительства монументальных сооружений выработался новый тип посадского храма. Его характеризуют: крестовокупольная

конструкция с четырьмя столбами, одноглавность, равновеликость трех алтарных апсид, позакомарное покрытие сводов, лестницы на хоры в толще западной стены, членение фасадов лопатками на три части, наличие притворов. В облике этих построек проявились демократические вкусы горожан, стремившихся к возведению более дешевых и удобных приходских церквей. Однако, не следует упрощать их эстетические представления. Ведь все ладожские храмы были расписаны. Переступив их порог, человек попадал в чарующий мир яркого, насыщенного и впечатляющего искусства. Геометрическая простота внешнего вида здания сменялась богатым внутренним убранством, производившим каждый раз неотразимое впечатление. Суровая четкость форм архитектуры отступала перед художественной роскошью интерьера. С постройкой храмов Ладога выдвинулась как самостоятельный архитектурно-художественный центр⁴. Позднее сложившийся в Ладоге тип храма был полностью перенесен в Новгород и воспринят в других городах: тот же план, те же декоративные элементы и материалы⁵. Историческая миссия Ладоги, в период раннего средневековья возглавлявшей оборону Обонежской и Ижорской земель и водного пути по Неве и Ладожскому озеру, во многом способствовала сохранению всего этого региона в составе Руси. В военных действиях ладожане участвовали и самостоятельно, и в составе новгородской рати. Они, наряду с новгородцами и псковичами, составляли костяк общеземельного войска и сражались против шведов, немцев, еми во многих крупных сражениях, таких как Невская (1240 г.) и Раковорская (1268 г.) битвы. Значение Ладоги, как передового военного форпоста, сохранилось вплоть до конца XVIII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Кирпичников А.Н. Великий Волжский путь и евразийские торговые связи в эпоху средневековья // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья.
- 2 Лебедев Г.С. Петергофский клад начала IX века как источник по ранней истории Руси // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб., 2002. С. 33.
- 3 Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. Северная Русь, русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Культура русского Севера. Л., 1988. С. 52. Рис. 1, 3.
- 4 Там же. С. 50.
- 5 Кирпичников А.Н. Несколько замечаний о славянских височных кольцах со спиральным завитком // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1979. М., 1980. С. 452–455.
- 6 Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 229–238.
- 7 Полное собрание русских летописей. Т. VII. СПб., 1856. С. 256.
- 8 Хрестоматия по истории средних веков. Т. I. М., 1949. С. 42, 43.
- 9 Кирпичников А.Н. Ладога VIII–X вв. и ее международные связи // Славяно-русские древности. Вып. 2. СПб., 1995. С. 41, сл.
- 10 Т. Нунан. Клад дирхемов 876/77 гг. из деревни Хитровка Тульской губернии // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб., 2002.
- 11 Thomas S. Noonan. Volgabulghrria's tenth-century trade with Srmrhid Central Asia // Archivum Eurasiae Medii Aevi 11 (2000–2001).
- 12 Рябинин Е.Л. У истоков ремесленного производства в Ладоге (к истории общепольских связей в предвикингскую эпоху) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994. С. 5, сл.

- 13 Древности Северо-запада России. СПб., 1995. № 3, сл.
- 14 Васильев Б.Г. Костяные изделия из Старой Ладоги // Ладога и Северная Русь. СПб., 1995. С. 22–24.
- 15 Давидан О.И. Староладожские изделия из кости и рога // Археологический сборник. № 8. М.–Л., 1966. Рис. 4.1.
- 16 Древности Северо-запада России. № 374.
- 17 Рябинин Е.А. Предметы вооружения и их имитации из Старой Ладоги // Древности Северо-западной России. С. 51–56. Рис. 2.1.
- 18 Давидан О.И. Гребни Старой Ладоги // Археологический сборник. № 4. Л., 1962. С. 95–108.
- 19 Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Л., 1939. С. 79.
- 20 Рябинин Е.А. Новые данные о «больших домах» Старой Ладоги // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002. С. 15, сл.
 Автор, по нашему мнению, верно охарактеризовал постройку как купеческую гостиницу, но в то же время, представив реконструкцию этого сооружения как двухэтажного, обозначил этот комплекс как «резиденцию ладожского наместника», или, возможно, «запасной или путевой дворец князя Олега Вещего». Вряд ли можно согласиться с такой интерпретацией. Данная постройка обнаружена в составе посадской застройки, а княжеские дворцы, как правило, располагались по отношению к посадке экстерриториально, в виде отдельного особого двора. Сомнителен и реконструированный второй ярус дома. Ибн-Фадлан ничего о такой «высотности» не пишет. Несущие столбы отапливаемого покоя, достигавшие, как считает Е.А. Рябинин, 8 м, на такую высоту явно не рассчитаны.
- 21 Кирпичников А.Я. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв // Славяно-русские древности. Вып. 1. Л., 1988. С. 48.
- 22 Мачинский Д.А. Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. СПб., 2002. С. 5–38.
- 23 Полное собрание русских летописей. Т. II. М., 1962. Стлб. 13–15.
- 24 Татищев В.Н. История Российская. Т. I. М., 1994. С. 107, сл.
- 25 Янин В.А. Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможных источниках Иоакимовской летописи) // Русский город. Вып. 7. М., 1984. С. 49–56.
- 26 Татищев В.М. История Российская. Т. I. С. 108. Предание связывает Гостомысла с Новгородом, что возможно навечно Новгородской летописью, которая называет его первым посадником (Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов. М.; Л. 1950. С. 164). Это явная неточность, так как посадничество, как известно, установилось в Новгороде в конце XI в.
- 27 Повесть временных лет. Ч. I. М.; Л., 1950. С. 18.
- 28 Кирпичников А.Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. С. 23, сл.
- 29 Санкина С.Л., Козинцев А.Г. Антропологические материалы эпохи средневековья из Приладожья // Материалы Международной конференции к 100-летию В.И. Равдоникаса. СПб., 1994. С. 57–60.
- 30 Михайлов К.А. Южноскандинавские черты в погребальном обряде плакунского могильника // Новгород и новгородские земли. Новгород, 1996. С. 52–60.
- 31 Кирпичников А.Н., Назаренко В.А. Археологические открытия в Старой Ладоге. Черты сходства средневековых городов Балтики // Археологические вести. № 1. СПб., 1992. С. 141–151.
- 32 Стурлусон С. Круг земной. М., 1980. С. 80.
- 33 Кирпичников А.Н. Производственный комплекс IX в. из раскопок Старой Ладоги // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 227, сл.

- 34 Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н. Древнерусские города в скандинавской письменности. М., 1987. С. 167, 168.
- 35 Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 45, 310.
- 36 Насонов А.Н. Русская земля и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 80.
- 37 Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н. Из истории Старой Ладоги (по материалам скандинавских саг) // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1986. С. 110, 111.
- 38 Белецкий С.В., Петренко В.П. Печати и пломбы из Старой Ладоги // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994. С. 248. Рис. 73.
- 39 Там же. С. 204. Рис. 22.
- 40 Раппопорт П.А. Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества // Новгородский исторический сборник. 1 (11). Л., 1982. С. 189, сл.
- 41 Мильчик М.И. Еще раз о хронологии каменного строительства XII в. в Пскове и Ладоге // Древнерусское искусство. Русь и страны Византийского мира. XII век. СПб., 2002. С. 289–295.
- 42 Кирпичников А.Н. Осад средневековой Ладоги // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 172, сл.
- 43 Высказаны сомнения по поводу атрибуции упомянутых церквей, что вряд ли основательно. Следует обратить внимание на то, что на месте церкви Спаса стояла часовня с большим образом Спаса (Бранденбург Н.Е. Старая Ладога. СПб., 1896. С. 46). Ссылаются на писцовую книгу около 1500 г., в которой при перечислении некоторых ладожских храмов Спасская церковь не упомянута. Причины такого умолчания заключаются, на мой взгляд, в том, что эта церковь в конкретном описании в источнике не отмечена, так как находилась не «на горе», а ближе к берегу, на более низком месте. Указанное в книге расположение церквей связано именно с их «нагорным» местонахождением. Что касается сопоставления руин церкви на берегу реки Ладожки с церковью Петра, то последняя, по-видимому, немецкая божница, следовательно, православным храмом быть не могла.
- 44 Пескова А.А., Раппопорт П.А., Штендер Г.М. К вопросу о сложении новгородской архитектурной школы // Советская археология. 1982. № 3. С. 45, 46.
- 45 Раппопорт П.А. Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества. С. 201.

Фрески Георгиевской церкви в Старой Ладоге

Общий вид росписи купола
.....

Painting of the dome. General view

→
Два ангела из «Вознесения».
Фреска купола
.....

*Two angels from "The Ascension"
fresco on the dome of the church*

Уникальные фрески Георгиевской церкви в Старой Ладоге являются одним из всемирно признанных шедевров средневековой монументальной живописи. В насыщенной истории этого памятника полностью отразилась сложная и драматическая судьба многих произведений древнерусского искусства. Созданные в последней трети XII в. эти росписи еще в XV столетии воспринимались современниками как образец для подражания, однако в XVII в. фрески были частично сбиты со стен, забелены и преданы полному забвению. В конце XVIII в. начинается долгий и трудный путь их раскрытия, оценки и изучения. Уже в начале XIX столетия Георгиевская церковь попадает в поле зрения любителей старины и становится одним из первых объектов изучения нарождавшейся русской

медиевистики. Во второй половине XIX столетия сама церковь и ее росписи оказываются под пристальным вниманием исследователей, став по существу первым полно и качественно опубликованным памятником древнерусской монументальной живописи. Однако лишь в последние годы Георгиевская церковь и драгоценные остатки ее росписей предстали перед нами после завершения длительной архитектурной и живописной реставрации во всей полноте своей сохранности, что позволяют дать этому памятнику адекватную оценку.

О времени строительства Георгиевской церкви не сохранилось никаких достоверных сведений, поэтому уже с начала XIX в. в научной литературе стали появляться ее самые разнообразные датировки. По одной из них на месте церкви ранее находился легендарный дворец Рюрика, где располагалась его резиденция до переезда в Новгород, и сама церковь была построена на его

фундаменте¹. Согласно другой точке зрения, строительство Георгиевской церкви связывалось с именем Ярослава Мудрого, в крещении Георгия². Кроме того, большая группа ученых соотносила строительство Георгиевской церкви с закладкой в Ладоге Каменной крепости, о которой сказано в летописи: «В лето 6624 (1116) Павел посадник ладожский заложи Ладогу город камян»³. Это сообщение Новгородской летописи дало основание многим ученым датировать церковь временем княжения новгородского князя Мстислава Владимировича и отнести ее к периоду строительства старолadoжской крепости⁴.

Большинство исследователей безоговорочно датируют Георгиевскую церковь и ее фрески в рамках второй половины XII в. Многие ученые старшего поколения относили церковь к 80-м гг. XII столетия⁵. К этому же мнению первоначально присоединился и В.Н. Лазарев⁶, однако позже он связал строительство храма с победой над шведским войском, одержанную новгородским князем Святославом Ростиславичем в 1164 г. в битве на Лadoге⁷. Таким образом, храм и его фрески получили дату «около 1167 г.», которая в настоящее время является наиболее распространенной, хотя некоторые исследователи в настоящее время относят эти фрески к позднему XII столетию⁸. Согласно все мнения, можно условно датировать старолadoжские фрески последней третью XII в.

Исследования последних лет показывают, что история строительства Георгиевской церкви была значительно сложнее, и существующая ныне церковь св. Георгия возведена на более древних фундаментах. Первоначальный план церкви имел принципиальные типологические отличия: боковые апсиды храма были пониженными, а хоры в нем отсутствовали. Подобный тип храма, редкий для древнерусского зодчества XII века, известен нам на примере двух построек архиепископа Нифонта – Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря во Пскове (ок. 1140) и упоминавшейся выше Климентовской церкви в Старой Ладоге (1153). Логично предположить, что Георгиевская церковь также была заложена еще при владыке Нифонте, т. е. в середине 1150-х годов. Однако после его кончины в 1156 году возведение церкви было отложено на неопределенный срок. Возобновление строительства произошло уже в другой период деятельности новгородских зодчих, когда ими был разработан и хорошо усвоен новый тип небольшого храма с тремя высокими равновеликими апсидами и хорами,

Лик Иисуса Христа из
«Вознесения». Фреска купола

.....

*Christ's face from "The Ascension"
fresco on the dome of the church*

на которые вела внутрисканная лестница в толще западной стены. Этот тип храма, сложившийся в 1160–1170-х годах, во многом определял новгородское строительство вплоть до конца XII столетия. Строители церкви использовали старый фундамент, мастерски приспособив его к новой типологии храмового здания⁹, но этот факт косвенно говорит в пользу более поздней датировки и храма, и его фресок, созданных сразу по завершении строительства церкви.

Первое летописное упоминание о Георгиевской церкви относится лишь к 1445 г., когда новгородский архиепископ Евфимий «заложи монастырь святого Георгия в Городке, и стену каменную понови, и церковь святого Георгия понови и подписа, идеже отпало, и покрыю чешую, и бысть христьяном прибежище»¹⁰. Это сообщение, говорящее о ремонте храма и создании в крепости монастыря, важно для истории фресок именно той частью, где сквозь сдер-

жаный и сухой язык документа просматривается пристальный интерес летописца именно к стенописи Георгиевской церкви. Летописи редко фиксируют даты строительства храмов и тем более украшения их фресками, здесь же мы имеем беспрецедентное упоминание не только о самом факте поновления росписи, но и о характере этих работ, когда живопись переписывалась не повсеместно, как это было принято, а «идеже отпало». Это свидетельствует об особом отношении владыки Евфимия к древней стенописи Георгиевской церкви, в которой он видел высокий образец для подражания, и о программном значении поновления фресок, что вполне согласовывалось с ретроспективизмом и духом возрождения старых новгородских святынь, во многом определявших церковную жизнь Новгорода в эпоху архиепископа Евфимия¹¹.

→

Лик ангела из «Вознесения». Фреска купола

.....

*Angel's face from "The Ascension"
fresco on the dome of the church*

Обнаруженные в последние годы участки «евфимиевского» поновления свидетельствуют об очевидной ориентации художников XV века на образцы XII столе-

тия¹². По всей видимости, перед исполнителями работ 1445 г. была поставлена задача максимального сохранения древней росписи и по возможности точного следования ее стилю и содержанию при выполнении дописей, что позволяет назвать «евфимиевское» поновление, наравне с работами Андрея Рублева и Даниила Черного 1408 г. в Успенском соборе Владимира¹³, где ими были сохранены части фресковой декорации конца XII в., первыми опытами реставрации в истории древнерусской живописи.

Фрески Георгиевской церкви разделили судьбу большинства памятников древнерусской живописи, которые, начиная с конца XVII в., а особенно интенсивно в XVIII и начале XIX вв. безжалостно уничтожались из побуждений ложно понятого благолепия или в угоду новым художественным вкусам, активно внедрявшимся в церковное искусство с приходом петровских реформ. Благополучно пережившие шведское разорение в начале XVII в., фрески Георгиевской церкви были частично сбиты со стен и забелены при ремонте 1683–84 гг., в ходе которого и само здание оказалось существенно перестроенным. Но в отличие от массы других памятников, которые были открыты лишь в наше столетие, староладожским фрескам было суждено увидеть свет уже через столетие. В 1780 г. по указу новгородского владыки Гавриила в церквях его епархии выявляли и фиксировали древние надписи, и в ходе этого поиска в Георгиевской церкви была обнаружена и раскрыта на значительных площадях фресковая роспись XII в. Вскоре фрески попали в круг интересов любителей древнерусской старины, а с момента создания в 1846 г. Императорской археологической комиссии они одним из первых памятников оказались под надзором этой общественной, но влиятельной организации, имевшей высочайшее покровительство. К сожалению, в 1849 г. в ходе одного из ремонтов Георгиевской церкви фрески частично пострадали, однако урон оказался для своего времени весьма незначительным, благодаря своевременному вмешательству активных деятелей по сохранению русских древностей Я.И. Бередникова и В.А. Прохорова¹⁴.

Уже в начале XIX столетия возникла мысль о необходимости тщательного копирования древнерусских древностей и, в первую очередь, фресок, которые зачастую гибли на глазах исследователей и любителей старины, не имевших возможности и умения сохранить эти уникальные памятники. Фрески Георгиевской церкви вновь оказались по существу первым ансамблем, с которого начинается история копирования древнерусской монументальной живописи, насчитывающая сейчас уже более полутора столетий. В течение первой половины XIX в. староладожские фрески не раз копировались, но наиболее полный объем копий был выполнен в 1858 г. В.А. Прохоровым, который

в 1871 г., начав многотомное издание «Христианских древностей и археологии», первые четыре выпуска полностью посвятил публикации фресок Георгиевской церкви¹⁵. Росписи были изданы в цвете и с невиданным для того времени качеством, для чего с каждой копии были специально изготовлены цветные литографии. Таким образом, старолadoжские фрески оказались первым монографически изданным памятником древнерусской монументальной живописи.

Впоследствии старолadoжские фрески не раз публиковались. Так, в 1896 г. вышла уникальная по своей содержательности и издательскому качеству книга Н.Е. Бранденбурга о памятниках археологии Старой Ладogi, куда был включен значительный раздел, посвященный фрескам Георгиевской церкви, написанный известным исследователем древнерусского искусства академиком В.В. Сусловым. Раздел был проиллюстрирован выполненными им же самим прорисями всех сохранившихся изображений, которые отличались необычайной археологической точностью. В 1960 г. после длительных цензурных проволочек увидела свет монография В.Н. Лазарева, специально посвященная изучению старолadoжских фресок. Однако проведенная в последние годы реставрация фресок, освободившая живопись из-под искажавших ее первоначальный вид чужеродных наслоений, позволяет нам по-новому оценить этот уникальный памятник.

До наших дней сохранилась примерно пятая часть стенописи, некогда украшавшей все стены храма. Фрески дошли до нас в основном несколькими большими участками, которые в полной мере обладают композиционной цельностью, что позволяет безошибочно интерпретировать все сюжеты и составить общее представление об архитектонике этой росписи. Сама живопись, несмотря на утраченность верхних слоев на отдельных участках, в целом обладает прекрасной сохранностью, практически уникальной для русских памятников этого времени. Все это дает широчайший материал для исследования фресок Георгиевской церкви.

Техника фрески, в которой выполнены росписи Георгиевской церкви¹⁶, предъявляла к фрескисту множество сложных технических и художественных требований, которые мог выполнить только настоящий профессионал. Технологические особенности фрески заключаются в том, что краски накладываются на влажную штукатурку, которая, высыхая, сплавляется с красочным слоем в монолит, чем и объясняется редкостная долговечность фресковых росписей. Специальный помощник фрескиста с раннего утра покрывал слоем штукатурки тот участок стены, который предполагалось расписать за данный день. На стыках этих дневных участков образовывались швы, которые, проявившись со временем, отчетливо показывают нам теперь, с какой скоростью работали художники. Темпы работы средневековых мастеров были очень высоки. Так, «Вознесение» купола Георгиевской церкви, площадью около 23 кв. м, насчитывающее 24 фигуры, было написано за шесть дней двумя художниками, которые работали не параллельно, а по очереди.

Но столь высокая скорость требовала от художника высочайшего мастерства и профессионализма: не только знания технологических приемов, но и блестящего владения рисунком, тонкого чувства колорита, знания и учета законов сокращения изображения на криволинейных поверхностях. Фресковые росписи зачастую отличаются от икон необычайной простотой живописных приемов, их казалось бы нарочитой

упрощенностью, которая, вкупе с виртуозным владением кистью, позволяла художникам создавать при этом образы пронзительные и духовно наполненные. Но главным в работе фрескиста остается чувство монументализма, то есть глубокое и проникновенное понимание того, как создаваемая живопись будет существовать и взаимодействовать с архитектурным пространством. В истории средневековой живописи существует множество примеров, когда художники не вполне владели законами монументального искусства. Росписи Георгиевской церкви, напротив, дают пример совершенного знания этих законов и их безукоризненного применения, при котором весь строй памятника, все элементы его художественной структуры подчинены единому монументальному началу.

Наиболее цельными и впечатляющими своей сохранностью и высочайшим качеством живописи являются фрески барабана, где в куполе расположена подробная монументальная композиция «Вознесение Господне», а в простенках окон представлены восемь ветхозаветных пророков. В центре «Вознесения», окруженный сиянием небесной «славы», восседает на радуге Иисус Христос. Его фигура, примерно вдвое превышая по размерам изображения остальных персонажей, выделяется на фоне всей композиции более плотным насыщенным колоритом и контрастным сочетанием темно-синего гиматия и красно-коричневого хитона, на которых яркими вспышками сияют белые лучи – «ассисты». Лик Христа, в отличие от других персонажей композиции, также выполнен в более контрастном колорите, с использованием интенсивной белильной разделки, которая, формируя пластику лица, имеет и глубокое символическое осмысление. Белильные «движки» или «оживки», которыми художник создает объем лица, понимаются как отблески божественного света – того света, которым просиял Христос в момент Преображения на горе Фавор.

*Пророк Соломон.
Фреска барабана*

.....

*Prophet Solomon.
Fresco on the drum of the church*

Пророк Давид. Фреска барабана

.....

Prophet David.

Fresco on the drum of the church

Именно этот нетварный свет и формирует облик святого, являясь источником повышенного духовного напряжения, которым отличаются образы Георгиевской церкви. Разработанная византийским искусством и имевшая самое широкое распространение, эта система линейной разделки используется в старолadoжских фресках со своей последовательностью и логикой. Так, интенсивной и контрастной пробелкой выделены персонажи, наиболее значимые в иерархии системы росписи храма, тогда как второстепенные фигуры имеют стандартизированную разделку лиц. Именно к изображениям первостепенного значения относится фигура Христа из «Вознесения».

Христос окружен фигурами восьми ангелов, которые несут сферу небесной «славы». Примечательно, что в отличие от абсолютного большинства аналогичных купольных композиций, сохранившихся в храмах Греции и Северной Италии, Каппадокии и Грузии, где ангелы

изображались летящими, русские памятники дают иное композиционное построение сцены. Здесь ангелы представлены стоящими, причем их позы содержат в себе элемент движения — шага или даже танца. Перед нами очевидное изображение небесного триумфа Иисуса Христа, победившего смерть, воскресшего и вознесшегося на небеса во плоти. Именно этот иконографический извод мы видим и в других сохранившихся древнерусских купольных «Вознесениях» — в новгородской церкви Спаса-Нередицы (1199), а также в соборах Мирожского (около 1140) и Снетогорского (1313) монастырей Пскова. Эта же ориентация на общий для русских памятников иконографический образец дает себя знать в фигурах апостолов, изображенных в третьем регистре композиции¹⁷.

→

Пророк Иеремия. Фреска барабана

.....

Prophet Jeremiah.

Fresco on the drum of the church

В простенках окон барабана представлено восемь пророков, фигуры которых обрамлены декоративными арочками, окруженными растительным орнаментом. Эти арочные обрамления являются типичным для XII в. приемом усиления архитектоники росписи, ее более

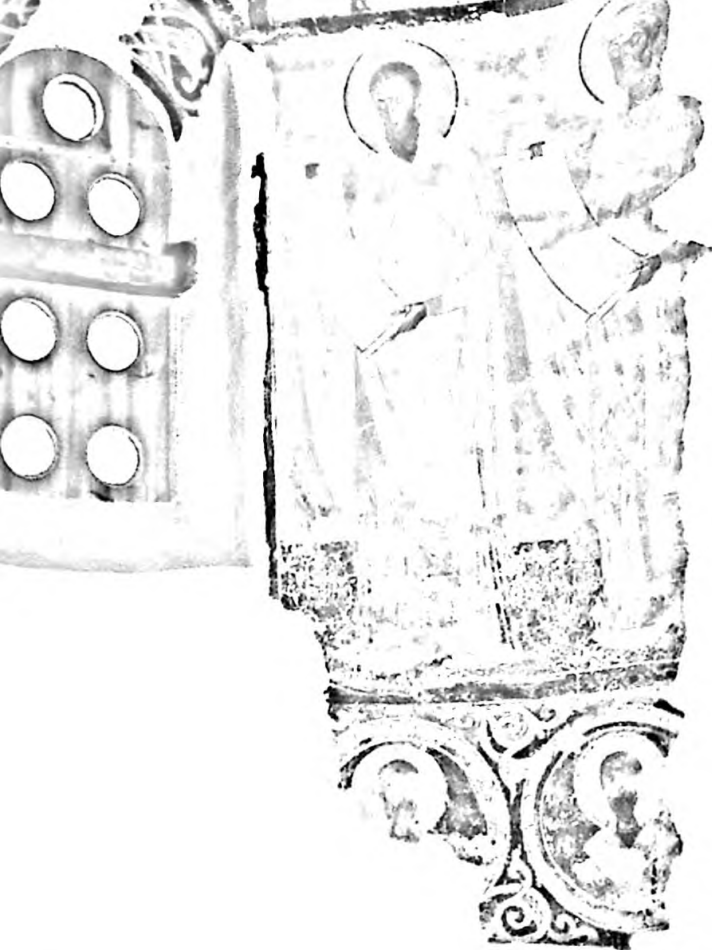
активного взаимодействия с реальными архитектурными формами путем живописной имитации элементов архитектурной декорации интерьера. Благодаря этой детали фигуры пророков гармонично включаются в единый ритм чередования с оконными проемами барабана, богато украшенными разнообразным растительным орнаментом. Таким образом, изображения пророков и орнаментальные мотивы барабана объединяются в единую и тонко организованную декоративную систему.

По сторонам от восточного окна барабана расположены две фигуры царей-пророков Давида и Соломона – создателей Иерусалимского храма, главной ветхозаветной святыни, ставшей в толкованиях отцов церкви прообразом Горнего Иерусалима. Иерархическая значимость этих персонажей подчеркнута не только их расположением на востоке, непосредственно над алтарем, то есть в главной сакральной зоне барабана, но и постановкой их фигур, которые представлены фронтально, тогда как остальные шесть пророков-старцев (Исайя, Иеремия, Михей, Геден, Наум, Иезекииль) изображены в трехчетвертном повороте, как бы сходящимися к восточной части объема. Акцентация фигур Давида и Соломона, вероятно, указывает на княжеский заказ росписи, поскольку эти святые обычно рассматривались как покровители царского и княжеского рода.

Фигуры пророков-старцев имеют величественно статуарную постановку, напоминая изображения античных философов; их драпировки покрыты виртуозно написанной разбелкой, декоративно отвлеченной и в то же время точно передающей пропорции человеческой фигуры. Иначе написаны фигуры Давида и Соломона, чьи царские мантии не имеют подобной разбелки и смотрятся локальными цветовыми пятнами, уплощающими фигуры и лишаящими их материальной осязаемости. По-разному решены и сами образы пророков. Суровые, эмоционально и духовно напряженные лики Давида и Соломона активно обращены на зрителя, тогда как лики пророков-старцев имеют самоуглубленное и несколько отстраненное выражение. Среди них выделяется Иеремия, чье напряженное лицо исполнено драматизма, усиленного обрамляющими его лик иссиня черными волосами и бородой. Глядя на этот образ, один из самых пронзительных в старолadoжской росписи, невольно вспоминается принадлежащее этому пророку самое трагическое произведение Ветхого Завета – «Плач Иеремии».

Росписи центрального алтаря, если не считать небольших фрагментов в

конхе с остатками изображения Богоматери (видимо, восседавшей на троне) и двух поклоняющихся ей ангелов, сосредоточены в нижней зоне апсиды. Здесь сохранился большой участок стенописи, на котором фрагментарно представлены три нижних регистра росписи. Цокольную часть апсиды, как и по периметру всего храма, занимает полоса полилитии или мраморировки – традиционного декоративного элемента, имитирующего мраморные панели, которыми во многих византийских храмах отделявали нижнюю часть стен интерьеров. Выше проходил фриз окруженных растительным орнаментом медальонов с полуфигурами святителей, некогда окаймлявший все три апсиды храма. В алтаре сохранились лишь два медальона с изоб-

ражениями неизвестного епископа и св. Иоанна Милостивого – одного из самых почитаемых в Новгороде святителей. Над фризом медальонов размещалась «Служба св. отцов», а еще выше – традиционная сцена «Причащение апостолов», от которой в Георгиевской церкви сохранился лишь небольшой фрагмент.

«Служба св. отцов», являясь одной из центральных сцен алтарной декорации, представляет собой символическое изображение небесного богослужения, совершаемого сонмом святых архиереев, возглавляемых творцами литургии – Василием Великим и Иоанном Златоустом, а также наиболее чтимыми святителями: Григорием Богословом, Николаем Чудотворцем, Афанасием и Кириллом Александрийскими. Эта композиция, возникшая в византийском искусстве рубежа XI–XII веков как отголосок на богословские споры о божественной и человеческой природах Христа, и к концу XII ставшая уже традиционной, изображалась в виде процессии святителей с литургическими свитками в руках, с двух сторон сходящихся к центру алтаря, где иногда помещалось изображение евхаристической жертвы¹⁸. В Георгиевской церкви сохранились лишь две фигуры – св. Василия Великого и св. Климента Папы римского. Включение этого святого в «Службу св. отцов» является своего рода отклонением от принятого канона, однако его появление здесь вполне объяснимо, если учесть осо-

бую популярность этого святого на Руси, вызванную тем, что его останки, перенесенные князем Владимиром из Корсуни (Херсонеса) в Киев и положенные в Десятинной церкви, явились первыми мощами вселенски почитаемого святого, попавшими на Русь¹⁹. В Ладоге этот святой мог быть особо чтим, поскольку ему была посвящена церковь, построенная в 1153 г. рядом с крепостью архиепископом Нифонтом.

Оба святителя изображены в одинаковых позах, подчеркивающих мерный ритм торжественной процессии. Они облачены в святительские полиставрионы, украшенные крестами, и держат в руках свитки, на которых начертаны традиционные тексты литургических молитв. Одежды святителей выполнены в осветленных красно-коричневых и розовых тонах, абсолютно дематериализующих их фигуры, на фоне которых контрастно смотрятся темные лики с энергичной белильной разделкой, приобретающей, особенно на лице Василия Великого, почти отвлеченные формы. Этим приемом, знакомом нам по фигуре Христа из «Вознесения», вновь выделяются главные персонажи и изображения алтарной росписи.

Находящиеся в боковых апсидах фрески были сюжетно поделены на две зоны: конхи апсид занимают две колоссальных полуфигуры архангелов, а ниже расположены два повествовательных житийных цикла. Обратимся сперва к изображениям архангелов. Из всех сохранившихся в церкви фресок это – самые крупномасштабные изображения, которые в полной мере дают нам представление о мастерстве написавшего их монументалиста. Архангелы представлены фронтально, с жезлами и державами в руках и с широко раскинутыми за спиной крыльями. Эти изображения обладают сложным контуром, который чрезвычайно трудно вписать в крошечное криволинейное пространство конхи, представляющее собой полукупол неправильной формы, не исказив при этом пропорций фигуры. Между тем написавший эти фрески художник блестяще справляется с поставленной задачей. Он нарочито удлиняет пропорции ангельских фигур и распластывает их по криволинейной поверхности стены, но точно находит ту меру соотношения рисунка, кривизны поверхности и перспективного сокращения, благодаря которой неизбежное искажение полностью скрадывается. Более того,

Лик св. Климента Папы римского из «Службы св. отцов».

Фреска центральной апсиды

.....

Face of St. Clement from the "Liturgy of Holy Fathers" fresco on the central apse of the church

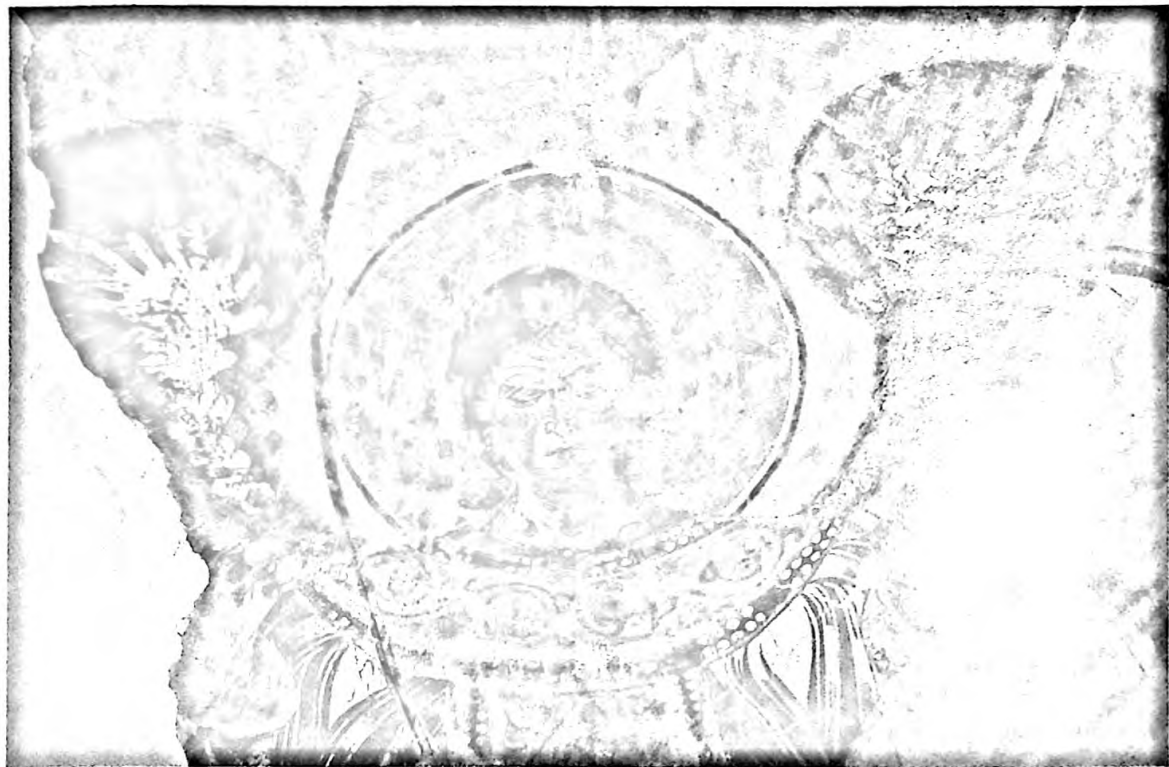
←

«Служба св. отцов».

Фреска центральной апсиды

.....

"Liturgy of Holy Fathers" fresco on the central apse of the church

Архангел Михаил.
Фреска конхи жертвенника

.....

Archangel Mikahil.
Fresco on the conch

обнимая пространство конхи широко раскинутыми крыльями, ангелы как будто выходят из стены, создавая свое собственное, иллюзорное, но почти осязаемое пространство, в котором самостоятельно существует фреска.

Мастерство монументалиста становится очевидным и при анализе живописной структуры данных изображений, самых крупных в церкви (диаметр нимба архангела около 1 м) и потому сложных в написании, поскольку любой просчет, любая ошибка оказывается как бы под увеличительным стеклом. В написании ликов художник выбирает один из самых трудных приемов письма, сложность которого, заключающаяся в почти аскетической скупости художественных приемов, требует безукоризненно точного чувства формы и владения рисунком. Лики архангелов написаны по той же подкладочной охре, которой закрашен нимб, поэтому лик и нимб тонально сливаются в одно цветное пятно. Объем лица, его формы, строятся не столько рисунком, который отличается чеканной точностью, сколько

→
Архангел Гавриил.
Фреска конхи дьяконника

.....

Archangel Gabriel.
Fresco on the conch in the diaconicon

энергичными белильными высветлениями, положенными в два слоя (нижний чуть утеплен добавлением охры) прямо на подкладочный слой, без каких-либо промежуточных проработок. Белила положены либо штриховкой, создавая более плавную проработку форм, либо упругими линиями, вносящими элемент жесткой графичности. Лики архангелов получаются как будто сотканными неземным светом, исходящим из сферы золотистого сияния нимба, что создает образы повышенного мистического содержания. В то же время столь энергичная пробелка ликов способствует их более ясному прочтению с большого расстояния, на которое они отнесены от зрителя.

Роспись жертвенника по традиции была посвящена сценам детства Богоматери или так называемому «протоевангельскому» циклу, название которого восходит к «Протоевангелию Иакова» — одному из древнейших апокрифических Евангелий, авторство которого приписывается св. Иакову, брату Божию, и где подробно описывается история рождения Богоматери и ее детства. От этого цикла, который состоял из четырех сцен, сохранилась лишь начальная композиция — «Жертвоприношение Иоакима и Анны», где изображены родители Богоматери, принесшие в иерусалимский храм очистительную жертву в виде двух агнцев за дарованное им дитя.

Фрески дьяконника были полностью отведены под цикл из трех сцен, посвященный патрону храма св. Георгию. От этого цикла сохранилось лишь «Чудо св. Георгия о змие», которое, в силу своей великолепной сохранности, простоты и непосредственности композиции и в то же время блестящего художественного исполнения и глубокого духовного осмысления сюжета, может считаться подлинным шедевром средневековой монументальной живописи. Эта композиция, обычно изображавшаяся в варианте единоборства святого воина с чудовищем, в Георгиевской церкви имеет нетрадиционную интерпретацию, основывающуюся на апокрифическом сказании, известном на Руси в переводе с греческого уже с XI в. под названием «Чуда св. Георгия о змие». Короткая повесть рассказывает о том, как святой, уже после своей мученической кончины, Божиим соизволением явился в образе воина в город Лаодикию (Гевал в русском переводе) и спас царскую дочь, которая была отдана на съедение чудовищу, которого святой усмирил не силой оружия, но молитвой²⁰.

Центральную часть композиции занимает величественный образ святого воина, восседающего на коне со стягом в руке. Он облачен в воинские доспехи, за его спиной развивается темно-красный плащ, украшенный звездами. Его колоссальная фигура, примерно вдвое превышающая размеры остальных персонажей, воспринимается как образ посланника небес. В ногах коня мы видим змия, которого ведет на привязи царевна. «И идяше вослед ея страшный он змий, — говорит сказание, — пресмыкаяся по земли, яко овча на заклание». В верхнем углу композиции изображена стена города, с которой за происходящим наблюдают царь и царица со свитой.

*«Чудо св. Георгия о змие».
Фреска дьяконника.*

.....

*St. George and the Dragon.
Fresco in the diaconicon*

Воспринимаясь внешне как повествовательная иллюстрация назидательного рассказа, коих имеется множество в средневековой литературе, эта фреска обладает и более глубокой образностью. Святой Георгий, изображавшийся в византийской традиции либо как мученик, либо как готовый на ратные подвиги воин-победитель и покровитель воинства, предстает в совершенно ином свете. За геральдически торжественной сценой просматривается новый смысл: земное зло, носителем которого, образом смерти и тлена, здесь выступает змий, не может быть побеждено силой, поскольку сила порождает насилие; зло преоборимо только смирением и верой. Именно эти вечные идеалы христианства и представляют изображенные на фреске персонажи. В антитезе «воинская доблесть — смирение» безусловно главным оказывается второе.

Не исключено, что подобное нестандартное истолкование одного из главных сюжетов храма, имевшего к тому же патрональное значение, исходило от заказчика росписи, которым, вероятнее всего, являлся один из новгородских князей конца XII в. Это следует и из того факта, что цитадель со вновь отстроенной церковью безусловно находилась в ведении князя или посадника, и косвенно из состава фресок. Так, посвященные св. Георгию сцены располагаются именно в дьяконнике, то есть по существу в объеме алтаря, а не в какой-то другой части храма, что говорит об особом к ним отношении, которое следует

объяснять не только посвящением храма этому святому, но и пожеланиями заказчика. Кроме того, из сохранившихся фигур святых абсолютное большинство принадлежит святым воинам-мученикам. Это – свв. Савва Стратилат и Евстафий Плакида на откосах арки дьяконника, св. Христофор на южном склоне этой же арки, св. Агафон на южной стене храма, св. Иаков Перский на той же стене под сценами «Страшного Суда». Составляя со сценами жития св. Георгия единый монолит, эти и другие не сохранившиеся фигуры мучеников представляли собой мощный пласт воинских изображений, во многом определявший содержание храмовой росписи, что, впрочем, не кажется странным, если учесть, что Георгиевская церковь являлась крепостным храмом, то есть духовной опорой стоявшего здесь гарнизона. И тем более представляется удивительным, что идея христианского смирения перед лицом зла звучит здесь столь отчетливо и ярко. Впрочем, в русской духовной практике этому есть отчетливая параллель. Это глубокое почитание святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, всегда изображавшихся с воинскими аксессуарами, но почитавшихся за их смиренное непротивление смерти в последовании Христу, что так тонко было понято и изложено замечательным русским философом Г.П. Федотовым в его книге «Святые древней Руси»²¹.

Помимо уже упомянутых воинов-мучеников на южной стене храма сохранилось два крупных фрагмента, захватывающих три нижних регистра сюжетных изображений. Так, над южным порталом во всю ширину стены размещалось представленное в подробном повествовательном изводе «Крещение», дошедшее до нас в двух фрагментах. В правой части композиции мы видим четырех ангелов, энергично идущих к центру композиции, где, вне сомнения, была изображена сама сцена крещения Христа Иоанном Предтечей. За спинами ангелов видна группа фарисеев, обсуждающих происходящее перед их глазами событие. Такая же группа фарисеев сохранилась на левом фрагменте композиции. Выше изображена фигура одного из прозелитов, принимающих крещение вместе с Христом и молитвенно воздевшего лик к небесам, откуда, согласно повествованию Евангелия, раздался Божий глас.

Над «Крещением» в левой части южной стены сохранились фрагменты еще двух регистров. В среднем ярусе в высоту расположенного рядом окна представлен в рост пророк Даниил, фигура которого обрамлена декоративной арочкой на двух колонках. На основании этого изображения можно сделать заключение, что по южной и северной стенам, а возможно и переходя на западные стены боковых рукавов подкупольного креста, шел аркатурный фриз из фигур, обрамленных подобно пророку Даниилу, и составлявший с окнами боковых стен единое целое. Этот фриз дополнялся узкой орнаментальной полосой со святыми в медальонах, от которых сохранился лишь медальон со св. Агафоном, расположенный над фигурой Даниила. Подобно аналогичному построению росписи простенков барабана, такой аркатурный пояс был призван усилить архитектурное звучание росписи, подчеркнуть ее конструктивную выразительность. Подобные элементы росписи, коих в Георгиевской церкви, видимо, было немало, вносили во внутренний облик храма дополнительные архитектурно-декоративные мотивы, восполняя недостаток архитектурных членений интерьера, отличающегося, в силу малых размеров храма, известной скупостью и простотой.

Остальные сохранившиеся фрески сосредоточены в западном объеме храма. Это, прежде всего, большой фрагмент живописи в южной части свода и центральной части

Праведные жены из «Страшного суда». Фреска южной стены

Holy Wives from the "Last Judgement" fresco on the southern wall of the church

западной стены под хорами, где перед нами предстает главная сцена «Страшного Суда». В утраченном центре композиции находилась фигура Христа-Судии в окружении сияния «славы», к Которому в молитве обращены Богоматерь и Иоанн Предтеча. По сторонам от них расположены восседающие на престолах двенадцать апостолов, за ними изображен сонм ангелов.

Центральная часть композиции обрамлена трехлопастной орнаментальной аркой, своими упругими очертаниями вновь усиливающей архитектурную выразительность фрески. В южной части свода, за фигурами апостолов, представлены две группы праведников – преподобных отцов и жен; последних возглавляет выразительная фигура Марии Египетской, обращенной в молении ко Христу. «Страшный Суд» Георгиевской церкви, как один из излюбленных назидательных сюжетов средневековой и особенно древнерусской живописи, имел и здесь множество дополнительных сцен, занимавших весь объем под хорами. Так, в южной части западной стены ниже фигур апостолов читаются остатки изображения райского сада; здесь размещались традиционные сцены – «Богоматерь в раю», «Лоно Авраамово», «Благоразумный разбойник». В северной части той же стены сохранился фрагмент с фигурами грешников, поднявших свои взгляды ко Христу в ожидании суда. К сожалению, остальные сцены этой интереснейшей композиции до нас не дошли²².

Завершают обзор сюжетных изображений две фрески на откосах малых арок, соединяющих пространство под хорами с основным объемом храма. Здесь представлены крупномасштабные полуфигуры св. Марии Магдалины (южная арка) и св. Николая Чудотворца (северная арка). Изображение Марии Магдалины, имевшее прекрасную сохранность еще в 30-х гг. нашего столетия, сейчас практически полностью утрачено до подкладочных слоев живописи, из-за чего читается лишь контуром и цветовым пятном. Напротив, фигура св. Николая сохранилась превосходно. В условиях

невысокой арки лик святого оказывается максимально приближенным к зрителю, и этот момент был тонко учтен художником: несмотря на то, что образ выполнен в том же монументальном духе, что и фигуры архангелов или св. воинов, разбелка его лика умышленно приглушена, написана сильно утепленной охрой, благодаря чему снимается присущая такой живописи напряженность, создается образ внутренне просветленный и сосредоточенный, внешне успокоенный и умиротворенный, обращенный к зрителю со сдержанным духовным наставлением.

Специально следует остановиться на декоративных элементах росписи, которые в росписях Георгиевской церкви отличаются необычайным разнообразием и богатством вариантов – настенных орнаментов, заполняющих оконные проемы, декоративных арок, обрамляющих фигуры святых, панелей полиптии, опоясывающих по периметру весь храм. Однако эти орнаментальные мотивы не просто отражают тяготение старолдожских мастеров к «узорочью», но являются важным архитектурным элементом системы декорации, обозначающим конструктивный каркас храма и как бы цементирующим его главные узлы, за которые крепится остальная роспись. Мы уже говорили об аркатурном фризе, проходившем на середине высоты северной и южной стен, который по своему конструктивному значению аналогичен аркатурным поясам, окаймлявшим фасады Владимиро-Суздальских храмов XII – начала XIII в. Аналогичную узловую роль играли орнаментальные фризы, проходившие по шельгам сводов, орнаментальные обрамления медальонов в софитах арок, декоративные клейма вокруг гнезд деревянных связей, скреплявших храм в двух ярусах. Такова же роль орнамента и в регистре медальонов, опоясывающих в основании три апсиды алтаря. Места концентрации орнамента фиксируют наиболее важные зоны конструкции храма, благодаря чему живопись обретает новый для нее импульс и связывается с тектоникой

*Св. Савва Стратилат.
Фреска арки дьяконника*

.....
*St. Sabbas Stratelates.
Fresco in the diaconicon arch
of the church*

*Апостол Павел из «Страшного суда».
Фреска западной стены*

.....

*Apostle Paul from the "Last Judgement"
fresco on the western wall of the church*

здания. Таким образом архитектура и стенопись становятся единым целым, новым организмом, который начинает существовать уже по своим эстетическим законам.

Любой памятник средневековой монументальной живописи всегда вызывает множество вопросов, и Георгиевская церковь не является исключением. Сколько фрескистов работало над украшением церкви? Откуда происходили мастера, расписавшие этот храм? К какому художественному направлению они принадлежали, каковы были их основные художественные ориентиры? Наконец, каково было главное содержание программы росписи? Фрески Георгиевской церкви, несмотря на фрагментарную сохранность, дошли до нас в достаточно полном объеме, чтобы попытаться дать на эти вопросы хотя бы предположительные ответы.

Значительная утраченность живописи не позволяет полностью восстановить систему росписи Георгиевской церкви. По сохранившимся фрагментам можно лишь утверждать, что южная и северная стены имели по пять ярусов изображений. О содержании трех нижних регистров мы можем составить общее представление по фрагменту на южной стене, верхние же несомненно были отведены под сцены христологического цикла, а, вероятно, и «страстей», которые довольно часто встречаются в росписях этого времени. Весьма вероятно, что такое же деление на яруса имели западные стены боковых рукавов подкупольного креста, но утверждать это преждевременно, поскольку здесь не сохранилось ни единого фрагмента живописи. Тем не менее, основная идейная программа росписи поддается реконструкции, поскольку частично сохранились важнейшие ее элементы — фрески купола и алтарных апсид.

Вторая половина XII столетия явилась для византийского мира периодом интенсивного иконографического творчества и еще более плотного, чем ранее, взаимодействия изобразительного искусства с литургическим действием. Импульсом для этого процесса в известной степени явилась богословская полемика о природе евхаристической жертвы, корнями уходившая в интеллектуалистическое богословие конца XI в. Пытаясь рационалистически объяснить чудо евхаристической жертвы, оппоненты ставили под сомнение саму сущность христианского вероучения, а именно реальность соединения во Христе божественной и человече-

ской природы. Кульминацией этой полемики стали константинопольские соборы 1156–57 гг., но уже до этого в монументальной живописи стали появляться новые сюжеты (например, «Служба св. отцов»), призванные проиллюстрировать и утвердить православные догматы о евхаристической жертве и соединении во Христе двух природ.

Русь сразу включилась в этот процесс, но интерпретировала его по-своему. На Руси стали появляться росписи, где в композициях купола и алтаря очень подробно и повествовательно иллюстрировались данные догматы, изложение которых было рассчитано на богословски непросвещенную русскую паству. Первым таким памятником, вероятно, был связанный с именем уже упоминавшегося новгородского архиепископа Нифонта Мирожский собор, расписанный около 1140 г., алтарь которого занимает ряд сложных догматически осмысленных сюжетов, а купол отведен под «Вознесение». Достаточно сказать, что на оси «восток-запад», проходящей через алтарь и купол, Христос изображен девять раз, сразу представляя перед зрителем во всей полноте и многообразии Своей ипостаси. Видимо, этот собор явился своего рода образцом, на который, не повторяя его систему росписи буквально, ориентировались создатели русских росписей при составлении иконографических программ. Это прослеживается на примере церкви Благовещения в Аркажах (1189), церкви Спаса Нередицы (1199) и собора Рождества Богородицы Снетогорского монастыря (1313). В этот же ряд можно поставить и Георгиевскую церковь²³.

Почти все программные изображения в Георгиевской церкви утратились, однако мы можем реконструировать их местоположение, количество и примерный состав. Как и в Мирже, они находились на центральной оси алтаря и купола. Первый такой сюжет располагался под нижним окном алтарной апсиды, где находился медальон, в котором, возможно, был представлен Христос в образе евхаристической Жертвы, то есть Младенца, лежащего в евхаристическом сосуде – потире или дискосе; такие изображения известны по многочисленным византийским аналогиям XII–XIV вв. Еще один медальон, где также был изображен Иисус Христос, находился между окнами апсиды. По сторонам от него была изображена «Евхаристия», в которой Христос в виде небесного архиерея дважды причащал апостолов хлебом и вином, а конху занимала фигура тронной Богородицы с Младенцем на коленях. Главным же образом алтаря было изображение в своде, которое реконструируется, как ни странно, благодаря сохранившимся фигурам архангелов в конхах боковых апсид, составлявших с фреской в алтарном своде единую догматическую композицию. Архангелы представлены здесь как свита небесного Царя-Пантократора, изображение Которого масштабно не могло уступать образам архангелов. Расчет показывает, что свод алтаря вероятнее всего занимал большой медальон с бюстом или даже оплечным изображением Христа в образе Вседержителя. Завершали христологическую программу два «Нерукотворных Спаса» – «на плате» и «на чрепии» (как в Мирже или Нередице), располагавшиеся между парусами над восточной и западной подпружными арками, и купольное «Вознесение», являвшееся триумфом Спасителя, вознесшегося во плоти на небеса. Именно так купольная композиция окончательно утверждала догмат о соединении во Христе божественной и человеческой природы²⁴.

Все исследователи, обращавшиеся к изучению фресок Георгиевской церкви, отмечали их поразительное стилистическое единство²⁵. Действительно, они написаны

в общей системе колорита, при строго рассчитанных масштабных соотношениях, с использованием единого арсенала живописных, композиционных и декоративных приемов. И все эти элементы подчинены одному организующему началу, казалось бы исходящему от одного художника-фрескиста, тонко чувствующего и понимающего требования и законы искусства монументальной живописи применительно к задачам создания храмовой декорации и воплощения конкретной богословской программы росписи. Однако при ближайшем рассмотрении мы понимаем, что этим определяющим началом была скорее всего не воля или вкус одного художника, а принадлежность работавших здесь мастеров к единой школе или традиции, которая и обеспечивала удивительную художественную цельность ансамбля, несмотря на то, что его создавало несколько художников, имевших разный темперамент и дарование, и среди них двое ведущих, различающихся своими художественными пристрастиями и ориентациями.

Мастерам Георгиевской церкви удалось абсолютно точно найти колористический строй росписи. Традиционно фрески конца XII в. имеют плотный насыщенный цвет с обильным использованием густых, иногда даже чуть затемненных тонов. Совершенно иная картина предстает в Георгиевской церкви, где за основу колористической системы взято использование чистых, при этом чуть разбеленных красок, положенных как бы «в растирку», то есть тонким слоем, через который даже может просвечивать левкасная подготовка под живопись. Их выбор оказался безошибочным: при использовании традиционной плотной гаммы красок небольшой объем Георгиевской церкви получил бы стандартно приземистый и затемненный облик, теперь же благодаря облегченному колориту он стал смотреться легким и светлым практически при любом освещении, что особенно актуально в условиях русского Севера.

Традиционно фоновые части фресковых изображений расписывались так называемым «голубцом» – жидкой голубой краской, сделанной из лазурита или азурита, который наносился по рефтяной подготовке, приготовленной из смеси сажи и известковых белил, в результате чего получалась краска темно-синего цвета. Верхний голубой слой как правило вскоре утрачивался, поэтому большинство древнерусских и византийских фресок имеет очень темный фон. Иную картину мы видим в Георгиевской церкви, где большинство фонов написано тонко положенной лазуритовой краской, подкладкой под которую служит еще более тонкий слой рефти, положенный столь жидко, что местами он практически отсутствует. Благодаря этому фон становится прозрачного и как бы мерцающего голубого цвета, задающего облегченный тон всему колориту. К этому следует добавить, что все композиции в дьяконнике, жертвеннике и объеме под хорами имели белый фон, выделяясь, таким образом, из общей колористической системы. Благодаря чередованию цвета фона в различных частях храма более определенными становились соотношения этих объемов в общей структуре интерьера, а роспись в целом приобретала еще более отчетливое архитектурное звучание.

Колорит ладожских фресок нельзя назвать особенно богатым. В нем, помимо голубой краски, используемой для фоновых раскрасок и одежд многих персонажей, в большом количестве присутствует красная охра, которой выполняется рисунок лиц и раскраска волос, расколеровка отгранок и значительных частей орнаментов; ею же

написаны многие одежды и другие детали изображений. Не менее активно используется желтая и золотистая охра, которыми пишутся нимбы и лики, одежды, архитектурные детали, горки и т. д. Зеленая краска идет в меньших количествах, в основном на раскраску поземов, или, чаще в разбеле, для написания одежд. Наконец, активно используются самые различные смеси, в том числе разнообразные варианты красного цвета, получаемые из соединения красной охры и киновари, иногда с добавлением и других пигментов, благодаря чему получаются оттенки малинового (гиматий пророка Михея), вишневого (плащ св. Георгия), розового (одежды апостолов) тонов. Аналогичные смесевые градации можно проследить и в гамме желто-коричневых или голубых тонов.

Но, несмотря на известную ограниченность используемых в работе исходных красок, колорит Георгиевских фресок поражает своей изысканностью и тонкостью. В его основе лежит тонко организованное сочетание теплых и холодных тонов. Можно сказать, что колористический облик памятника определяется голубым, красным, желтым и белым цветами, и хотя количественно теплые тона несомненно преобладают, холодные оказываются более активными, чему способствует и интенсивное использование белого цвета как на некоторых фонах, так и в повсеместно присутствующей пробелке ликов и одежд, и переход в холодную гамму разбеленных розовых и желтых цветов. В результате создается подвижное равновесие, где нельзя отдать предпочтение ни теплым, ни холодным тонам, которое позволяет получать гармонично и изысканно звучащие сочетания голубого и розового или малинового, синего и красного, светло-зеленого и желтого. Примечательной чертой является использование так называемого «дополнительного цвета» в разделках на одеждах некоторых персонажей, которые в теневых частях складок пишутся не чистыми белыми, а либо сильно разбеленной желтой (пророк Гедон), голубой (ангел из «Вознесения») или розовой (апостол Иаков из «Вознесения») красками, либо

*Св. Николай Чудотворец.
Фреска северо-западной арки
.....*

*St. Nicholas the Miracle-Worker.
Fresco on the north-west arch*

Апостолы Варфоломей, Филипп и Фома из «Вознесения».

Фреска купола

.....

Apostles Bartholomew, Philip and Thomas from the "Ascension"

fresco on the dome of the church

цветами, спектрально противоположными цвету одежды (синие тени на малиновом гиматии пророка Михея или апостола Фомы, зеленые – на охристом гиматии апостола Симона).

Рассмотренные колористические особенности и нюансы старолadoжских росписей как будто выходят за рамки традиций монументальной живописи XI–XII века, которая с ее определенностью и конкретностью цветовых решений не знает подобных колористических изысков. Более того, и сами мастера как будто чувствуют некоторую чрезмерность своих колористических опытов и сосредотачивают их в объеме купола, где они практически невидимы для зрителя, тогда как в нижней зоне храма цветовые изыски и рефлексy уступают место более плотному и традиционному колориту. И все же старолadoжские фрескисты не были одиноки в своих колористических поисках. Среди памятников византийской монументальной живописи позднего XII в. есть несколько фресковых ансамблей, происхождение которых связывается с Константинополем, где в той или иной степени проявились схожие художественные тенденции, в целом несомненно характерные для искусства позднего XII в. и получившие в научной литературе название «позднекомниновского маньеризма». Таковы, например, два кипрских памятника – фрески монастыря св. Неофита близ Пафоса (1183) и церкви Панагии Аракиотиссы в Лагудера (1192), где используется характерный высветленный и облегченный колорит. Достаточно распространено было и использование «дополнительного цвета» в написании складок одежд, которое можно встретить в ряде памятников XII в.²⁶ Эти примеры ни в коей мере нельзя считать прямыми аналогами цветовому строю лadoжских фресок, колорит которых, как, впрочем, и названных памятников, абсолютно самостоятелен и неповторим. Однако принципиальной представляется сама идея трансформации традиционных колористических приемов и устойчивых цветовых схем, которая, очевидно, была популярной в наиболее рафинированной художественной среде Константинополя и в целом она чрезвычайно созвучна эстетике позднекомниновского искусства.

Классическая византийская основа старолadoжских фресок наиболее отчетливо проявляется в масштабном соотношении живописи и архитектуры. Для такого небольшого храма, каким является Георгиевская церковь, существует опасность увлечения излишне подробным и детальным повествованием и как следствие – измельчение масштаба росписи. В известном смысле именно эта черта свойственна некоторым русским современникам Георгиевской церкви – фрескам Аркажей (1189) и Нередицы (1199), где архитектура живописи отчасти принесена в жертву повествовательности. Старолadoжским мастерам удалось избежать этого и найти именно ту золотую середину, то соотношение сюжета и архитектурной формы, которое позволило, не перегружая стены образами, воплотить задуманную программу и в то же время создать неповторимо красивый и уравновешенный интерьер, построенный на классическом чувстве меры и гармонии, за которым видится многовековая традиция византийского искусства.

В еще большей степени ориентацию на классические образцы демонстрирует декорация цокольной части стен, традиционно украшенная панелями полилитии, или мраморировками. Полилитии встречаются в декорации домонгольских храмов чрезвычайно часто, особенно в новгородско-псковских памятниках. Их можно встретить в соборе Антониева монастыря (1125), соборах Иоанновского и Мирожского монастырей в Пскове (40-е гг. XII в.), Мартириевской паперти Софийского собора (1144), Успенском соборе Старой Ладogi (середина XII в.), Аркажах (1189), Нередице (1199) и т. д. Однако в большинстве случаев использование полилитии являлось лишь данью устойчивой традиции, тогда как в старолadoжских росписях мраморировки становятся важным смысловым элементом декорации, обладающим своей сакральной значимостью и неординарным пространственно-масштабным построением.

Обычно панели полилитии опоясывали храм по периметру примерно на одной высоте, колеблющейся, в зависимости от параметров всего сооружения, от 1 до 1,5 м от уровня пола. Иногда они имели незначительные градации уровня, понижаясь (Нередица) или отсутствуя (Успенский собор в Старой Ладoge) в

*Апостол Иоанн из «Вознесения».
Фреска купола*

.....
*Apostle John from the "Ascension"
fresco on the dome of the church*

алтарной зоне. Но в Георгиевской церкви они оказываются необыкновенно высокими, особенно принимая в расчет небольшие размеры церкви, и имеющими четкую высотную градацию в зависимости от сакрального значения данного храмового пространства. Практически по всему объему росписи они значительно превышали человеческий рост. Основная часть мраморных панелей сохранилась на небольшую высоту около 70 см, но при последней реставрации были получены данные, позволяющие достаточно точно реконструировать реальную высоту клейм полилитий. В западном объеме храма под хорами мраморировки поднимались примерно на 230–240 см, то есть почти на половину высоты объема, чуть не доходя до верхней отметки западного дверного проема. В основном объеме храма мраморные клейма занимали огромные плоскости на южной и северной стенах, достигая высоты около 250 см и полностью обрамляя дверной проем северного портала. В восточных арочных проемах их высота понижалась примерно до 220 см, вероятно, соответствуя высоте алтарной преграды, а в самом алтаре мраморировки уже не превышали отметки 150 см.

Эта кажущаяся на первый взгляд неоправданная завышенность мраморировок в реальности давала свою точку пропорционального отсчета для всей живописи, отодвигая от зрителя священные изображения и тем самым иллюзорно увеличивая пространство храма. Мраморные панели выступают здесь и как сакральный элемент, своего рода пограничная зона, отделяющая «мир горний» от «мира дольнего», небесное от земного. Этим и объясняется постепенное понижение их высоты по мере движения к алтарю, где Божественное присутствие приближается к человеку. Высота мраморировок – также косвенное указание на то, что мастера ориентировались на столичные византийские примеры, где мраморные облицовки обычно покрывали все стены храмов и лишь на сводах и арках уступали место мозаикам и фрескам.

Теми же категориями определяются и масштабные соотношения самих изображений, причем уменьшение масштаба фигур и ликов находится в прямой зависимости от сакрально-иерархического значения данного храмового объема. Так, самые крупные фигуры, как бы указывающие на близость Божественного присутствия, расположены в алтаре. Это архангелы в боковых апсидах и утраченные изображения алтарной конхи и свода. По мере снижения масштаб постепенно уменьшается, и в медальонах со святителями он достигает самого маленького размера. Но именно этот размер оказывается своего рода масштабным модулем для изображений в основном объеме храма. Таким образом, самый маленький масштаб алтаря становится самым крупным для фресок в ветвях подкупольного креста. Единственное и понятное исключение – фигура Христа из «Вознесения», чей масштаб близок святителям из алтарной «Службы св. отцов». В свою очередь, наиболее мелкий масштаб основного объема, представленный фигурой св. Агафона, является наиболее крупным модулем для западного объема под хорами со сценами «Страшного Суда», где масштабные соотношения продолжают уменьшаться и достигают иконных размеров.

Таким образом, масштабное построение старолadoжских росписей обладает строго продуманной и в совершенстве организованной системой соотношений, имеющей сакральное осмысление. Масштабные градации точно соответствуют делению храма на три литургических пространства: алтарь, наос и помещение под хорами, куда по завершении «литургии оглашенных» в древности выходили не допускаемые к

причастию. Смысл подобной масштабной организации росписи очевиден: по мере приближения к «святая святых», т.е. к алтарю, благодать приближается, и размер священных изображений увеличивается, по мере отхода от алтаря «горний мир» отдаляется, и масштаб изображений уменьшается.

Единым для всех участвовавших в работе фрескистов оказывается и набор художественных приемов. Так, строго регламентированным оказывается важнейший элемент, во многом определяющий облик всей росписи, а именно система письма ликов, которую можно охарактеризовать как очень простой, но доведенный до совершенства метод, заключающийся в следующем: по подкладочному слою желтой охры красно-коричневой краской выполняется рисунок, затем той же, но жидко разведенной краской делаются притенения, и завершает проработку пробелка известковыми белилами, иногда утепленными охрой. В рамках этой системы существуют незначительные вариации или манеры личного письма, которые не изменяют существа художественной выразительности этой живописи. Примечательно, что ладожские мастера в совершенстве владели всеми манерами, и использование того или иного приема написания лика определялось не индивидуальными пристрастиями фрескиста, а исключительно художественными задачами. Можно сказать, что все главные образы росписи выделены более контрастной и сочной пробелкой, в каждом случае обладающей индивидуальными особенностями, тогда как остальные лики написаны в стандартизированной системе. К этим главным образам можно отнести Христа из «Вознесения», святителей из «Службы св. отцов», архангелов из боковых апсид.

В такой же предельно упрощенной системе письма выполнены и фигуры всех персонажей. И здесь живописная структура сведена к трем основным элементам: подкладочный слой, рисунок с притенениями и белиль-

*Ангелы из «Крещения».
Фреска южной стены*

*Angels from the "Baptism of Christ"
fresco on the southern wall of the
church*

*Св. Христофор.
Фреска арки дьяконника*

.....

*St. Christophorus.
Fresco on the diaconicon arch
of the church*

ная разделка складок²⁷. Эта широко распространенная в византийском мире трехтоновая живописная система в трактовке ладожских мастеров приобретает достаточно отстраненный и абстрактный характер. Рисунок пробелов становится жестким и графичным, он лишает фигуру объема и пластики и дематериализует ее. Как и лики, фигуры оказываются созданными небесным светом, который преобразует плоть, лишает ее земной тяжести и косности.

Не следует думать, что строгое следование установленным канонам лишило ладожских мастеров их художественной индивидуальности. Напротив, она находит самое непосредственное выражение в характере рисунка, постановки фигур, использования тех или иных «почерковых» приемов в написании пробелки складок одежды и т. д. В сохранившейся части росписи, несомненно, выделяются руки двух ведущих мастеров. Примечательно, что они работают бок о бок, вдвоем пишут «Вознесение», при этом сохраняя свою яркую индивидуальность и не пытаясь подстроиться друг под друга или выработать единую манеру письма.

Одного из них можно назвать приверженцем классических традиций. Его образы исполнены внутреннего драматизма и духовного напряжения, но это не находит внешнего эмоционального проявления; они оказываются несколько отстраненными и обращенными внутрь себя. Лица его персонажей отличаются утонченностью черт и классическим византийским обликом, выработанным искусством XI–XII вв. Фигуры написанных им святых всегда классически уравновешенны и статуарны, даже если они изображены в порыве движения. Его рисунок каллиграфически точен и тонок, что, при всем мастерстве, вносит в созданные им образы некоторую сухость. Лучше всего этому мастеру удаются изображения среднего масштаба. Так, он пишет четырех имеющих лучшую сохранность ангелов из «Вознесения» и четырех апостолов из той же композиции (Марк, Анд-

рей, Варфоломей, Филипп); им же написаны шесть пророков-старцев в барабане, святители в медальонах в нижней зоне алтаря, «Крещение», а возможно пророк Даниил и Агафон на южной стене. Вероятно, этим же художником было выполнено большинство утраченных сцен христологического цикла, украшавших основной объем храма. Для его искусства характерны интеллектуализм и внешний лоск, аристократическая сдержанность и необычайная изысканность вкуса, то есть черты, позволяющие связать его с придворной константинопольской средой, выходцем из которой он, вероятнее всего, и являлся.

Второй мастер – казалось бы полная ему противоположность. Его живопись экспрессивна, чрезвычайно подвижна и динамична, а образы исполнены не только внутреннего духовного, но и внешнего эмоционального напряжения, активно направленного на зрителя. Этого мастера можно назвать истинным монументалистом; ему наиболее удаются крупные фронтальные образы, что и было учтено фрескистами при распределении участков работы. Именно второй мастер пишет все крупные, а следовательно, центральные образы храма. Его руке принадлежат Христос из «Вознесения», оба архангела в конхах боковых апсид, св. Николай и св. Мария Магдалина, св. воины в арке дьяконника, святители из «Службы св. отцов», пророки Давид и Соломон; он же пишет «Жертвоприношение Иоакима и Анны» и «Чудо Георгия о змие».

Примечательно, что при уменьшении масштаба изображений его живопись приобретает маньеристические черты: энергично движущиеся фигуры апостолов в «Вознесении» утрачивают классическую устойчивость (Фома, Симон), складки одежд, зачастую игнорируя конструкцию тела, приобретают отвлеченный орнаментальный характер (Лука, Иоанн), а крупные черты ликов, более чем уместные в крупномасштабных изображениях, приобретают чуть гротескный оттенок.

В росписи Георгиевской церкви принимал участие еще как минимум один художник, возможно являвшийся подмастерьем двух ведущих фрескистов, который выполнил сохранившуюся часть «Страшного Суда». Он работает в той же художественной системе, в основном ориентируясь на приемы и манеру первого мастера и достаточно успешно ими овладевая. Однако при сравнении с другими фресками храма, его живопись оказывается слишком измельченной и дробной, чуть упрощенной, хотя духовно наполненной и зрелой. Наконец, возможно участие в работе и четвертого мастера, специализировавшегося на орнаментальных и декоративных частях росписи. Это предположение весьма вероятно, принимая во внимание, что орнаменты Георгиевской церкви отличаются необычайным разнообразием и высочайшим профессионализмом, а все декоративные элементы росписи – мраморировки, декоративные арочки, орнаменты вокруг медальонов, наконец, декорации окон – занимали не менее четверти всей площади стенописи.

Фрески Георгиевской церкви не имеют буквальных стилистических аналогий в искусстве этого времени, однако они обладают несомненным внутренним родством со многими памятниками конца XII в., разбросанными в самых разных точках византийского мира. Весьма симптоматично, что оба ведущих мастера, создав стилистически столь монолитный памятник, имели разные художественные ориентиры и в их индивидуальном творчестве проявились тенденции, которые определили стилистическое

*Фигура Иисуса Христа из
«Вознесения». Фреска купола*

.....

*Depiction of Christ
from the "Ascension".
Fresco on the dome of the church*

своеобразие основных художественных направлений в монументальной живописи позднего XII в. Так, первому мастеру с его классической ориентацией созвучен такой выдающийся памятник, как росписи Дмитровского собора во Владимире (около 1195), выполненные греческими художниками по заказу князя Всеволода «Большое Гнездо», а в творчестве второго мастера дают себя знать динамизация и повышенная экспрессия стиля, которые в более отчетливой форме проявятся в некоторых фресковых циклах 90-х гг. XII в., происхождение которых связано с Константинополем (церковь св. Георгия в Курбинно в Македонии, 1191 г., церковь св. Бессеребренников в Кастории, 90-е гг., церковь Панагии Аракиотиссы в Лагудера, Кипр, 1192 г.). К этой же эпохе и среде относятся и ведущие мастера фресок Георгиевской церкви.

Являясь одним из ярких проявлений византийского

художественного гения, старолadoжские фрески в то же время оказываются неотъемлемой частью древнерусской культуры. Византийское искусство обладало универсальной способностью не только оплодотворять национальные традиции многовековым наследием своей великой культуры, но и тонко чувствовать и даже усваивать эти традиции, преобразуя их в эволюции художественного языка. Русские реалии находят выражение во фресках Георгиевской церкви не только ориентацией иконографической программы на нужды русской паствы или незримым присутствием заказчика, определявшего состав некоторых сюжетов, но и своеобразием художественных форм этого памятника. Если

духовная и художественная традиция, отразившаяся в староладожских фресках, в глобальном плане, несомненно, восходит к Константинополю, то многие конкретные проявления художественных форм находят более убедительные параллели в искусстве Новгорода конца XII в. — во фресках Благовещенской церкви в Аркажах (1189) и Спасо-Преображенской церкви в Нередице (1199), по отношению к которым староладожская роспись является старшим современником и, в известном смысле, художественным ориентиром.

Русское искусство конца XII в. уже вполне самостоятельно и равноправно участвовало в общем для всего византийского мира процессе развития изобразительного искусства, творчески осваивая разрабатываемые в Византии художественные формулы. Приезжавшие на Русь византийские художники не только несли с собой эти формулы и традиции, но невольно оказывались участниками их адаптации русским искусством. В этом и сказывался универсализм византийской художественной культуры, питаемой наднациональными, вселенскими идеалами христианства. Именно поэтому староладожские фрески, являясь творением греческих мастеров, остаются одним из выдающихся памятников в истории древнерусской живописи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1884. Вып. IX. С. 134.
- 2 Кеппен П.И. Список русским памятникам, служащим к составлению истории и отечественной палеографии. М., 1822. С. 13; Материалы для статистики Российской Империи, издаваемые при статистическом отделении Совета министерства внутренних дел. СПб., 1841. С. 63 (точка зрения А.Глаголева).
- 3 Полное собрание русских летописей. Т. II. СПб., 1908. С. 277.
- 4 Амвросий, архим. (Орнатский). История российской иерархии. М., 1812. Т. IV. С. 136–137; Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России. М., 1852. С. 479–480; [Прохоров В.А.] Стенная живопись (фрески) XII века в староладожской крепости в церкви св. Георгия // Христианские древности и археология, издаваемые под ред. В.А.Прохорова. СПб., 1871. Вып. 1–4. С. 3; Бранденбург Н.Е. Старая Ладога. СПб., 1896. С. 233; Суслов В.В. Техническое описание архитектурных памятников Старой Ладogi // Бранденбург Н.Е. Старая Ладога. С. 314; Некрасов А.И. Очерки по истории древнерусского зодчества XI–XVII вв. М., 1936. С. 66.
- 5 Грабарь И.Э. История русского искусства. М., 6/д. Т. I. С. 186–187; Муратов П.П. Русская живопись до середины XVII века // Там же. М., 6/д. Т. IV. С. 128; Красовский М.В. Планы древнерусских храмов. Пг., 1915. С. 203; Максимов П.Н. Архитектура новгородской земли XII – начала XIII вв. // Всеобщая история архитектуры. Т. III. М.–Л., 1966. С. 648–650.
- 6 Лазарев В.Н. Искусство Новгорода. М.–Л., 1947. С. 27, 59.
- 7 Лазарев В.Н. Фрески Старой Ладogi. М., 1960. С. 17; Он же. Мозаики и фрески. М., 1973. С. 44; Он же. История византийской живописи. М., 1986. Т. I. С. 111.
- 8 Сарабьянов В.Д. Фрески Георгиевской церкви и новгородское искусство конца XII века // Церковь св. Георгия в Старой Ладoge: История, архитектура, фрески. Монографическое исследование памятника XII века. Автор-составитель В.Д. Сарабьянов. М., 2002.

- С. 288–292.
- 9 Лалазаров С.В. Архитектура церкви св. Георгия // Церковь св. Георгия в Старой Ладоге: История, архитектура, фрески. С. 69–85.
 - 10 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950. С. 424.
 - 11 Лифшиц А.И. Монументальная живопись Новгорода XIV–XV вв. М., 1987. С. 38.
 - 12 Подробнее об этом см.: Сарабьянов В.Д. История церкви св. Георгия, ее изучение и реставрация // Церковь св. Георгия в Старой Ладоге: История, архитектура, фрески. С. 11–17.
 - 13 Матвеева А.Б. Фрески Андрея Рублева и стенопись XII века во Владимире // Андрей Рублев и его эпоха. М., 1971. С. 142–170.
 - 14 Сарабьянов В.Д. История церкви св. Георгия, ее изучение и реставрация // Церковь св. Георгия в Старой Ладоге: История, архитектура, фрески. С. 30–41.
 - 15 Об истории этого издания см.: Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М., 1986. С. 119–123.
 - 16 Васильев Б.Г. Техника и технологические приемы фресок Георгиевской церкви // Церковь св. Георгия в Старой Ладоге: История, архитектура, фрески. С. 295–326.
 - 17 Обобщающие труды по иконографии этой купольной композиции см.: Demus O. The Mosaics of San Marco in Venice. Chicago – London, 1984. Vol. I. P. 173–241.
 - 18 Обобщающие труды по иконографии «Службы св. отцов» см.: S. Dufrenne. L'enrichement du programme iconographique dans les églises Byzantines du XIII siècle // L'art Byzantine du XIII siècle. Symposium de Sopochani. 1965. Beograd, 1967. P. 35–38; Баби Г. Христолошке распре у XII веку и појава нових сцена у апсидалном декору византијских цркава // Зборник за ликовне уметности. 2. Београд, 1968. С. 11–31; Lafontaine-Dosogne J. L'évolution de programme décoratif des églises // XV Congrès International des études Byzantines. Athènes, 1976. Vol. III. P. 142–144; Walter Ch. Art and Ritual of the Byzantine Church. London, 1982. P. 198–212.
 - 19 О традиции изображения св. Климента в русских памятниках см.: Сарабьянов В.Д. Культ св. Климента папы Римского и его отображение в новгородском искусстве XII в. // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 20–22 декабря 1997 г. СПб., 1997. С. 34–38; Царевская Т.Ю. Образ св. Климента Римского в новгородском искусстве XIII в. // Древнерусское искусство: Византия и Русь. К 100-летию со дня рождения А.Н. Грабаря. СПб., 1999. С. 260–273.
 - 20 Текст апокрифа см.: Памятники литературы древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 520–527. Сведения об апокрифе, его исследованиях и публикациях см.: Словарь книжников и книжности древней Руси. XI – первая половина XIV в. Л., 1987. С. 144–147.
 - 21 Федотов Г.П. Святые древней Руси. М., 1990. С. 40–50.
 - 22 «Страшный Суд» присутствует во всех домонгольских памятниках Новгорода и Пскова, исключая собор Мирожского монастыря, где сохранились росписи западного объема: в Николо-Дворищенском соборе (около 1120), Георгиевской церкви Старой Ладоги и Спасо-Нередице (1199), а также в памятниках других регионов древней Руси: соборе Выдубицкого монастыря в Киеве (конец XI в.), Спасо-Преображенском соборе Переяславля-Залесского (1150-е гг.), Спасском соборе Евфросиниева монастыря в Полоцке (последняя четверть XII в.), Дмитровском и Успенском соборах Владимира (1190-е гг.), Кирилловской церкви в Киеве (конец XII в.).
 - 23 Подробнее об этом см.: Сарабьянов В.Д. Программные основы древнерусской храмовой декорации второй половины XII века // Вопросы искусствознания. 4/94. М., 1994. С. 268–313.
 - 24 Там же. С. 290–292.
 - 25 Эта особенность старолadoжских фресок была отмечена уже их первым исследователем – Я.И.Бердниковым, который еще в 1853 г. увидел в них «очевидную школу (курсив мой –

- В.С.), совершенно особенную, создавшуюся на обдуманном основании идеи искусства чисто не светского, а церковного, руководствовавшегося образцами греческого строгого стиля и имевшего на выкших, ловких и опытных исполнителей». См.: Бердников Я.И. Развалины Георгиевской крепости в Старой Ладогe // Журнал Министерства народного просвещения, 1853 г., ч. 78, отд. 17. С. 89–90. Некоторые исследователи даже приписывали авторство всех фресок руке одного художника. См.: Артамонов М.И. Один из стилей монументальной живописи XII–XIII вв. // Гос. Академия истории материальной культуры. Бюро по делам аспирантов. Сборник I. Л., 1929. С. 56; Дмитриев Ю.Н. Заметки по технике русских стeнных росписей X–XII вв. // Ежегодник Института истории искусств Академии наук СССР. М., 1954. С. 242–243.
- 26 К ним в первую очередь следует отнести росписи церкви св. Георгия в Курбиново 1191 г. и церкви св. Николая ту Касничи в Кастории конца XII в. См.: Грозданов Ц., Хадерман Мисгвиш Л. Курбиново. Скопје, 1992. Илл. 6, 7, 59; Pelekanidis S., Chatzidakis M. Kastoria. Byzantine Art in Greece. Athens, 1985. P. 50–65.
- 27 Обобщающие работы по технике трехтоновой живописи см.: Филатов В.В. К истории техники стeнной живописи в России // Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова. М., 1968. С. 12–84; Winfield D.C. Middle and Later Byzantine Wall Painting Methods. A Comparative Study // Dumbarton Oaks Papers 22. Washington, 1968. P. 120–130.

Поиски археологов

Н.Е. Бранденбург.
Фотография 1890-х гг.

.....
N. Brandenburg.
Photograph of the 1890s

→
Раскопки Н.Е. Бранденбургом
церкви Спаса Всемилостивого.
Фотография 1884 или 1885 г.

.....
Excavations by N. Brandenburg
of the Church of Our Saviour
the All-Merciful.
Photograph of 1884 or 1885

Ладожская археология чрезвычайно важна и необычна. Она фокусирует в себе ряд узловых моментов начальной русской истории, в том числе и тех, о которых молчат или чрезмерно скупо свидетельствуют письменные источники. Это прежде всего возникновение городов и их влияние на процесс формирования русской государственности, а также сложение городской культуры, ремесла и торговли. Раскрытые и дендрохронологически точно датированные в Ладоге культурные напластования VIII – первой половины X в. по

своей сохранности и выразительности не имеют себе равных в других древнейших русских городах и на сей день являются уникальным археологическим явлением.

Интерес к ладожским древностям возник еще в незапамятные времена. В 1114 г. летописец, один из авторов «Повести временных лет», в котором для данных эпизодов усматривают великого князя Мстислава Владимировича, был в Ладоге на закладке крепости и записал рассказы посадника Павла и ладожан о том, как в северных странах из туч падают белки и олени, а в самой Ладоге волховская вода выполаскивает «глазкы стекляныи и малыи и великыи, повертаны»¹. Это своеобразное археологическое наблюдение о находках стеклянных бус из размываемого культурного слоя, пожалуй, старейший в европейской литературе пример такого рода.

Впервые раскопки в Старой Ладоге были проведены в 1708 г., раньше, чем в каком-либо другом историческом городе, евангелическим пастором Вильгельмом Толле. Сведения об этом с завидной быстротой были опубликованы в 1713 г. на немецком языке анонимным автором. Место раскопок, что в связи с неразработанностью методики также необычно, по некоторым указаниям удалось определить. Это окраинная северная

часть урочища Победище, прилегающего к селению Старая Ладога. Здесь были раскопаны курганы с трупосожжениями в урнах, относящиеся, видимо, к X–XI вв. В числе находок были арабские и ливонские монеты с отверстиями, то есть носившиеся в подвешенном виде как украшения, «готские языческие сосуды, жертвенные и погребальные орудия». Ладожские курганные древности составили коллекцию В. Толле, которая была одной из первых в истории Санкт-Петербурга¹.

Новый прилив интереса к ладожским древностям начался в XIX в. Вдохновленные почти живым видом старины, ученые и любители искали следы легендарных князей и варяжских дружин, подземные ходы и якобы спрятанные в них сокровища. Постепенно пришла более трезвая оценка мифов и сказаний. Особые заслуги в изучении ладожских древностей принадлежат историку и археологу Н.Е. Бранденбургу. В 1880-е гг. он раскопал ряд ладожских сопок, два разрушенных храма XII в., тщательно изучил руины Каменной крепости конца XV–XVI вв. и привлек к ее фиксации архитектора В.В. Суслова. В 1896 г. была опубликована капитальная монография Бранденбурга «Старая Ладога».

Это была одна из первых обобщающих книг по истории и культуре древнерусского города. Насыщенная огромным количеством фактов и снабженная множеством иллюстраций, эта работа не утратила своего значения и в наши дни. В 1886 г. Н.Е. Бранденбург намеревался приступить к раскопкам Земляного городища, чтобы отыскать следы варяжского городка времен Рюрика и «быть может драгоценные для русской археологии вещественные находки»¹. Предвидение не обмануло ученого, но

*Верхний ярус построек, вскрытых
Н.И. Репниковым в 1912 г.
Вид с юго-востока.*

.....
*The buildings in the upper tier
dug by N. Repnikov in 1912.
Viewed from the south-east*

→
*Н.И. Репников (справа)
на выставке археологических
находок в Мраморном дворце
в Петрограде.
Фотография 1920-х гг.*

.....
*N. Repnikov (right) at the exhibition
of archaeological finds
in the Marble Palace, Petrograd.
Photograph of the 1920s*

задуманное им дело осуществил другой исследователь-археолог – Н.И. Репников, который в 1909–1913 гг. приступил к раскопкам Земляного городища. Результат для своего времени был неожиданным. Оказалось, что земля скрывала последовательно расположенные наслоения с хорошо сохранившимися остатками деревянных построек и многочисленными и разнообразными предметами, принадлежавшими населению первоначальной Ладоги. Перед археологами предстала, казалось, навсегда исчезнувшая деревянная Русь. Работы на Земляном городище подтолкнули ученых к раскопкам в других древнерусских городах: Новгороде, Пскове, Белоозере – там, где в условиях повышенной влажности почвы веками сохранялись дерево, ткань, кожа.

Раскопки Земляного городища были возобновлены в 1938 г. экспедицией под руководством В.И. Равдоникаса. В течение одиннадцати полевых сезонов археологи смогли отыскать более 60 остатков деревянных сооружений. Были установлены этапы развития города и

по находкам определена деятельность ладожан – преимущественно ремесло и торговля. Археология оказалась в состоянии существенно дополнить свидетельства письменных источников – в реалиях представить жизнь древних людей. В.И. Равдоникас подробно определил последовательность культурных напластований и предложил их датировку.

Новый цикл исследований древней Ладоги начался в 1972 г. Староладожской археологической экспедицией Института Российской истории культуры Российской Академии наук под руководством автора этих строк.

Культурные напластования ладожского поселения в зоне Земляного городища сохранились настолько, что представляют возможность последовательно проследить в деталях «археологическую» жизнь ладожского поселения с середины VIII по начало XI в. Более поздние напластования сохранились хуже – они частью скрыты, частью повреждены земляными работами. Несмотря на это, при раскопках в южной части Земляного городища удалось в последние годы вычленить строительные горизонты XII–XVI вв. Ладожская земля – это своеобразная увлекательная «книга столетий», в которой зафиксированы строительство домов, дорог, хозяйственных построек, ремонты, изменения планировки, пожары, военные напасти. Какие бы, однако, превратности не случались в истории средневековой Ладоги, не было здесь лишь одного – перерыва городской жизни.

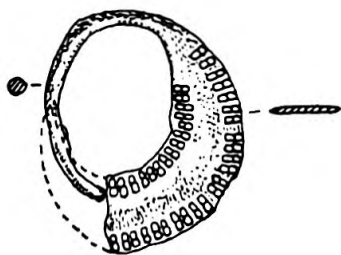
Отряды Староладожской экспедиции расширили и углубили прежние поиски. Нельзя не сказать о достигнутых результатах. Выше говорилось о том, что отряд под руководством Е.А. Рябина в предматериковом слое обнаружил остатки кузнечно-ювелирной мастерской с редчайшим для своего времени набором инструментов. В активе исследователя – открытие стеклодувной мастерской, частей большого дома, определение местного производства бус⁴. Усилиями Е.А. Рябина, а также Н.Б. Черных впервые по спилам дерева была установлена дендрохронология Ладожского поселения. Датированы последовательно существовавшие строительные горизонты, каждый из которых существовал от 20 до 40 лет. Предложенные В.И. Равдоникасом буквенные обозначения сохранившихся

*В.И. Равдоникас со школьниками
в Тихвине в Старой Ладоге.
Фотография 1958 г.*

.....
*V. Ravdonikas with schoolchildren
from the town of Tikhvin
in Staraya Ladoga.
Photograph of 1958*

*Бронзовое височное кольцо
луночного типа. Из раскопок
А.Н. Кирпичникова*

.....
*Crescent-shaped bronze temple ring.
Excavated by A. Kirpichnikov*

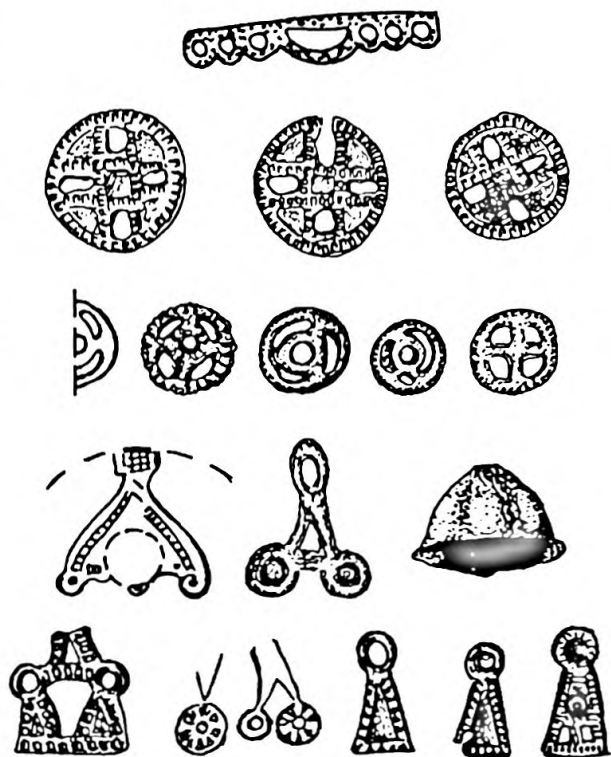
слоев Ладоги получили, наконец, точную цифровую нагрузку. Так, самый нижний слой Е-3 датирован 750–830 годами, выше лежащий Е-2 – 840 – первой половиной 860-х годов, следующий за ним Е-1 отнесен к 855–920-м годам, наконец, верхний Д – к 930-м годам – началу XI в. Исследователи продолжают искать здесь еще более древние деления.

Выяснена рекордная по своей давности для древнерусских городов дата создания поселения – 753 г., то есть примерно на сто лет раньше первого летописного упоминания Ладоги – 862 г. Вычисленные годы основания Ладоги примечательны в нескольких отношениях. Во-первых, они фиксируют факт становления в низовьях Волхова нового поселения, во-вторых, определяют начало, по крайней мере в этом месте Восточной Европы, международных торговых операций, и, в-третьих, уточняют время появления в невско-ладожском регионе поселенцев, среди которых были и славяне.

Не отрицая научно установленной даты основания Ладоги, обратим внимание на ряд факторов, которые могут эту дату еще более «удревнить». Пожалуй, редко встречаются поселения, в которых находки так настойчиво указывают на то, что оно могло существовать в более раннее время, чем это фиксируется по изученному

культурному слою, из которого они извлечены. Вряд ли эти находки во всех случаях пережиточны и отложились в культурном слое, спустя длительное время после их изготовления (примеры такого рода отрицать, впрочем, нельзя). Эти вещи, для своего времени явно архаические, встречаются в археологических напластованиях довольно часто, что указывает на наличие некоего источника. Ряд необычно древних изделий обнаружен во время раскопок, случались и отдельные находки. Суммировав сведения об этих предметах, мы способны уловить, так сказать, «предгородовую» раннюю стадию возникновения Ладожского поселения, археологически пока еще четко не выявленную. Сортировка «ранних» вещей показательна и в отношении направления связей, которые расходились из региона нижнего Поволжья в период «младенческой» Ладоги.

К изделиям последней трети I тыс. н.э., найденным при раскопках Земляного городища, относится ряд украшений, хотя и оказавшихся на севере Руси, но изначально зафиксированных в Подунавье, Поднестровье, Побужье, а также в Польше и Румынии. Часть из них свойственна культуре смоленско-полоцких и псковских длинных курганов. Речь идет о бронзовых лунничных височных кольцах, бляхах, трапециевидных подвесках¹. Популярными были свинцово-оловянные колпачковидные, колесовидные и колоколовидные подвески, круглые пластинчатые бляшки, очковидные бляшки с петелькой, крестовидные бляшки, подвески-колодочки, цепедержатели, прямоугольные накладки⁶. Все эти вещи в большинстве сопоставляются со славянским населением, постепенно расселявшимся в лесной зоне Восточной Европы. Отметим далее некоторые редкие вещи, свидетельствующие о географически разных местах своего происхождения. Такова, например, свинцово-оловянная круглая бляшка с рифленным орнаментом (подобные встречены в Среднем Поднепровье)⁷. Из Восточной Прибалтики происходит круглая прорезная

Трапециевидные, круглые, сложных очертаний свинцово-оловянные бляшки (по О.А. Щегловой).

Из раскопок В.И. Равдоникаса, Е.А. Рябицина

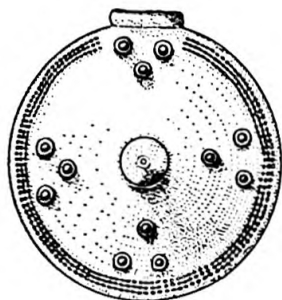
.....

Trapezoidal, round and irregular-shaped leaden-tin plaques

(drawing by O. Shcheglova).

Excavated by V. Ravdonikas,

Ye. Ryabinin

Бронзовые височные кольца.
Из раскопок В.И. Равдоникаса
и Е.А. Рябинина

.....
Bronze temple rings.
Excavated by V. Ravidonikas,
Ye. Ryabinin

→
Славянское бронзовое
височное кольцо.
Из раскопок А.Н. Кирпичникова

.....
Crescent-shaped Slavonic
bronze temple ring.
Excavated by A. Kirpichnikov

застежка с геометрическим орнаментом. Она найдена в предматериковом слое у Стрелочной башни во время раскопок Н.К. Стеценко в 1980 г., и по финляндским аналогиям относится к позднему периоду эпохи переселения народов (550/600–800 гг.)⁸. Отметим далее круглую овально-свинцовую бляху с тонкой серебряной накладкой. Сходные обнаружены в древностях аварского времени в Подунавье⁹. К скандинавским по происхождению изделиям вендельского времени относятся овально-выпуклую, с гладкой поверхностью, бронзовую застежку и бронзовое навершие пинцета (?) с изображением бородатого мужчины. Полагают, что это бог Один с вещими птицами. Эти находки из Ладоги более древние по сравнению с датами слоев, из которых они происходят. Застежка относится к VII–VIII вв., навершие – к 575–650 гг.¹⁰

Отдельный интерес представляют бронзовые височные кольца со спиралевидным завитком. В Старой Ладоге их обнаружено четыре, при этом два происходят из древнейших слоев этого поселения. Старейшие кольца рассматриваемой формы найдены в Побужье, Смоленском Поднепровье и на Псковщине, они относятся к VI–IX вв. На ладожский север эти украшения проникли вместе со славянами, переселившимися сюда в VII–VIII вв. из зоны между Балканами и Днепром¹¹. Эти украшения примечательны в том отношении, что позволяют твердо удостоверить славянский компонент в полиэтничной по происхождению культуре ранне-средневекового населения в низовьях р. Волхов и указывают на присутствие южных групп славян среди населения Нижнего Поволжья.

Сами за себя говорят находки древнейших в Ладоге дирхемов. Один, 699/700 г., чеканенный в Дамаске, обнаружен на Земляном городище в слое середины VIII в. Являясь самым ранним из обнаруженных на территории Восточной Европы, он свидетельствует о проникновении (не позже середины VIII в.) исламских монет на север Руси, очевидно, по Волжскому пути. Этот факт подкрепляет и второй очень редкий золотой динар, 738/39 гг., найденный в 1866 г.

при рытье могилы на территории крепости¹².

К перечисленным «архаическим» вещам¹³, происходящим из слоев Земляного городища и Каменной крепости, добавляются случайные находки, обнаруженные на территории Старой Ладоги. Такова формочка для отливки

мелких, треугольной формы подвесок. Ее можно датировать примерно VII в.¹⁴

На окраине Старой Ладоги, в урочище Сопки, найдена равноплечная бронзовая застежка-фибула, аналогии которой в Швеции и Финляндии в большинстве относятся ко второй половине VI–VII вв. (иногда несколько позже)¹⁵.

На берегу Волхова у Земляного городища крестьяне нашли бронзовую бляху с изображением птицы. В 1929 г. вещь была подарена В.И. Радони́касом финляндскому археологу А.М. Тальгрену, который, в свою очередь, передал ее в Национальный музей Финляндии. По своему облику «ладожский коршун» напоминает аналогичные изделия VI–VII вв., распространенные в Приуралье и Западной Сибири. По поверьям обских угров, пользовавшихся подобными бляхами, эта птица сопровождала душу умершего в загробный мир. Шаманское истолкование ладожской находки поэтому весьма вероятно¹⁶.

В 1999 г. в верхнем перемешанном слое Земляного городища во время раскопок была обнаружена поврежденная бронзовая пряжка, орнаментированная растительным узором. Аналогии этой вещи распространены на довольно внушительной территории, включая верхнюю Каму, среднюю Волгу, Прикубанье, Алтай, и всюду датируются преимущественно концом VII – VIII вв.¹⁷

Археолог С.Ю. Каинов сообщил мне, что в 1998 г. в Москве он видел у частного коллекционера клювовидную бронзовую фибулу. Владелец утверждал, что она происходит из Старой Ладоги. На предоставленном рисунке видно, что поверхность застежки желобчатая, а у края проделано отверстие. Фибулы описанной формы считаются юго-скандинавскими и, кроме Швеции, известны в Латвии. Шведские образцы относятся к вендельскому

←

Бронзовая бляха с изображением птицы

.....
Bronze plaque with depiction of a bird

Дугообразная бронзовая фибула

.....
Bow-shaped bronze fibula

Фрагмент бронзовой пряжки.

Раскопки А.Н. Кирпичникова

.....
Fragment of a bronze belt-buckle.
Excavated by A. Kirpichnikov

Бронзовая клювовидная фибула

Beak-shaped bronze fibula

Бронзовая фибула.

Раскопки Н.К. Стеценко

Bronze fibula.

Excavated by N. Stetsenko

времени (середина VI – VII вв.) но, возможно, были в употреблении и позже (в VII – начале IX вв.)¹⁸. Если данная вещь действительно найдена в Старой Ладоге, то это первая находка такого рода на территории Древней Руси.

Перечисленные вещи могли происходить из древнейших слоев Ладоги или входить в состав еще более ранних комплексов. Некоторые из последних зафиксированы в самой Ладоге и ее округе.

В 1884 г. Н.Е. Брандербург обнаружил в одной из сопок (№ 140) урочища Победище мужское погребение с конем по обряду трупосожжения. При его разборке найдено девятнадцать разнообразных нашивных бляшек, составлявших пояс так называемого «неволинского типа». Подобные поясные накладки известны по раскопкам на довольно обширной территории от Западной Сибири до Финляндии и Швеции; особенно часто они встречаются при раскопках в бассейне Оки, Прикамье, Верхнем Поволжье. Эти находки всюду датируются VIII в., а некоторые из них – второй половиной VII в.¹⁹ По мнению Д.А. Мачинского, рассматриваемый комплекс может относиться ко второй половине VII – первой трети VIII в., что имеет значение для определения времени возникновения в Поволжье этих погребальных сооружений²⁰. «Можно предположить, – писал финляндский ученый К. Мейнандер, – что данная принадлежность одежды обладала магическими свойствами: она либо оберегала того, кто ее носил, либо наносила вред его врагам, или же, возможно, либо вызывала бурю, либо умирляла ее»²¹. Был ли погребенный в сопке всадник выходцем с востока, или его пояс был местным приобретением, сказать трудно.

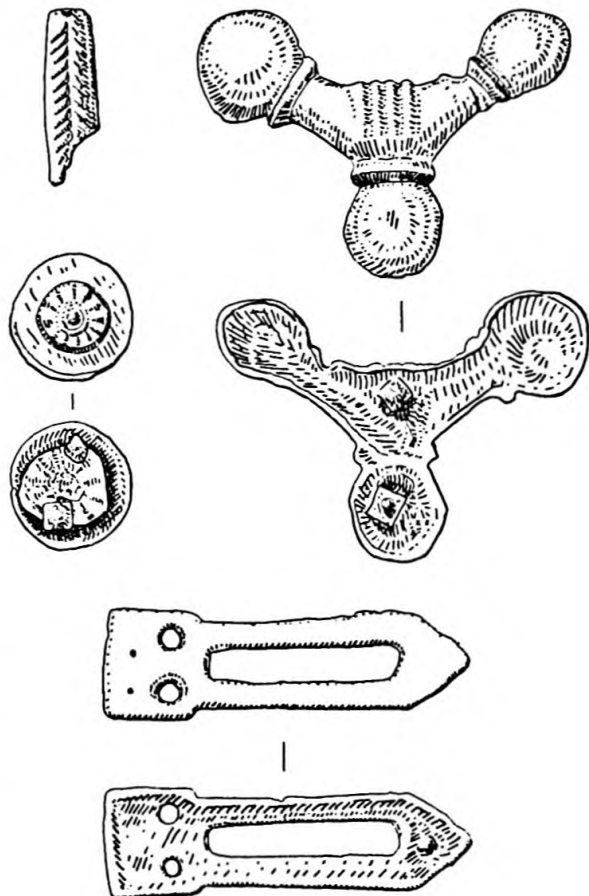
В 1948 г. С.Н. Орлов при раскопках одной из сопок у д. Черनावино, что на правом берегу Волхова, напротив Старой Ладоги, обнаружил захоронение коня с уздечным набором, включавшим нашивные металлические бляшки и металлическое кнутовище. Комплекс датирован IX в. Необычным в его составе оказались удила с изогнутыми псалями, увенчанные мордами животных. Удила описанной формы были сопоставлены с некоторыми сходными образцами VII–IX вв.²²

Новая информация может изменить принятую дату чернавинских удил. В Государственном Историческом музее в Москве оказались аналогичные чернавинским удила, купленные в Керчи и сделанные, как полагают,

до начала VI в. в боспорских мастерских²³. Не исключаем, что приведенный факт может передвинуть датировку чернавинского вещевого комплекса (стало быть, и самой сопки) с IX в. на несколько более раннее время.

В 1820 г. археолог З. Доленго-Ходаковский предпринял, как упоминалось выше, раскопки одной из самых больших в Поволхове сопку (первоначальная высота не менее 15 м), прозванной «могилой Олега» (или «полой сопкой»). В ее основании был обнаружен железный дротик длиной около 34 см²⁴. Подобные наконечники — наследники римского пилума и франкского ангона — для боевой цели использовались в VII–VIII вв., а позднее (включая и Русь) вышли из употребления, трансформировавшись в охотничьи-промысловые гарпуны²⁵. Таким образом, найденный наконечник, по функции явно боевое копьё, оказался единственным датирующим предметом огромного, и остающегося по-прежнему загадочным могильного холма.

Перечень необычных по своей древности для Ладоги вещей можно продолжать, но сказанного достаточно, чтобы предположить существование здесь населения в период, непосредственно предшествующий установленному ныне. На территории Старой

Металлические детали пояса из сопки № 140 на урочище Победище. Раскопки Н.Е. Бранденбурга

.....
Metal fragments of a belt from a burial mound 140 in the Pobedishche Urochishche (Tract). Excavated by N. Brandenburg

Бронзовые псалыи уди, увенчанные мордами животных. Чернавино. Раскопки С.Н. Орлова

.....
Bronze finials on the bit, crowned with animal's muzzles. Chernavino. Excavated by S. Orlov

*Большая постройка.
Раскопки В.П. Петренко у
Варяжской улицы в 1975 г.*

*Large building excavated
by V. Petrenko in 1975 near
Variazhskaya (Varagian) Street*

Ладоги можно ожидать открытие собственно поселенческих «пятен жизни» VII – первой половины VIII вв. И погребальные древности, и находки на поселениях, окружающих Ладогу, таких, как Любша и Новые Дубовики²⁶, подтверждают, что в этих местах «протоградская» заселенность состоялась еще до 753 года, и была, очевидно, связана с самой ранней волной славянской колонизации северо-запада России, дополненной внедрением элементов культур Запада и Востока.

Здесь вернемся к участникам Староладожской экспедиции. Добрую память оставил В.П. Петренко (1943–1991 гг.)²⁷, который впервые провел значительные раскопки вне Земляного городища на левом берегу Ладожки, близ Варяжской улицы²⁸. Толща культурного слоя, составлявшая здесь немного более трех метров, подразделялась на одиннадцать строительных горизонтов, датированных 840–90 гг. Зафиксировано свыше шестидесяти построек разного рода, включая отдельные избы, трехчастные дома, хозяйственные сооружения²⁹.

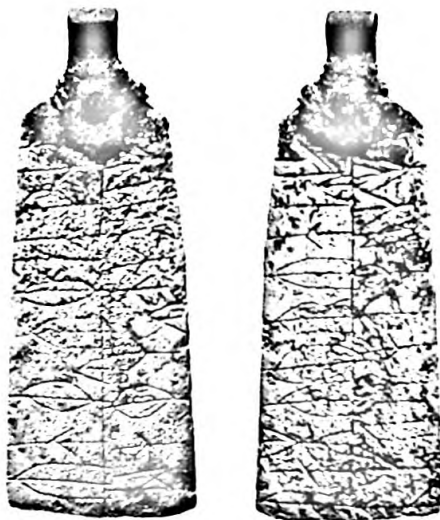
Особый интерес представляла большая постройка с двойным ограждением размером 11 x 11 м, общей площадью 120 кв. м. Строение функционировало в 960–980 гг. Возможно, это было святилище или место собраний и пиршеств – контина (известная западно-славянскому миру), помещение для сбора дружины или веча, наконец, огражденный участок для проведения поединков.

Характерны находки, происходившие из данной постройки: деревянная посуда, антропоморфные и зооморфные резные скульптурные изображения, черепа животных; с внешней стороны у одной из стен найдена железная гривна-амулет с молоточками Тора³⁰. Особо выделяется медная подвеска-амулет с двусторонней, явно магической надписью. Надпись читается с большими пробелами и, по одной из версий, представляет собой заклинание от злых сил³¹. С этой подвеской сопоставим деревянный стержень с рунической надписью, найденный в 1950 г. при раскопках Земляного

городища в слое, датируемом 840–860 гг. Надпись читают по-разному. В переводах она звучит так: «Сверкающий лунный альф (сверкающее чудовище), будь под землей» или «Наверху (щита виден) облаченный в свое оперение (орла), покрытый инеем господин; сияющий лунный волк; пядей плуга широкий путь» или «Хвост (стрелы) одет в оперенье, блестящий наконечник притягивает добычу в большом числе» или «Шатры Вальфрида/объяты колдовством / От копий Нифлунгов / урожае трупов будет ужасен» или «Умер (попал после своей смерти) в выси одетый в /могильный/ камень владетель трупов (воин), сияющий губитель мужей, в могучей дороге плуга (в земле)».

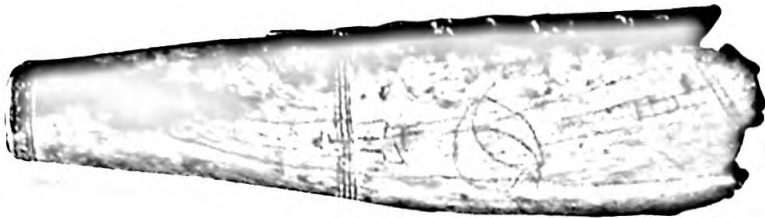
Дешифровка надписи не окончена, но как бы ее ни толковать, она явно имеет закликательный смысл. Ясно и другое: образцы рунического письма попали в Ладогу не в результате торговли, а вместе с их владельцами-скандинавами, постоянно проживавшими или временно останавливавшимися здесь. Замечено, что надпись на деревянном стержне связана с датской рунической традицией, что напоминает о временах Рюрика и его возможном датском «адресе».

Во время раскопок на Варяжской улице В.П. Петренко в слоях IX–X вв. обнаружил немало вещей-шедевров художественного творчества из кости, бронзы, дерева. Исследователь, к сожалению, только отчасти успел обработать эту коллекцию³². Некоторые из находок по материалам архива и фотоархива ИИМК РАН оказались возможным воспроизвести в данной книге. Все они – богатство ладожской археологии. Отметим костяные гребни, копоушки, булавки, подвески-уточки, бронзовую булавку со скандинавским узором, наконечник ножен меча с изображением птицы, деревянные рукояти ковша и чаши, человеческие фигуры (часто

*Деревянный стержень
и бронзовая подвеска с рунами.
Соответственно: примерно
середина IX в.
и вторая половина X в.
Раскопки В.И. Равдоникаса
и В.П. Петренко
.....*

*Runic inscriptions on a wooden rod
and a bronze pendant.
C. mid-9th and second half of the
10th centuries, accordingly.
Excavated by V. Ravdonikas
and V. Petrenko*

«Свирель» (?). Кость. IX–X вв.
Из раскопок В.П. Петренко

Bone "piper" (?). 9th–10th centuries.
Excavated by V. Petrenko

культового характера), железное кресало в бронзовой оправе. Среди этих вещей угадываются славянские, финские, скандинавские – своеобразная демонстрация международного мастерства.

Среди находок второй половины IX–X в., добытых В.П. Петренко, обращает на себя внимание костяная, частью обломанная «свирель». Она орнаментирована поперечными поясками, позднее были добавлены разные начертания геометрического характера. Видны крест, молоток Тора, два питьевых рога, восьмерковидное плетение. Судя по рисункам, владельцем вещи был человек, знакомый и со скандинавским, и со славянским искусством того периода, когда происходило их сближение, и начали преобладать восточные растительные мотивы. Аналогии данной вещи пока неизвестны.

Старую Ладогу до сих пор, как и встарь, окружают могильные насыпи-сопки. В ее окрестностях насчитывалось около тридцати подобных погребальных холмов, а всего в Нижнем Поволжье, включая Ладогу, их было около семидесяти. В древности их количество, очевидно, превышало сто. Они не сгруппированы в одном месте, а высятся по обоим берегам Волхова, по трассе длиной не менее 20 км. Культуру сопки связывают с расселением в третьей четверти I тыс. н. э. в лесной зоне Восточной Европы славянской племенной общности³³. При всем том, эти сооружения во многом еще загадочны.

Сопки поражают своей величиной. Их сооружение требовало больших коллективных усилий. Замечено, что некоторые по размеру превосходят соседние, поэтому не удивительно, что на вершине горообразной сопки то ли в урочище Победище, то ли у с. Михаил Архангел (что неподалеку от Старой Ладоги), Екатерина II, во время путешествия по Волхову, «изволила иметь обеденный стол»³⁴, а еще раньше, в 1747 г., очевидно, с самой большой сопки на том же Победище «долго любовались окрест августейшие особы императрица Елизавета Петровна с наследником престола великим князем Петром Федоровичем и с супругою его, великой княгиней Екатериной Алексеевной»³⁵.

Сопки обычно насыпались в несколько приемов. После каждой подсыпки подготовленные для ритуала площадки служили местом погребения, как правило, по

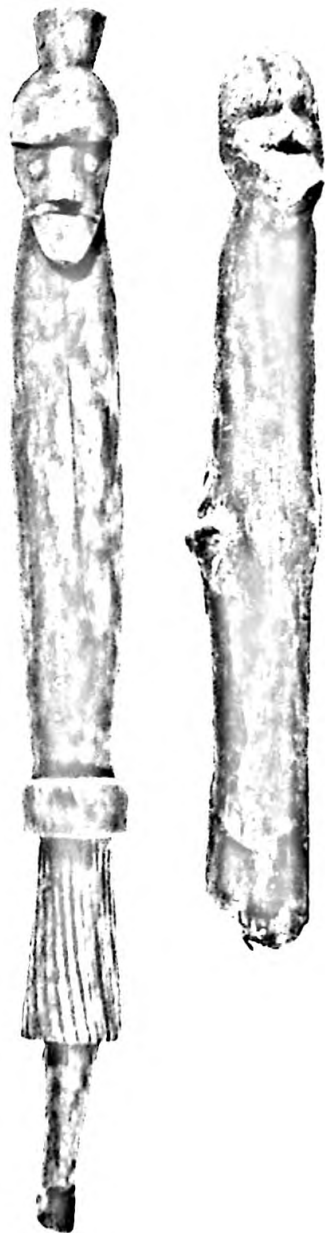
обряду трупосожжения. Основания насыпей часто укрепляли венцом из камней, каменные выкладки встречались и внутри этих насыпей. В сопках имели место впускные захоронения, а в позднюю пору их существования у их подножья устраивали грунтовые могилы. Традиция рассматривать сопки как своеобразные кладбищенские места, видимо, была устойчивой.

«Сооружение сопок, — как пишет Е.Н. Носов, — свидетельствует о замечательном экономическом потенциале местного общества, наличии власти, способной координировать деятельность в непроизводственной сфере жизни коллективов, и, наконец, о появлении новых социальных слоев, для которых возведение сопок стало важным элементом утверждения своего престижа и могущества»¹⁶.

В 1970–1979 гг. В.П. Петренко изучил двенадцать частью раскапывавшихся ранее сопок. Исследователь написал книгу «Погребальный обряд населения Древней Руси VIII–X вв. Сопки верхнего Поволжья», опубликованную в 1994 г. В этом труде материал оценен в контексте сложных процессов сложения культуры древнерусской народности и ее соседей. Сопки датированы VIII–X вв. Рассмотрена их конструкция, проанализированы немногие находки. Архитектура этих сооружений испытала влияние заупокойных обрядов славян, финнов, скандинавов.

Результаты исследования В.П. Петренко позволили археологам высказать предположение о том, что именно в районе Ладоги на рубеже VII и VIII вв. появились первые на севере страны крутобокие насыпи¹⁷ — особого рода погребальные сооружения местного населения, в данном случае, горожан Ладоги.

Представительный, импозантный вид сопок контрастирует с их бедным содержанием. Вещей в них находят мало, они, зачастую, маловыразительны, а остатки самого погребенного — горстка пережженных костей. Можно представить, что речь идет о захоронениях социально уравненных людей. Отсюда скромные заупокойные дары при их останках. «Статус» умерших, их земные устремления выражались величиной сопок. Иерархия их размеров может быть отражает некую имущественную, семейную, родовую, а, может быть, и профессиональную стратификацию оставившего их общества.

Антропоморфные
изображения. IX–X вв.
Из раскопок В.И. Равдоникаса
и В.П. Петренко
.....

*Antropomorphic depictions.
9th–10th centuries.
Excavated by V. Ravdonikas
and V. Petrenko*

*Раскопки сопки на урочище
Победище, проводимые
В.П. Петренко в 1973 г.
.....*

*Excavations of a burial mound in the
Pobedishche Urochishche (Tract)
conducted by V. Petrenko in 1973*

В своей книге о сопках Поволжья В.П. Петренко справедливо заметил, что «самого пристального внимания заслуживает факт, что среди волховских сопок подавляющее большинство занимают высокие террасы»³⁸.

На это обстоятельство обратил внимание еще один из первых исследователей Старой Ладоги, З. Доленго-Ходаковский. Он писал: сопки «неотступно придерживаются воды по берегам и всем изгибам рек и речек; в полях их не видно вовсе, и даже мне не случилось заметить, чтобы одна сопка стояла позади другой в поле. Кажется, что причиною тому был догмат, считавший воду нужною для усопших». Кроме того, «в старину было здесь самое удобное водным путем, и потому частое сообщение»³⁹.

Заметим, что некоторые сопки в зоне их распространения насыпались и поодаль рек, но в отношении Старой Ладоги слова Ходаковского верны. Приуроченность сопек к основной водной дороге региона — реке Волхов, действительно, не случайна. По верованиям язычников, река представлялась дорогой в загробный мир, вид прибрежных усыпальниц-памятников напоми-

→

*Навершие со знаком, из сопки.
IX–X вв. Близ урочища Плакун.
Раскопки Е.Н. Носова
.....*

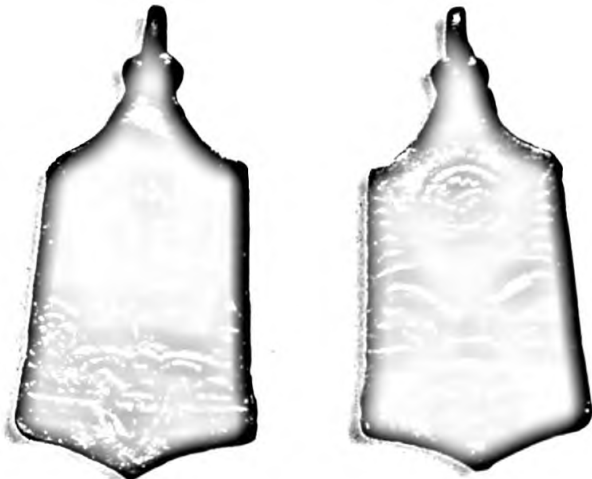
*Top-piece with a symbol from
a burial mound. 9th–10th centuries.
Near the Plakun Urochshche (Tract).
Excavated by Ye. Nosov*

нал о предках, их свершениях, земной и потусторонней жизни.

Величественные могильные холмы, расположенные по берегам реки, в зрительной связи смотрящего на них с корабля, служили торжественным сакральным оформлением главной подъездной дороги к Ладоге. Эта дорога была открыта от-
важным корабельным товариществам, в составе которых были богатые и бедные, но, как гласят законы викингов, «все в пределах этого (от 18 до 50) возраста должны считаться равными» и «все, что они приобретут во время экспедиции, следует складывать у стяга, независимо от стоимости добычи»⁴⁰. Такой порядок был характерен, очевидно, для воинов, купцов, гребцов, спаянных клятвой взаимной верности и побратимства.

Как сообщает арабский путешественник X в. Ибн-Фадлан, вершины сопок увенчивали столбы с именами усопших. О существовании деревянных предметов со знаками, употреблявшихся при заупокойных обрядах, свидетельствует и обломок рукояти от носилок или весла, найденный руководителем одного из отрядов Староладожской экспедиции Е.Н. Носовым в 1973 г. при раскопках сопки вблизи урочища Плакун. На этом предмете вырезаны три пересекающихся треугольника⁴¹. Возможно, что такого рода владельческими, домовыми или родовыми знаками метили намогильные столбы-бдыны, возвышавшиеся на вершинах сопок и курганов. Языческая обрядность использовала «черты и резы», кириллические намогильные надписи появились позже, в христианскую эпоху.

Более выразительны находки в сопках, относящиеся к концу их существования – исходу X в. Правда, несколько меняется заупокойный ритуал, погребения располагают по кругу могильных холмов, или на их вершинах или склонах. В 1970 г. В.П. Петренко в одной из сопек, находящейся в южной части урочища Победище, обнаружил трупосожжение с четырьмя бусами, семью гирьками и бронзовой подвеской, украшенной знаками Рюриковичей⁴². На одной стороне пластины представлен трезубец – знак князя Владимира Святославича (годы правления 980–1015), на другой – выполненный

Подвеска со знаками Рюриковичей.

Конец X – первая треть XI в.

Раскопки В.П. Петренко в 1970 г.

Лицевая и оборотная стороны

.....

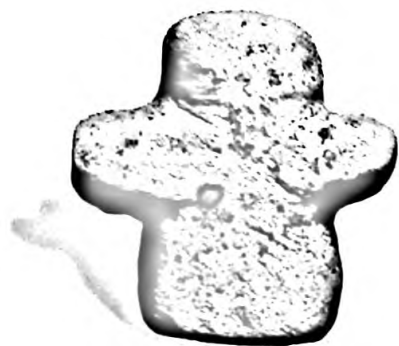
Pendant with Ruriks' emblems.

Late 10th– early 11th centuries.

Excavated by V. Petrenko in 1970.

The right and the back sides

*Крест поставной.
Вторая половина X в.*

.....

*Cross. Second half of
the 10th century*

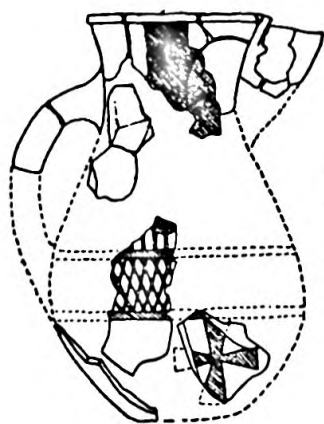
более декоративно знак князя Ярослава Мудрого (годы правления 1019–1054). По остроумной догадке С.В. Белецкого сочетание на подвеске знаков двух князей могло появиться в период новгородского княжения Ярослава Мудрого до его ссоры с отцом, то есть около 1010–1015 гг.⁴³ Полагают, что подобные клейменные подвески-печати были своеобразными верительными знаками, удостоверявшими законность и полномочность действий того или иного человека, право вести свободную торговлю, наследственные или имущественные дела, выполнять на месте задания властителя. В описанном случае речь, возможно, идет о погребении купца, обладавшего правом вольной торговли (некомплектный набор бус в этом трупосожжении, вероятно, женское заупокойное приношение). Владелец печати мог подтвердить свой статус, демонстрируя знаки владетельных отца и сына. Его похороны были, вероятно, произведены по языческому обряду уже после принятия крещения на Руси в 988 г. Длительное переживание языческих обычаев вообще характерно для истории русского народа. Имело место оно и среди горожан Ладоги.

Словно в противоположность запаздывающему погребальному язычеству в 1995 г. на Земляном городище в слое второй половины X в. был обнаружен небольшой, почти равноконечный крестик, сделанный из песчаника. Он изготовлен так, что мог стоять, то есть был поставным. В то же время, в месте схождения ветвей креста заметна потертость от шнура – свидетельство ношения. Примечательна датировка креста, которая выдвигает его в число древнейших изделий своего рода, найденных на территории древней Руси. Похожие по форме кресты

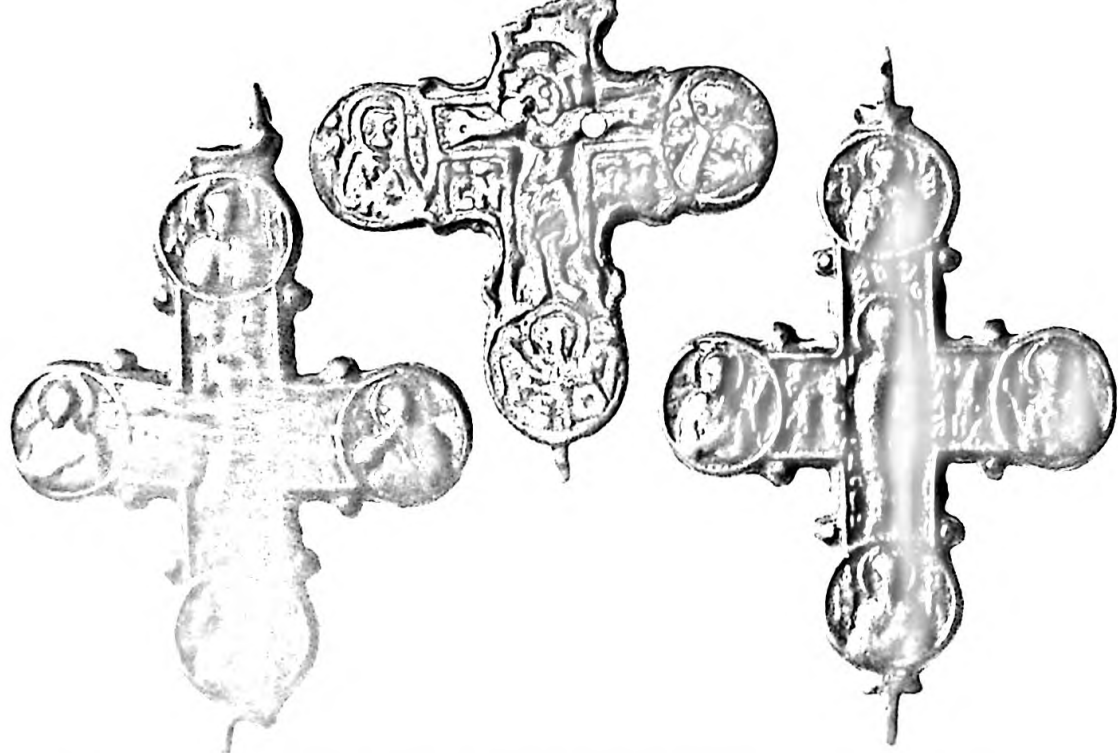
Фризские кувшины

.....

Frisian ewers

обнаружены в богатых женских погребениях первой половины или середины X в. шведского города Бирки. Эти захоронения совершались по языческим обрядам, но содержали кресты, то есть христианскую принадлежность⁴⁴. Возможно, женщины из Бирки были христианками или, скорее всего, исповедовали двоеверие в виде старой языческой и новой христианской религии. В период смены веры такая двойственность мировоззрения была обычным явлением. Что же касается ладожского крестика, то, судя по тому, что его носили

при себе и могли ставить рядом, культовое назначение вещи весьма правдоподобно. Не свидетельствует ли эта находка о раннем проникновении христианства в Ладогу в период, когда новая религия только устанавливалась как на Руси, так и в странах Скандинавии?

Подтвердить эту мысль могут два крестика, найденные экспедицией В.П. Петренко при раскопках Варяжской улицы в слоях X в.⁴⁵ Следует также отметить обнаружение в одном из курганов (№ 7) урочища Плакун черно-лощеного глиняного фризского (Фризия находилась на территории нынешней Голландии) кувшина с накладками из оловянной фольги⁴⁶. Эти сосуды, судя по изображению мальтийского креста, считают литургическими. Судя по находкам, они были широко распространены; это связывают с деятельностью в странах региона Балтийского моря христианских миссионеров. Использовался ли первоначально по своему ритуальному назначению фризский кувшин, оказавшийся в языческом кургане Ладоги, уточнить, конечно, трудно.

Как уже упоминалось, в Ладоге сконцентрированы выдающиеся памятники архитектуры. О создании и истории некоторых из них мало что известно. Именно с

Кресты-энколпионы.

XII–XIII вв.

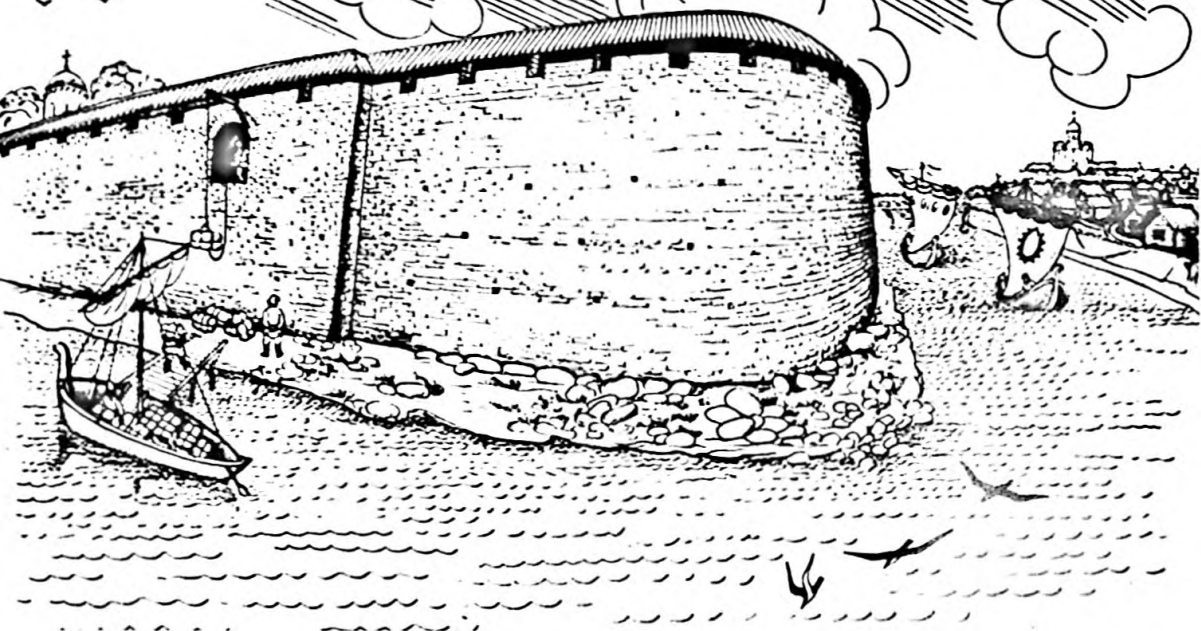
Из раскопок В.П. Петренко

.....

Encolpion crosses.

12th–13th centuries.

Excavated by V. Petrenko

*Крепость. 1113–1114 гг.
Реконструкция Е.Г. Араповой и
А.Н. Кирпичникова*
.....

*Fortress. 1113–14.
Reconstructed by Ye. Arapova
and A. Kirpichnikov*

изучения этих последних и начала свою работу воссозданная в 1972 г. Староладожская археологическая экспедиция. Наши надежды неожиданно быстро оправдались.

В конце XV – начале XVI вв. неизвестные зодчие, не исключено, что это были итальянцы или греки, построили на месте прежних укреплений новые, приспособленные к огнестрельному бою. В 80-х гг. XVI в. твердыня была модернизирована, прежнюю кладку стен частью не разрушали, а встроили новую. Так на мысу, образованном реками Ладожкой и Волховом, появилась, как упоминалось выше, твердыня с пятью мощными каменными башнями. К XVIII в. крепость постепенно потеряла военное назначение и стала разрушаться. В XIX в. этот процесс стал катастрофическим – исчезли части стен и башен, местами они полностью развалились.

В 1960-е гг. реставраторы приступили к восстановлению крепости, а, точнее, того, что от нее осталось – огромной, заросшей травой руины. Работа опиралась на архивные и графические источники. Стены были практически полностью заново облицованы, их нижние части восстановлены вполне достоверно. Весь восточный фронт крепости особенно пострадал от времени, местами он был разрушен почти до основания. С учетом всех этих обстоятельств, полное восстановление памят-

ника вряд ли представляется целесообразным. Оставшиеся нереставрированными части кладки стен и башен могут быть законсервированы. Иное дело – графическая реконструкция. Экспедиция, сопоставив разноречивые данные примерно двадцати описей ладожской крепости, составленных в XVII в., выдвинула свой вариант устройства стен и башен Ладожской цитадели, включая ее увенчание. Надеемся, что эта работа поможет в дальнейшем более точному восстановлению и консервации некоторых частей сооружения, требующих срочной защиты и сбережения.

При виде существующих крепостных стен не раз вспоминалось известие из летописи 1113 или 1114 г. о том, что князь Мстислав Великий – последний властитель единой Руси – заложил в Ладоге крепость «камением на приспе», то есть насыпи. Известие подтвердилось. При обследовании существующей фортификации удалось заметить в груде камней какие-то особые включения в виде плитняных стенок. В 1972 г. была произведена прорезка вала, с юга ограждающего крепость, и неожиданно на его гребне была обнаружена стена, относящаяся, как удалось выяснить, к началу XII в. и действительно находящаяся «на приспе» в виде земляного вала. Эта стена сохранилась в своей нижней части, а в одном месте, у берега Волхова, ее удалось зафиксировать почти на полную высоту – 8,5 м. Это явилось сюрпризом. Обнаруженная в Ладоге стена

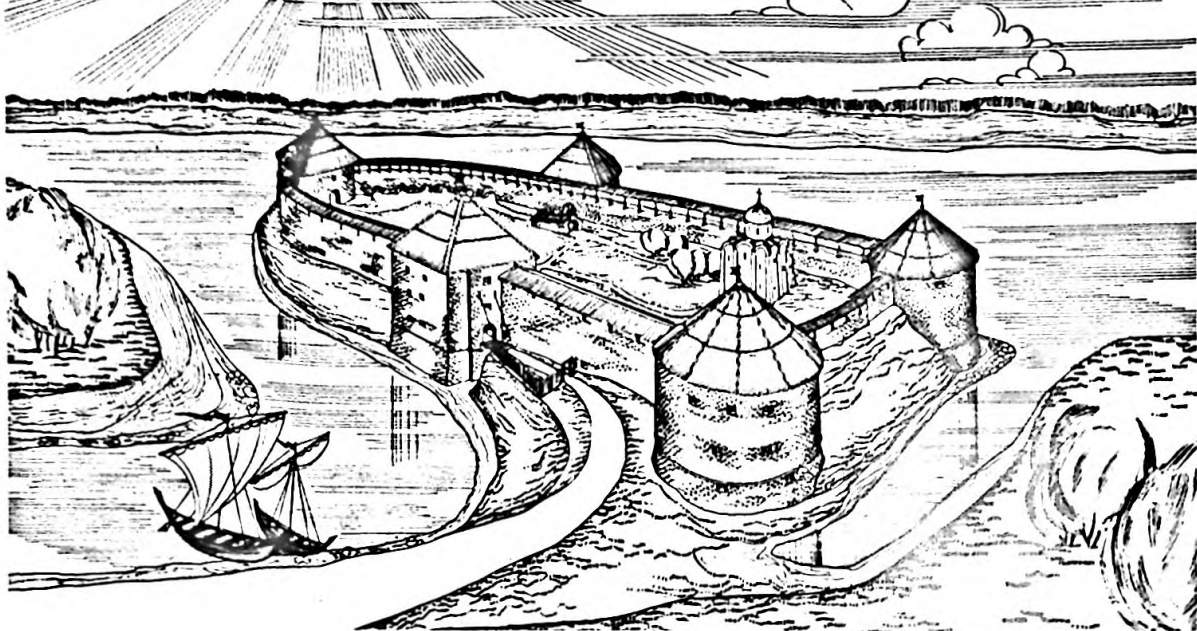
Руководители отрядов Староладожской археологической экспедиции. Слева-направо: Е.А. Рябинин, Е.Н. Носов, А.Н. Кирпичников, В.П. Петренко. Фотография 1973 г.

.....
Leaders of the 1973 Expedition. From the left to the right: Ye. Ryabinin, Ye. Nosov, A. Kirpichnikov, V. Petrenko. Photograph of 1973

Руководители Староладожской археологической экспедиции. Слева-направо: Е.А. Рябинин, О.И. Богуславский, А.Н. Кирпичников, В.А. Назаренко. Фотография 1999 г.

.....
Leaders of the 1999 Staraya Ladoga Archaeological Expedition. From the left to the right: Ye. Ryabinin, O. Boguslavsky, A. Kirpichnikov, V. Nazarenko. Photograph of 1999

*Ладожская крепость
конца XV – XVI в.
Реконструкция Е.Г. Араповой
и А.Н. Кирпичникова
.....*

*Ladoga Fortress in the late
15th–16th centuries.
Reconstructed by Ye. Arapova
and A. Kirpichnikov*

начала XII в. была построена таким образом, что обеспечивала круговую оборону укрепления. Ее открытие впервые позволило судить о высоте и устройстве сотен исчезнувших древнерусских деревянных укреплений⁴⁷.

Ради экономии сил и средств фортификаторы артиллерийского периода не разрушили предшествовавшую постройку, а как бы вмуровали ее в новую. В одном месте обнажившейся стены начала XII в. обнаружили сквозную арку, открытую в сторону Волхова и находившуюся на высоте не менее 6 м над его уровнем. Через арку, по-видимому, поднимали грузы и воду внутрь крепости (колодцев в крепости не было). Ничего подобного среди военных построек Руси еще не встречалось.

Во время поиска кладок начала XII в. на трехметровой глубине неожиданно обвалилась стенка раскопа и открылась кладка из плитняка на глине. В дальнейшем это сооружение, включавшее башню, удалось проследить почти по всему периметру мыса. Это укрепление было преднамеренно разрушено – стена была повалена на землю, целыми блоками лежали опрокинутые плиты. Выяснилось, что новообнаруженная каменная преграда была построена еще в конце IX в. и по своей рекордной давности была едва ли не первой известной нам Каменной крепостью на Руси.

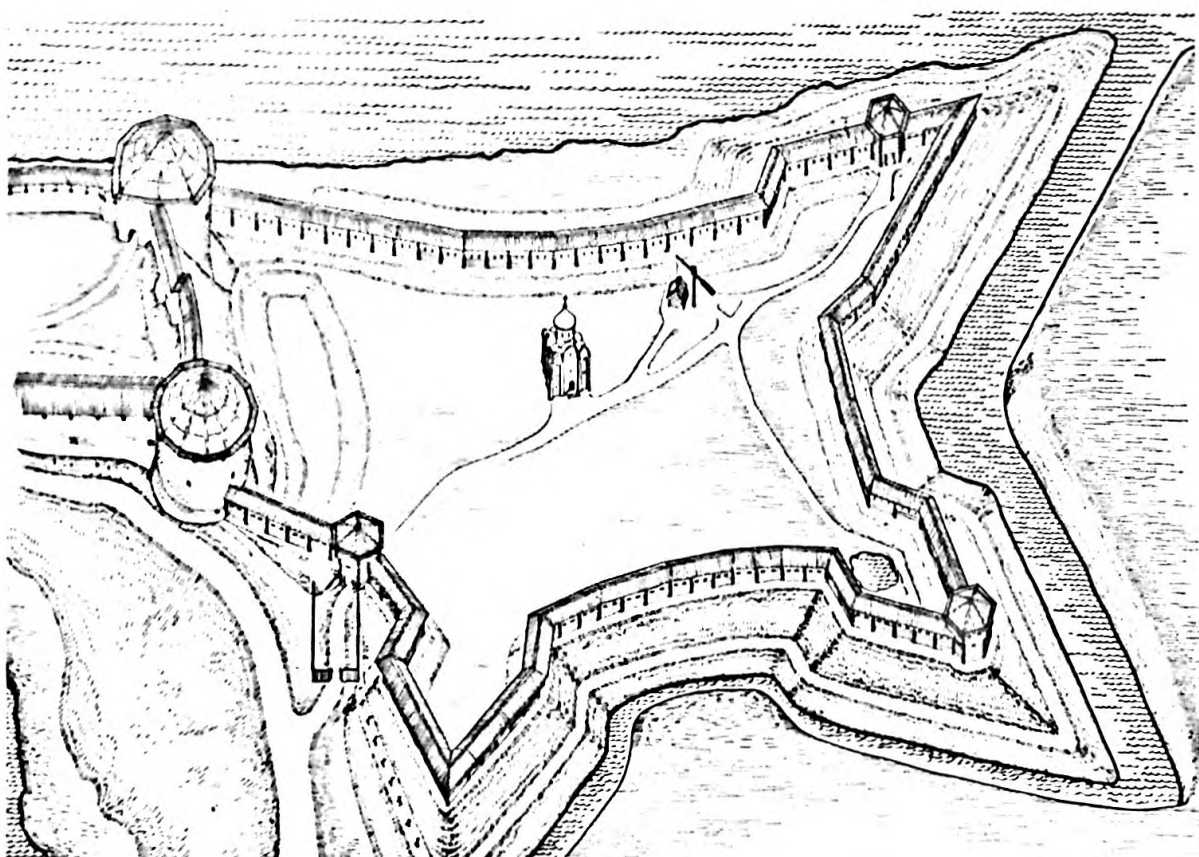
Итак, на месте одной Каменной крепости были найдены еще две ее предшественницы. Однако, на этом

→
*Земляной город 80-х годов XVI в.
Реконструкция Е.Г. Араповой
и А.Н. Кирпичникова
.....*

*Earthen Gorodishche (Town)
of the 1580s.
Reconstructed by Ye. Arapova
and A. Kirpichnikov*

поиск не окончился. Сюда к Каменной крепости, как упоминалось, примыкает так называемое Земляное городище с расплывшимися полураскопанными бастионами и куртинами. Удалось найти известие о строительстве между 1584 и 1586 гг. на месте ладожского посада земляной крепости. На первый взгляд, соседство Каменной и Земляной крепостей выглядит странным. Однако, в действительности здесь нет противоречия. В XVI в. артиллерия достигла такой силы, что ядра пробивали самые мощные каменные преграды, в земляных же они вязли, причиняя им лишь ограниченный ущерб. Инженеры обратились к земляным насыпям, как к более эффективным в защите от противника. На Руси такие новации, представлявшие собой земляные основания, увенчанные башнями и срубами, пустотелыми или наполненными грунтом, появились еще в конце XV в., а в XVI в. их стали создавать все чаще. Ладожская земляная крепость оказалась в этом ряду одной из ранних и редких. Выяснение подробностей ее строительства позволило установить, что такие сооружения в России появились задолго до эпохи Петра I. Считалось, что только при Петре I начали строить бастионные фортификации. В действительности, в Московском государстве это новшество появилось раньше, чем в ряде других европейских стран.

Начиная с 1984 г., Староладожская археологическая экспедиция продолжила раскопки Земляного городища, избрав для этого его северо-западную, а ныне – южную часть. Было вскрыто не менее девяти строительных горизонтов культурного

*Руководители подразделений и
начальник Староладожской
экспедиции. Слева-направо:*

*И.В. Стасевич,
А.И. Волковицкий,
А.Н. Кирпичников,
В.И. Кильдюшевский,
Н.П. Келарь, О.И. Богуславский.
Фотография 2002 года*

.....

*Leaders and the head of the 2002
Staraya Ladoga Archaeological
Expedition. From the left to the right:*

*I. Stasevich, A. Volkovitsky,
A. Kirpichnikov, V. Kildyushevsky,
N. Kelar, O. Boguslavsky.
Photograph of 2002*

→

*Раскопки на Земляном
городище в 2002 г.*

.....

*Excavations of the Earthen
Gorodishche (Town) in 2002*

слоя, выявлены остатки деревянных жилищ и части хозяйственных построек. При этом обнаружены многие сотни индивидуальных находок и десятки тысяч обломков глиняной посуды. Привлекло внимание, что практически в каждой из раскопанных построек были найдены ремесленные инструменты, полуфабрикаты и готовые ювелирные изделия. Это позволило сделать вывод о том, что ювелирное производство, а именно – выделка застёжек, бус, изделий из кости и камня, составляло одно из основных, если не главных, занятий горожан⁴⁸.

Экспедиция определила пространство, занятое культурным слоем ранне-средневековой поры. Представилась также возможность наметить размеры Ладоги, которых она достигла не только в VIII–X вв. но и позднее – в XVI в.

С помощью писцовых книг и других источников XVI в. впервые удалось определить территорию Ладоги, ее заселенность и районирование, а также уточнить расположение монументальных сооружений⁴⁹. Получены как бы два среза ее жизни. Около 1500 г. в городе отмечены семь монастырей и четыре церкви. Они располагались в пяти районах или концах, названных по наименованию близлежащих церквей. В Ладоге тогда насчитывалось сто шестнадцать дворов, в которых проживало сто шестьдесят восемь владельцев, с учетом не «указанных в описи женщин, детей и стариков, число жителей могло составлять не меньше шестисот-восемисот человек. Есть основания думать, что зафиксированное около 1500 г. районирование города восходит к середине XII в., когда в нем были построены почти все каменные церкви. Тогда была осуществлена полная перепланировка Ладоги. Об этом можно судить по тому, что некоторые церкви закладывали прямо на культурном слое предшествующей поры. Следовательно, до закладки монументальных сооружений здесь, вероятно, располагалась обычная деревянная застройка посада.

Годы расцвета средневековой Ладоги зафиксировала опись 1568 г. В ней отмечены три района. В ста двадцати шести дворах проживало сто семьдесят шесть

владельцев, а общее количество жителей могло превышать тысячу. Все упомянутые в писцовой книге 1568 г. дворы обмерены; сложив площади домов и огородов и прибавив к этому примерную площадь улиц, переулков, кладбищ и общественных зданий (например, гостиного двора), получаем площадь города, равную не менее 16–18 га. При этом семьдесят процентов всей площади занимали огороды.⁵⁰

Однако деревенский характер Ладоги не стоит преувеличивать. Кроме огородничества жители занимались рыболовством, ремеслами и торговлей. Благополучие города было нарушено в 70-е гг. XVI в., а в начале следующего столетия Ладога испытала ряд военных катастроф, от которых смогла оправиться только к середине XVII в.

Письменные источники, таким образом, помогли составить представление о Ладоге и определить периоды ее расцвета в третьей четверти XVI в. и ретроспективно в XII столетии.

Материалы экспедиции подтверждают гипотезу о существовании в низовьях Волхова особой самоуправляющейся городской волости, занимавшей ключевое положение на важном неовско-волховском отрезке водного пути Балтика – Каспийское море, и Балтика – Черное море.

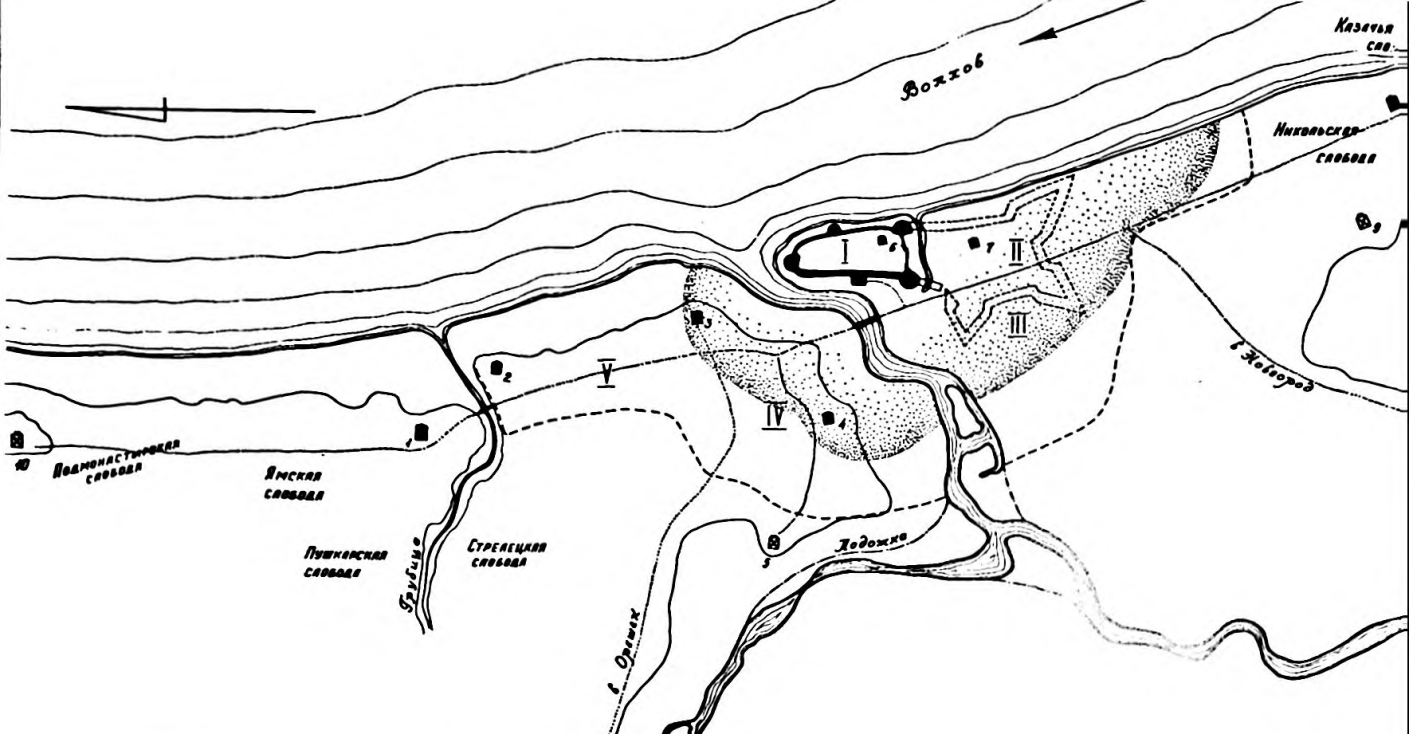
Зона влияния Ладоги не ограничивалась приречной полосой у Волхова, называвшейся Порожской землей, а простиралась по меньшей мере до Онежского озера на востоке и Ижорского плато на западе. В орбите Ладоги находились финские аборигены края: приладожская чюдь, весь, ижора, а также лопь. По времени своего формирования Ладожская земля предшествовала Новгородской.

Главными научными итогами деятельности нашей археологической экспедиции являются новая оценка прошлого Старой Ладоги, создание новых подходов к изучению этого места России, признание общеевропейского исторического значения этого города, исследование его древностей на широком фоне евразийских культурных и экономических связей, наконец, обогащение отечественной истории и культуры новыми открытиями⁵¹.

В заключение следует сказать, что Староладожская археологическая экспедиция более 30-ти лет стремится выполнить возложенные на нее научные задачи. Ныне, по финансовым обстоя-

тельствам, это сделать не просто. Мы глубоко благодарны за помощь, которую нам оказывали Институт истории материальной культуры РАН, Мэрия Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургский государственный университет, Ленинградский Областной государственный университет имени А.С. Пушкина, Староладожский музей-заповед-

Ладого конца XV – начала XVI вв. План-реконструкция

А.Н. Кирпичникова

I Каменная крепость 1490–1580-х годов; *II* Земляная крепость, между 1584 и 1586 годами; *III* Никольский конец; *IV* Воскресенский конец; *V* Богородицкий конец. *1* Успенский монастырь; *2* Симеоновский монастырь; *3* церковь Спаса; *4* церковь Воскресения; *5* церковь св. Петра; *6* церковь св. Георгия; *7* церковь св. Климента; *8* Никольский монастырь; *9* монастырь Рождества Христова; *10* монастырь Иоанна Предтечи. *а* граница посада по данным 1586 года; *б* дороги; *в* старые русла рек Ладозжки и Заклюки; *г* каменные храмы; *д* деревянные храмы; *е* культурный слой VIII–XI вв.

Plan of Ladoga in the late

15th – early 16th centuries. Reconstructed by A. Kirpichnikov

I Stone Fortress in 1490–1580; *II* Earthen Fortress between 1584 and 1586; *III* the St. Nicholas part of the town; *IV* the Resurrection part of the town; *V* the Virgin part of the town. *1* Assumption Convent; *2* St. Simeon Monastery; *3* Church of Our Saviour; *4* Church of the Resurrection; *5* St. Peter Church; *6* St. George Church; *7* St. Clement Church; *8* St. Nicholas Monastery; *9* Monastery of the Nativity of Christ; *10* Monastery of St. John the Forerunner. *а* borderline of the posad in 1586; *б* roads; *в* old beds of the Ladozhka and Zakliuka rivers; *г* stone churches; *д* wooden churches; *е* cultural stratum of the 8th–11th centuries

ник, НИИ Электрофизической аппаратуры им. Д.В. Ефремова, другие организации и частные лица. Наши научные изыскания были бы невозможными без финансовой поддержки, которую оказывает работам археологов правительство Ленинградской области, Министерство культуры Российской Федерации, федеральная целевая программа «Интеграция», Санкт-Петербургский научный центр РАН. Укажем, что проведению раскопок в 2002 г. в благотворительных целях помогали объединение «Дорстройпроект», ОАО «Нева-ленд», ОАО «Лиговка», торговая фирма «Офис-клуб Балтика», Санкт-Петербургский общественный фонд «Реформы и политика», администрация

муниципального образования «Волховский район», а также Казанский совет народных депутатов (Республика Татарстан). Всем им выражаем большую благодарность.

На память приходят слова, которыми Н.Е. Бранденбург начал свою книгу «Старая Ладога», опубликованную в 1896 г. Он написал о том, что император Александр III «всемилоостивейше» пожаловал в 1883 г. на раскопки в Старой Ладоге 2000 рублей. Не чужды были государи России нуждам отечественной истории. Убежден, что изучение фундаментальных ценностей русской и международной истории, какие мы имеем в Старой Ладоге, невозможно без постоянной государственной, а также общественной и частной поддержки

ПРИМЕЧАНИЯ

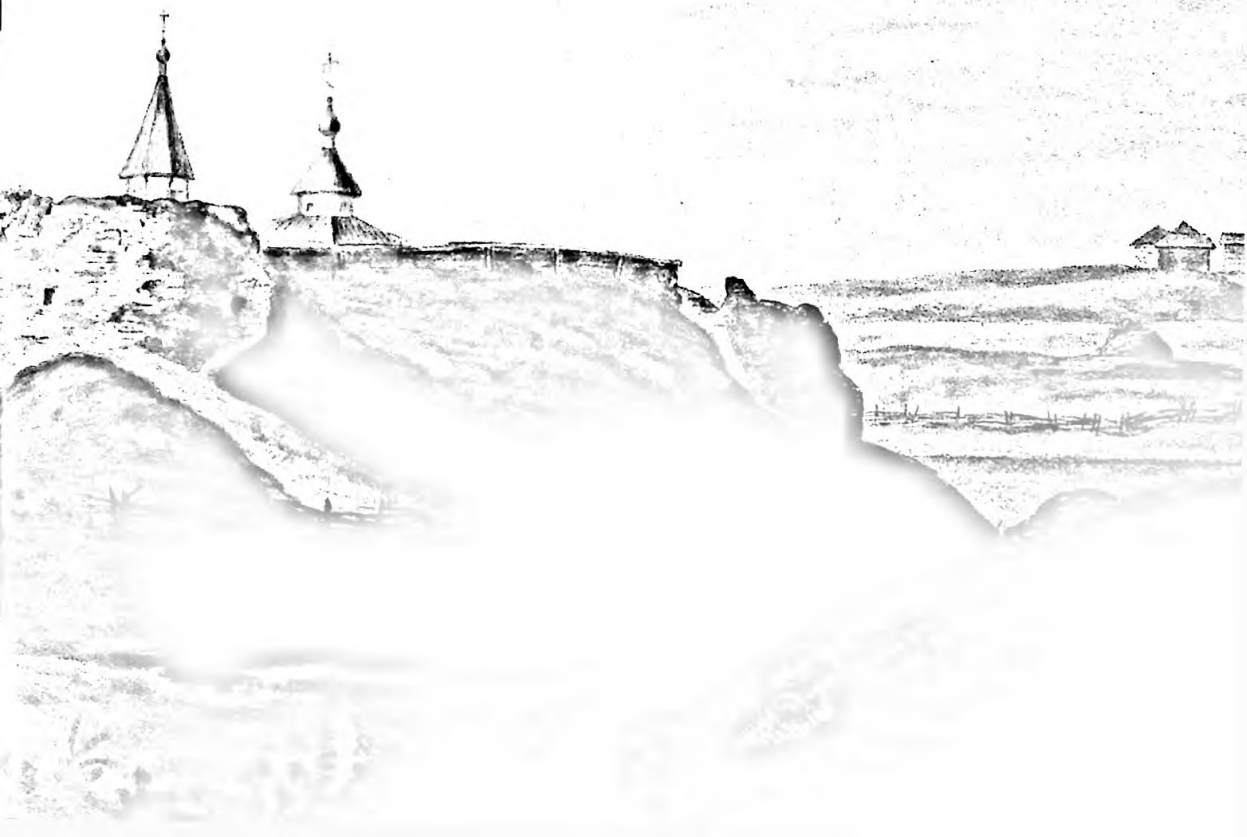
- 1 Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 126.
- 2 Беспятовых Ю.Н. Петербург Петра в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 65, 66 и 85, 86.
- 3 Тихонов И.А. Записка Н.Е. Бранденбурга «Об исследовании земляного городища в Старой Ладоге» // Храм и культура. Вып. 8. СПб., 1995. С. 157.
- 4 Рябинин Е.А. Начальный этап стеклodelия в Балтийском регионе (по материалам исследования в Ладоге VIII–IX вв.) // Дивинец Староладожский. СПб., 1997. С. 43–49.
- 5 Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. Северная Русь, русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Культура русского Севера. Л., 1988. С. 51–52, рис. 2, 3, 4; Седов В.В. Славяне. М., 2002. С. 387, сл. Рис. 82; Щеглова О.А. Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. на Северо-Западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 137, сл. Высказана мысль о доминировании коллектива, связанного с культурой псковских длинных курганов, на поселении в Ладоге в 760–800 гг. (Петров Н.И., Фурсев А.Г. Городища культуры псковских длинных курганов и Балтийско-Волжский путь // Древность Северо-Западной России. СПб., 1995. С. 48, рис. 1).
- 6 Рябинин Е.А. У истоков ремесленного производства в Ладоге (к истории общепалтийских связей в предвизинговую эпоху) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994. С. 49, рис. 25; Щеглова О.А. Свинцово-оловянные украшения, с. 139, сл., рис. 2–6.
- 7 Кирпичников А.Н. Производственный комплекс XI в. из раскопок Старой Ладоги // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 243, рис. 13.
- 8 Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands Helsinki, 1973. Abb. 426, 429.
- 9 Давидан О.И. Материальная культура первых поселенцев древней Ладоги // Петербургский археологический вестник. СПб., 1995. С. 156, рис. 1, 14. Благодарю Д.А. Яблоника за консультацию по поводу данного предмета.
- 10 Давидан О.И. Материальная культура... С. 156, рис. 1, 20. Meinander C.F. Odin i Staraya Ladoga. Finskt museum 1985. S. 65–67, Fig. 1–2.
- 11 Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. Северная Русь... С. 49–51, рис. 1, 1; Кирпичников А.Н. Производственный комплекс... С. 247–248, рис. 21.
- 12 Кирпичников А.Н. Ладога VIII – X вв. и ее международные связи // Славяно-русские древности. Вып. 2. СПб., 1995, С. 40; Семенов А.И. Забытый динар 121 г.х. (738/39 гг. до н.э.) из Староладожской крепости в свете новых нумизматических находок // Древности Северо-Запада России. СПб., 1995. С. 57–59.
- 13 Из представленного перечня исключаем формочку, найденную в 1947 г. на Земляном городище. О ее первоначальной дате идут споры. На одной стороне видим негативное изображение трехконечной подвески, на другой – лунницы. Г.Ф. Корзухина включила эту

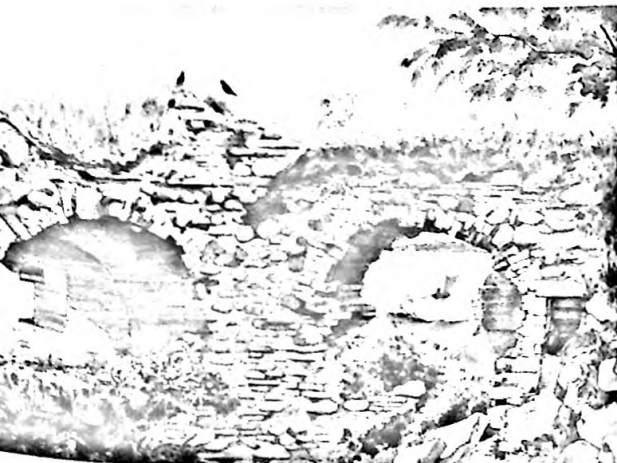
- вещь в свой корпус изделий с выемчатыми эмалями V–первой половины VI в., заметив при этом, что «формочка попала при земляных работах в более поздний горизонт (разумеется, слой E2 840–860 гг.), либо что в IX в. она была принесена на Земляное городище из какого-то более древнего поселения» (Г.Ф. Корзухина. Предметы убора с выемчатыми эмалями V–первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье. Л., 1978. С. 62, табл. 22, 1). В действительности, формочка современна периоду своего обнаружения. На ее обороте видна лунница того типа, который использовался во второй половине X вв. (Капелле Т. Славяно-скандинавское художественное ремесло эпохи викингов // Славяне. Этногенез и этническая история. Л., 1989. С. 135–140, рис. 1–7). Таким образом, отнесение вещи, например, к VI в. оказалось ошибочным.
- 14 Щеглова О.А. К вопросу о месте и времени формирования традиции изготовления свинцово-оловянных изделий в формочках «типа Камно-Рыуге» // Миграция и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской веры. СПб., 2001. С. 51–52.
 - 15 Волковицкий А.И. Фибула из урочища Сопки и проблема «нулевой фазы» Ладоги // Миграция и оседлость... С. 51 и рис.
 - 16 Кирпичников А.Н., Сакса А.И. Финское население северорусских средневековых городов // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002. С. 137, рис. 1, 6.
 - 17 Признателен А.В. Богачеву за подробную консультацию по рассматриваемой пряжке.
 - 18 Nerman B. Grobin-Seeburg. Ausgrabungen und Funde. Stockholm, 1958. Taf. 1, 5, 25, 28; Strömberg M. Untersuchungen zur jüngeren Eisenzeit in Shonen. Lund, 1961. Taf. 61. Благодарю И. Янссона за помощь в изучении клювовидных фибул.
 - 19 Иванов А.Г. Накладки-тройчатки. К вопросу о происхождении поясов неволинского типа // Культура Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Т. 2. Самара 2001. С. 90.
 - 20 Мачинский Д.А. Ладога / Aldeigia: религиозно-мифологическое сознание и историко-археологическая реальность (VIII–XIII вв.) // Ладога и религиозное сознание. СПб., 1997. С. 161–163.
 - 21 Мейнандер К.Ф. Биармы // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 36–37.
 - 22 Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л., 1973. С. 13, рис. 5, 1 и табл. III, I (сравни с 23–25 и 73).
 - 23 Ахмедов И.Р. Псалии в начале эпохи великого переселения народов // Культура евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Т. 2. Самара, 2001. С. 224–225.
 - 24 Отрывок из путешествия Ходаковского по России. Ладога, Новгород // Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей Российских. Т. III, кн. 2. М., 1839. Два похожих дротика, происходящие из Старой Ладоги: Давидан О.И. Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки. Археологический сборник. 17. Л., 1976. Рис 8, 12; Петренко В.П. . Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X. СПб., 1994. Рис. 39, 12; Старая Ладога. Древняя столица Руси. Буклет выставки. СПб., 2003. Рис. на с. 12. Отметим также найденные в нижнем слое Земляного городища копье листовидной формы и топор, типологически относящиеся к VII–VIII вв. (Давидан О.И. Стратиграфия... С. 115, рис. 7, 11 и 15).
 - 25 Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. М. –Л., 1966. С. 17, табл. X, 3–6.
 - 26 Рябинин Е.А., Дубошинский А.В. Любшанское городище в нижнем Поволжье // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 199; Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р., Селин А.А., Соболев В.Ю., Тарасов И.И. Работы Северо-западной экспедиции в 1998 г. // Новгород и Новгородская земля. Вып. 13. Новгород, 1999. С. 33–35.
 - 27 Лебедев Г.С. Петренко и его место в исследовании Старой Ладоги // Дивинец Староладожский. СПб., 1997. С. 5–14.
 - 28 Петренко В.П. Раскоп на Варяжской улице // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 81, сл.
 - 29 Там же. С. 112.

- 30 Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. М., 2001. С. 189–200.
- 31 Мельникова Е.А. Там же. С. 202–206.
- 32 Петренко В.П. Финно-угорские элементы в культуре средневековой Ладоги // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 83, сл., рис. 2.
- 33 Седов В.В. Славяне. Историко-археологические исследования. М., 2002. С. 36, сл.
- 34 Отрывок из путешествия Ходаковского по России. Ладога, Новгород // Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей Российских. Т. III, кн. 2. М., 1839. С. 149; Пушкарев И.И. Описание С.-Петербурга и уездных городов Российской империи. 4.IV. СПб., 1842. С. 41–42.
- 35 Игумен Иоанн // Историко-статистическое описание заштатного Староладожского Николаевского монастыря. СПб., 1865. С. 20.
- 36 Петренко В.П. Погребальный отряд населения Северной Руси VIII–X вв. СПб., 1994. С. 3–4.
- 37 Носов Е.Н., Конецкий В.Я., Иванов А.Ю. Комплекс археологических памятников в зоне реки Белой в контексте древней истории Северо-Запада России // У истоков Новгородской земли. Любытино, 2002. С. 22–23.
- 38 Петренко В.П. Погребальный обряд. С. 109.
- 39 Отрывок из путешествия. С. 146–147.
- 40 Зимек Р. Викинги: миф и эпоха, средневековая концепция эпохи викингов // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999. М., 2001. С. 22.
- 41 Благодарю Е.Н. Носова за предоставленный рисунок знака на рукояти из рассматриваемой сопки.
- 42 Петренко В.П. Раскопки сопки в урочище Победище близ Старой Ладоги // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 150. М., 1977. С. 55–61; Петренко В.П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. СПб., 1994. С. 88, 127. Рис. 43.
- 43 Белецкий С.В. К проблеме выявления «узловых экспонатов» в историко-археологической экспозиции // Музей в современной культуре. СПб. 1995. С. 36–39.
- 44 Наследие варягов. Диалог культур. Стокгольм, 1996. С. 36 и рис.
- 45 Мусин А.Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. СПб., 1902. С. 98–99, рис. 6, 1 и 3; Пескова А.А. Энколпионы Старой Ладоги // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002. С. 30–37.
- 46 Корзухина Г.Ф. О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладоги. Скандинавский сборник. XVI. Таллинн, 1971. С. 129–130, рис. 117.
- 47 Кирпичников А.Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. С. 42, сл.
- 48 Кирпичников А.Н., Назаренко В.А. Деревянные сооружения Старой Ладоги по раскопкам 1984–1991 гг. // Древности Поволжья. СПб., 1997. С. 63–82. Кирпичников А.Н. Раннесредневековая Ладога по данным новых историко-археологических исследований. Там же. С. 5, сл.
- 49 Кирпичников А.Н. Посад средневековой Ладоги // Средневековая Ладога. Л. 1985. С. 170, сл.
- 50 Кирпичников А.Н. Ладога в третьей четверти XIV в (первопубликация писцовой книги 1568 г.) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 268–277.
- 51 Кирпичников А.Н. Ладога VIII–X вв. и ее международные связи // Славяно-русские древности. Вып. 2. СПб., 1995. С. 28, сл.

Заповедное место России

*Л. Лагорио. Старая крепость.
Государственный Русский музей
.....*

*L. Lagorio. Old Fortress.
The Russian Museum, St. Petersburg*

Читатели вправе спросить, каким образом в Старой Ладоге – ныне провинциальном местечке, сохранилось такое количество разнообразных памятников прошлого. Такому сосредоточию могут позавидовать не только многие селения, но и города. Бывшее до конца XVII в. городом-крепостью на се-

верных рубежах России, поселение в низовьях Волхова в 1704 г. в связи с основанием по указу Петра I у берега Ладожского озера Новой Ладоги (как «места полезного быть в камерции») утратило свой прежний административный статус и было названо Старой Ладогой.

Основание и развитие Санкт-Петербурга окончательно превратили некогда значительный древнерусский город в «тыловое» второстепенное место. Здесь не возникло промышленности и городской застройки, что вольно или невольно способствовало длительному сохранению многих «свидетельств старины».

История Старой Ладоги нового времени преподнесла еще один сюрприз.

С северной стороны к Успенскому монастырю примыкало село Успенское. Губернский предводитель в Олонецком наместничестве полковник А.П. Мельгунов подарил его вместе с деревянным одноэтажным домом своей дочери Варваре Андреевне и ее мужу, Алексею Романовичу Томилову (1779–1848). В 1816 г. здесь был возведен кирпичный флигель (в перестроенном виде он сохранился и поныне в качестве музейного здания). Владелец Успенского оказался человеком незаурядным. Просветитель и меценат, один из учредителей и постоянный член общества поощрения художников, герой войны 1812 г., он был страстным любителем и собирателем произведений искусства. «Еще в молодых годах А.Р. Томилов, как написано в его биографии, почувствовал необходимость в часы досуга от гражданственных и служебных трудов, не прибегая к бесплодным и утомительным развлечениям светской жизни,

*М.М. Иванов. Вид Старой
Ладоги. Около 1785 г.
Государственный Русский музей
.....*

*M. Ivanov. View of Staraya
Ladoga. C. 1785.
The Russian Museum, St. Petersburg*

предаться, в виде отдохновения, занятиям, питающим и назидаящим душу. Одаренный от природы любознательностью и сообразуясь с врожденными наклонностями своими, он находил истинное наслаждение в созерцании всего, что имеет изящную сторону. Изучение законов прекрасного и изящного было для него любимым предметом мышления и исследования и с пылкостью энтузиаста он предавался наблюдению и анализу произведений знаменитейших живописцев старинных школ. Все прекрасное в искусстве его восхищало и находило в нем справедливого знатока и ценителя»¹.

Дом Томилова в Успенском стал своеобразным «храмом искусств». Здесь месяцами, годами жили русские и иностранные портретисты, пейзажисты, скульпторы, архитекторы. Они пользовались советами и поддержкой хозяина усадьбы, учились у природы и у великих мастеров – Рембрандта, Рубенса, Рибейры и Тьеполо: в коллекции Томилова находились редкие образцы их работ². Здесь обсуждались творческие замыслы, формировались художественные вкусы. В своей статье «Мысли о живописи» Томилов призывал смотреть на изящные произведения как на «высокие примеры подражания природе, которую одну образцом принимать должно».

Томилов «не совершал ничего такого, что принесло бы ему известность или позволило бы сделать карьеру. Но он принадлежал к тем людям, по чьему внутреннему облику узнается духовный уровень эпохи... он создал вокруг себя особую нравственную атмосферу, дружественную среду, в которой легко дышалось и работалось многим талантливым русским людям, находившим в доме этого человека поддержку и удовлетворение своих разнообразных замыслов»³.

Владелец Успенского сумел объединить вокруг себя все то, что было наиболее художественного в России в его эпоху⁴. Пожалуй, не было в тот период хоть сколько-нибудь значительного художника, который бы не побывал в его доме. Радужному

хозяину дарилось множество произведений, он и сам охотно покупал понравившиеся ему полотна. Более пятидесяти художников запечатлели свои имена в создании этой редкостной коллекции, в ней с исключительной полнотой нашла отражение целая эпоха в развитии русского искусства. Здесь соседствовали И.П. Аргунов, В.Л. Боровиковский, К.П. Брюллов, А.Г. Варнек, П.П. Верещагин, П.Е. Заболоцкий, Д. Кваренги, А.Ф. Лагорио, Д.Г. Левицкий, А.Д. Литовченко, А.П. Лосенко, И.П. Мартос, Н.С. Пименов, В.П. Родчев, Ф.С. Роко-тов, Ф.П. Толстой, Т. Томон, В.А. Тропинин, А.А. Харламов, Г.Г. Чернецов, А.Ф. Чернышев. В собрании оказались представленными академист А.Е. Егоров, романтики О.А. Кипренский и А.О. Орловский, реалист А.Г. Венецианов, маринист И.К. Айвазовский. Перечисленные выше художники не ску-

пились на изображение видов томиловского имения, на портреты его обитателей, сцены ярмарок, празднеств, помещичьего быта и крестьянского труда. При всем индивидуальном различии, всем мастерам был свойственен «простой, свежий и тонкий реализм души и руки, что связал так надолго в дружном единении всю плеяду»¹.

Наследники Томилова, Шварцы, продолжали заботиться об уникальном собрании. Оно пополнилось картинами И.Е. Репина и Б.М. Кустодиева. В начале XX в. владелец усадьбы Успенского предоставил накопленное для изучения и публикации журналу «Старые годы». О дальнейшей судьбе коллекции повествуют документы, сохранившиеся в архиве Русского музея⁶.

В годы Первой мировой войны сохранность более чем трех тысяч томиловских раритетов, видимо, стала вызывать серьезное беспокойство их владельца, Е.Г. Шварца (1843–1932), который в мае 1917 г. продал часть коллекции Русскому музею за облигации «заема свободы» (впрочем, довольно скоро обесценившиеся). Дальнейшие события побудили Евгения Григорьевича Шварца в сентябре 1917, октябре и ноябре 1918 г. пере-

О.А. Кипренский.
Портрет Алексея Романовича
Томилова 1808 (?).
Государственный Русский музей
.....

О. Kiprensky.
Portrait of Alexey Tomilov. 1808 (?).
The Russian Museum, St. Petersburg

→
Господский дом Томилова-Шварца.
Фотография 1910 годов.
Архив Государственного Русского
музея
.....

Tomilov-Schwarz's manor house.
Photograph of 1910.
From the archives of the Russian
Museum, St. Petersburg

везти из Старой Ладоги в Петербург оставшуюся большую часть коллекции и сдать ее на хранение в Русский музей, даже вместе с мебелью и домашними вещами. В расписках, выданных музеем, говорилось, что если принятые на хранение вещи не будут востребованы владельцем в сроки от трех месяцев до года, они переходят в собственность музея.

В 1927 г. Е.Г. Шварц попытался было вернуть некоторые вещи. Он написал в Москву, начальнику Главнауки, следующее прошение: «Убедительно прошу возвратить мне хотя бы часть моих вещей, хранившихся в Русском музее. Кроме картин и массы семейных портретов, углем писанных, там все домашние вещи, мебель, шкаф с бельем, ящики с посудой, книги, папки с рисунками, бронза и. т. д. Все вещи – не музейные, но для меня громадной ценности. Прошу сделать эту милость ввиду моего бедственного положения. Мне 86 лет, моей жене – 82, моей единственной дочери – 42, я и жена совсем безработны, живем на содержании нашей дочери, которая учительница Староладожской детской колонии и получает всего 41 р. 60 к. в месяц без квартиры и ее содержания. Вся надежда на вашу милость»⁷. В ответе Шварцу сухо сообщалось, что он не имеет права требовать возврата вещей, так как они поступили «во владение трудящихся». Далее в письме разъяснялось, что понятие «во владение трудящихся» «обнимает собой все случаи фактического завладения вещами по какому

бы то ни было основанию или хотя бы без всякого основания». Дальнейшая переписка оборвалась в 1928 г. Тогда же сгорел усадебный дом. Нетрудно представить себе, какого культурного наследия лишилась бы наша страна если бы не предусмотрительность Шварца, вольно или невольно спасшего от грядущей гибели бесценную коллекцию шедевров русского и мирового искусства. Ныне уцелел служебный корпус усадьбы, рига, часть парка, а от всей обстановки дома Томилова в Старой Ладоге чудом сохранилось лишь настенное зеркало в раме красного дерева работы петербургских мастеров начала XIX в.

Художественные произведения из с. Успенского ныне практически в полном составе хранятся в Русском музее, и некоторые – в Эрмитаже. Они – свидетельство цветущего состояния русского искусства и культуры конца XVIII–XIX вв.

Деятельность А.Р. Томилова повлияла на развитие русского пейзажного искусства. Старая Ладога послужила для этого привлекательной разноликой натурой. Едва ли не впервые ее в виде романтического замка изобразил художник М. Иванов в 1780 г. Подлинное открытие местных памятников совершили художники Д. Иванов и А. Ермолаев. Они, сопровождая в 1809 г. правительственного чиновника К.М. Бороздина, запечатлели главные исторические объекты селения на ряде акварелей¹. Рисунки ценны обилием подробностей. В дальнейшем некоторые подмеченные рисовальщиками детали изменились или были утрачены.

На этих рисунках изображены, в частности, самые крупные сопки окраин Старой Ладоги: одна на Победище, другая – так называемая «могила Олега», показанная еще до раскопок 1820 г. Тем самым для науки сохранен первозданный облик легендарного сооружения. На других рисунках, сконцентрированных теперь в Русском музее (в основном – из коллекции Томилова–Шварца), выполненных П. Заболоцким, А. Лагорио, И. Айвазовским, И. Ивановым, Г. Чернецовым, А. Чернышовым, В. Прохоровым, В. Максимовым, почти с фотографической точностью запечатлены рисунки крепости, Земляное городище, дома, монастыри, храмы, общие виды селения. Все эти произведения бесценны для познания местных достопримечательностей, тем более, что вид некоторых из них ныне изменился, а другие и вовсе исчезли.

Селение в низовьях Волхова было предметом вдохновения художников и в наши дни. Их пристанищем был Дом творчества, расположенный неподалеку от Старой Ладоги, на правом берегу Волхова, в сельце Горки. Надеемся, что в будущем можно будет составить альбом рисунков и картин многих поколений художников, в течение почти двухсот лет отображавших волнующую и романтическую Старую Ладогу.

Дошедшие до нас исторические богатства Старой Ладоги все настойчивее побуждали задуматься об их

сбережении. Староладожская экспедиция не раз выступала за продуманную очередность в реставрации исторических зданий Старой Ладоги, за консервацию и укрытие наиболее чувствительных к разрушению частей крепости, за использование брошенных на произвол судьбы старинных домов. Специалистам удалось составить карту Старой Ладоги со 160 памятниками архитектуры и археологии"; произведено описание этих объектов по архивным и другим источникам, уточнено расположение некоторых из них, в том числе и несохранившихся. Имея в руках такую карту, посетитель Старой Ладоги может ясно и точно представить себе ее историческую топографию, что называется ходить с «открытыми глазами».

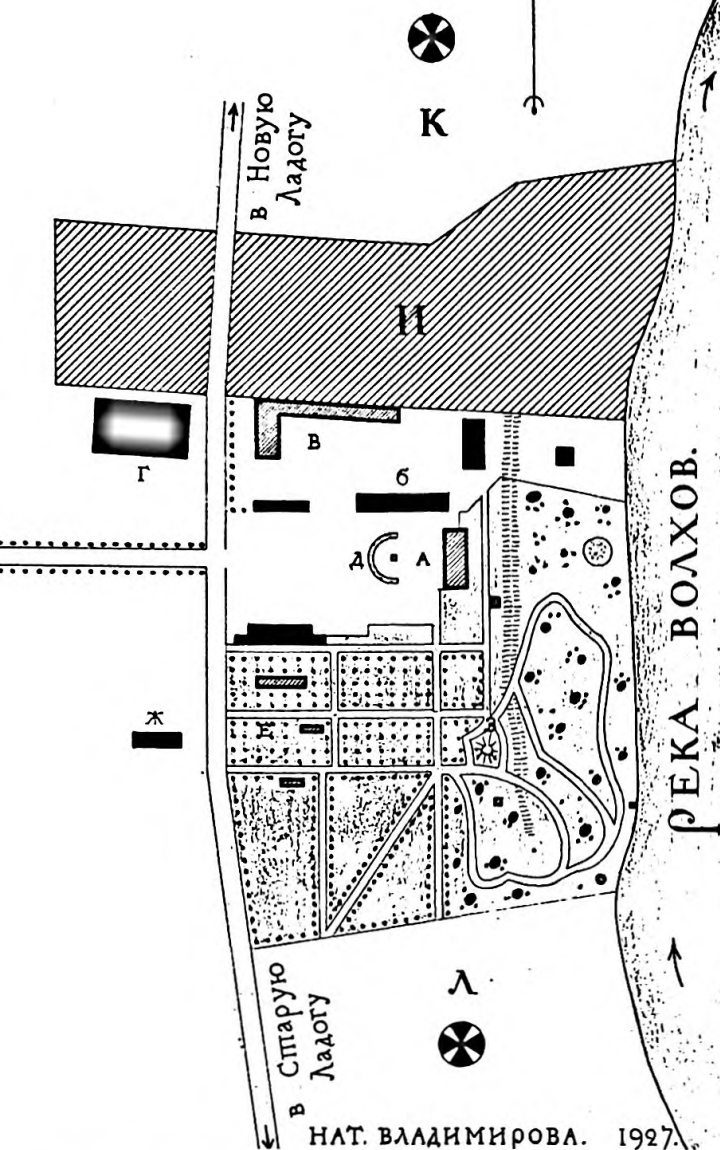
Раскопанные памятники считаются уничтоженными. Часто это входит в противоречие с целями музейного показа такого рода раритетов. Мы попытались найти выход из сложившегося положения. Так, стена начала XII в., открытая на гребне вала Каменной крепости,

Е. Г. Шварц в бильярдной своего дома. Фотография 1913 г. Архив Государственного Русского музея
.....

Ye. Schwarz in the billiard-room of his house. Photograph of 1913. From the archives of the Russian Museum, St. Petersburg

←
Зеркало начала XIX в. из усадьбы А. П. Томилова
.....

Mirror from A. Tomilov's manor house. Early 19th century

Генеральный план усадьбы Томилова-Шварца (мыза Успенское) по данным конца XIX в. Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева

А старый (господский) дом; Б новый (служебный) дом; В конюшни; Г скотный двор; Д птичник; Е теплица; Ж рига; З сопка; И деревня Подмонастырская слободка; К земля Успенского монастыря. Заштрихованы деревянные строения, все остальные – каменные.

General plan of Tomilov-Schwarz's estate (Uspenskoye Grange), according to the data from the late 19th century. The Shchusev Museum of Architecture, Moscow

A old (masters') house; Б new (auxiliary) house; В stables; Г farmyard; Д poultry-yard; Е hot-house; Ж threshing barn; З burial mound; И village of Podmonastyrskaya Slobodka; К plots of land belonging to the Assumption Convent. Hatched are wooden buildings.

была оперативно законсервирована в 1974 г., сразу после окончания исследования. Теперь в законсервированном виде эта стена обозрима. Ее нижние части надложены примерно на метр плитным камнем. Таков самый большой «экспонат», который экспедиция преподнесла местному музею-заповеднику. Аналогичным образом законсервирована упоминавшаяся выше торговая арка XII в. Чтобы не обеднять ландшафт, В.П. Петренко, удачно раскопавший ряд сопок на южной окраине села, восстановил одну из них, иными словами, заново возвел сопочную насыпь. Подобное воссоздание разрушенных сопок назрело и вполне оправдано.

Экспедиция наложила вето на раскопки уцелевших сопок. Их вид создает впечатление какой-то неразгаданной тайны, волнующее «историческое настроение». Экспедиция отстаивает государственную и музейную сохранность исторической части села, его урочищ, особенно Земляного городища. Давно назрел вопрос о переселении из его пределов нескольких домовладельцев, которые своими постройками все шире вторгаются на территорию памятника, сравнивают его валы. Земляное городище частью раскопано, но тем не менее, не пе-

рестает удивлять новыми бесценными находками. Достаточно сказать, что экспедиция за годы своей работы по изучению этой части Старой Ладogi обнаружила тысячи изделий VIII–XVI вв., выполненных из дерева, камня, стекла, бронзы, кости, янтаря, золота и имеющих общероссийское и международное музейное значение.

В 1987 г. Старая Ладога по ходатайству экспедиции, поддержанному академиком Д.С. Лихачевым, была открыта для въезда иностранцев. В экспедиции в последние годы, кроме преподавателей и учащихся вузов Санкт-Петербурга, Москвы и других городов, приняли участие студенты и ученые Польши, Германии, Бельгии, Дании, Швеции, Финляндии, Норвегии. Археологические древности Старой Ладogi наконец-то стали представлять наше культурное наследие на международном уровне. Изделия древних ладожан демонстрировались в Дании, Швеции, Норвегии и других странах. Их следовало бы показать и в Санкт-Петербурге, Москве, может быть, других городах¹⁰. Такой показ приоткрыл бы завесу незнания, которая все еще окружает культурные ценности этого места России. Не случайно 4 июля 1993 г. на открытии выставки «Россия викингов» в датском городе Роскильде министр иностранных дел Дании Н. Хельвег Петерсен сказал: «Город Старая Ладога является для скандинавов своеобразными воротами в широкую транспортную сеть русских рек, по которым обеспечивались связи между Арабским халифатом у Каспийского моря и Византией у Черного». Словно развивая это высказывание премьер-министр Швеции К. Бильдт свое выступление на открытии той же выставки в шведском городе Сигтуна 27 мая 1994 г. заключил так: «Мы имеем повод вновь обратиться к длительному и памятному опыту того времени, когда наша часть Европы была связана путем с сетью пунктов, лежащих на торговых коммуникациях между Востоком и Западом, путем, который охватывал большую часть Западного мира».

Прошло более 1000 лет, и вновь воскрес научно-практический, теперь международный, интерес к Старой Ладогe и другим местам по пути «из варяг в арабы» и «из варяг в греки». По инициативе норвежского археолога А. Стальсберг и автора этих строк установлено

Сопка в парке

.....

Burial mound in the park

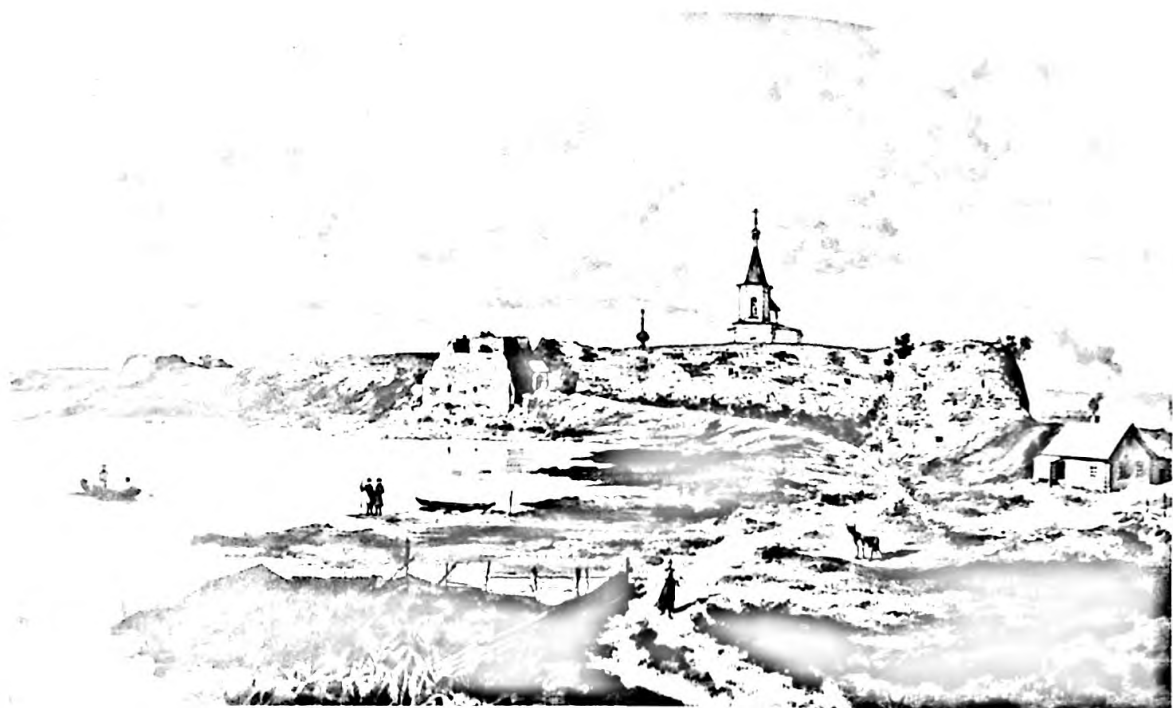
*Ладожская крепость с церковью
Святого Георгия Победоносца.
Акварель И. Айвазовского. 1840.
Государственный Русский музей*

.....

*Ladoga Fortress with
the Church of St. George.
Watercolour by I. Aivazovsky. 1840.
The Russian Museum, St. Petersburg*

побратимство между Волховским районом и коммуной Мельхус в Норвегии. Гимназисты из Мельхуса неоднократно участвовали в раскопках Земляного городища. Их привлекала интернациональная культура древней Ладоги и находки изделий скандинавского происхождения. Здесь уместно сказать, что норвежские студенты из города Лом под руководством архитекторов И.А. Хаустовой и И.П. Любаровой в 1991–1993 гг. приняли участие в восстановлении кровли церкви св. Василия Кесарийского, и, таким образом, внесли свой вклад в спасение от гибели памятника XVI–XVII вв., который ныне передан местной церковной общине для богослужения. Реставрация этой церкви как бы символизирует единство усилий представителей двух христианских конфессий, православной и лютеранской, в деле защиты культурного наследия Европы.

Заново осознана выдающаяся роль Ладоги как узлового города на северном отрезке Великого Волжского пути. Большой интерес проявили к этому отечественные и зарубежные специалисты, которые в преддверии 1000-летия Казани в 2005 г. ежегодно обсуждают в этом городе прошлое и современное состояние Волжского

пути, разумея его историческую протяженность от Британии до Багдада¹¹. По этому поводу ЮНЕСКО в 2002 г. утвердило междисциплинарный проект под названием «Устойчивое развитие бассейна Волги и Каспийского моря».

В 70–80-е годы XX века в Старой Ладоге и ее окрестностях стало активно развиваться типовое гражданское и промышленное строительство: уничтожались сопки, разрушался исторический ландшафт... Чиновники многозначительно объясняли, что ученые, музей и органы охраны памятников со своими ограничениями и запретами «отстали от жизни» и мешают улучшать быт трудящихся. Не возмись Староладожская экспедиция и музей за спасение заповедного места России, уникальный комплекс памятников Старой Ладоги был бы, скорее всего, безвозвратно потерян для русской культуры¹².

Старая Ладога заслуживает общерусского признания. Об этом в 1981 г. написали Совету Министров РСФСР видные ученые Д.С. Лихачев, В.А. Янин, Б.А. Рыбаков, В.А. Суслов и автор этих строк. В 1984 г., распоряжением Совета Министров РСФСР, на базе

*Вид Каменной крепости
со стороны реки Ладозжки.
Рис. В. Прохорова.
Государственный Русский музей
.....*

*View of the Stone Fortress
from the Ladozhka River.
Drawing by V. Prokhorov.
The Russian Museum, St. Petersburg*

*Вид Староладожской крепости с
правого берега реки Волхов.*

*Аквафель Д. Иванова
и А. Ермолаева.*

*Российская национальная
библиотека, Санкт-Петербург

*Staraya Ladoga Fortress as Viewed
from the Right Bank of the Volkhov
Watercolour by D. Ivanov
and A. Yermolayev
National Library of Russia,
St. Petersburg*

памятников истории и культуры села Старая Ладога, Староладожский краеведческий музей был преобразован в Историко-архитектурный и археологический музей-заповедник. В 1995 г. федеральный статус музея-заповедника был подтвержден указом президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина. Под особую охрану взята территория села, размером около 190 га, с находящимися здесь памятниками архитектуры и археологии, застройкой XIX – начала XX веков, культурным слоем эпохи средневековья. Были запрещены самовольное строительство и земляные работы.

Истины ради отметим, что музею-заповеднику досталось тяжелое наследство. Однако, за последние годы музей разросся, отреставрировал более 10 памятников гражданской и культовой архитектуры, открыл новые экспозиции, посвященные истории и этнографии края; в летний сезон распахиваются двери церкви св. Георгия, в которой демонстрируется уникальная фресковая роспись XII в.

За три десятилетия сотрудниками музея собраны богатейшие фонды, включающие предметы археологии, этнографии и нумизматики, иконописи и церковной утвари, фрагменты фресок, строительные материалы, а также фотографии документов, образцы редкой рукописной и старопечатной книги, живописи и графики. Активная выставочная деятельность музея дала возможность общественности Санкт-Петербурга, Москвы и Скандинавии познакомиться с коллекциями музея. В феврале 2003 г. в Государственном Эрмитаже открылась археологическая выставка «Старая Ладога. Древняя столица Руси». Она посвящена 300-летию Санкт-Петербурга и 1250-летию Ладоги. Участниками проекта стали Государственный Эрмитаж, Староладожский музей-заповедник и Староладожская археологическая экспедиция Института материальной культуры Российской Академии наук.

В Староладожском музее-заповеднике работает высокопрофессиональный коллектив специалистов-историков, археологов, этнографов, искусствоведов. С 1993 г. регулярными стали научные конференции и семинары; издаются сборники научных и популярных статей. Развивается плодотворное сотрудничество с научными организациями: Санкт-Петербургским Институтом истории материальной культуры РАН, Государственным Эрмитажем, Санкт-Петербургским государственным университетом, ИИИ «Спецпроектреставрация», Санкт-Петербургским институтом истории РАН.

С 1993 г. музей регулярно проводит научные конференции «Северная Русь в эпоху средневековья», а с 1995 г. — чтения, посвященные археологу Анне Мачинской.

Положительное значение имели проведенные при поддержке правительства Ленинградской области в 1997 и 2002 гг. международные чтения и научно-практические конференции, посвященные 25-летию и 30-летию Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН¹³.

С 1999 г. из внебюджетного фонда Президента РФ и из бюджета Ленинградской области музей-заповедник получает средства для реставрации памятников архитектуры. На эти средства музею-заповеднику удалось в самый сложный экономический период завершить реставрацию памятников мирового художественного значения —

*Староладожская крепость.
Вид из воротной башни.
Рис. Л.Ф. Лагорио.
Государственный Русский музей*
.....

*Staraya Ladoga Fortress.
View from the Gate Tower.
Drawing by L. Lagorio.
The Russian Museum, St. Petersburg*

*Церковь Алексея-Человека Божия
до 1917 г.*

.....

*Church of Alexey the Man of God
before 1917*

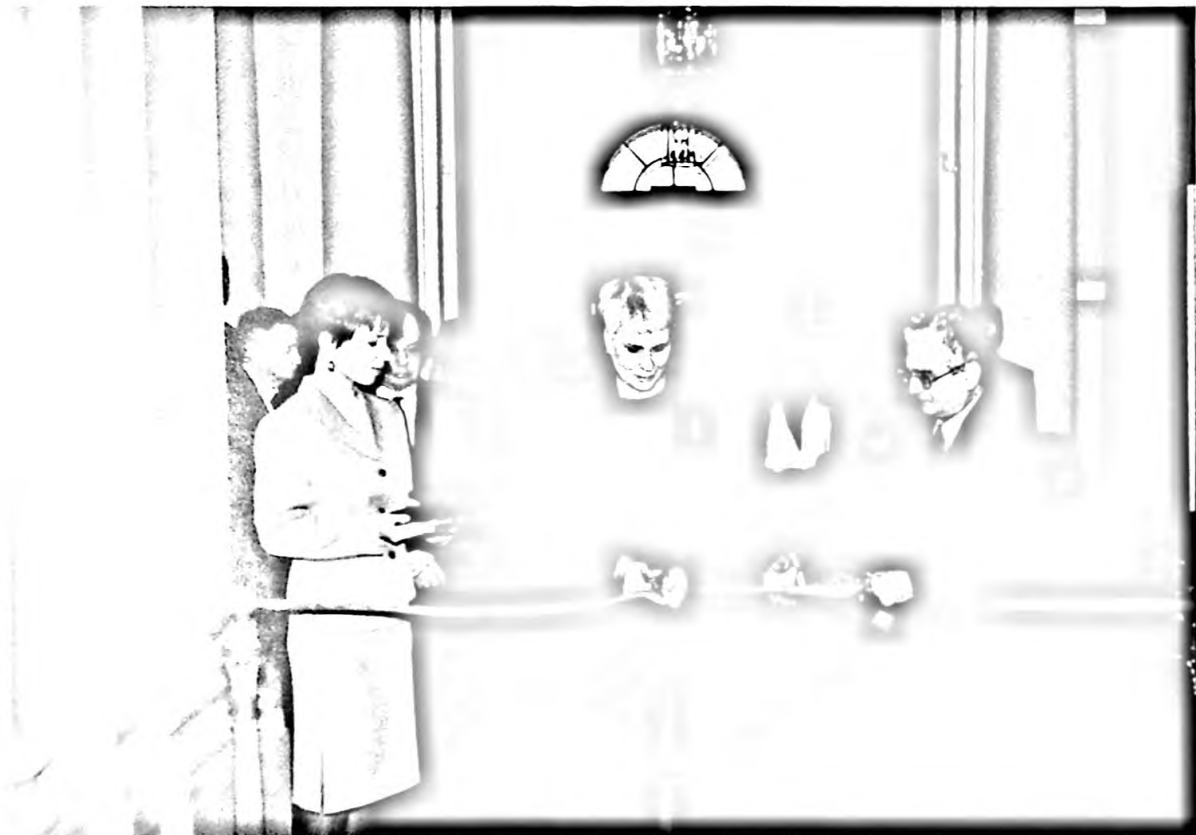
церквей св. Георгия¹⁴ и Успения Богородицы. Восстановление памятников конца XIX – начала XX в. ведется музеем на собственные и привлеченные средства.

У музея-заповедника сложились партнерские отношения с промышленными предприятиями и организациями Северо-запада: в частности, в 2000 г. ОАО «Волховский алюминий» помогло в реставрации памятника XIX в. – церкви Алексея-Человека Божия. Храм был восстановлен в память бывшего директора завода Б.А. Алексеева. Помощь в восстановлении памятников музея-заповедника оказывали ООО «ВОО Киришинефтеоргсинтез», ОАО «Волховский КЛПХ», ЗАО СФК «Петербург», финская фирма «Оптирок», ИЧРП «Пикалов и сын». Образовательные историко-культурные программы музея-заповедника поддержаны такими фирмами и организациями, как ООО «Некст», ООО «Волховское», Торговый Дом «Борис и Павел», ООО «Ладожский фонд», Территориальная СПб и ЛО организация профсоюза работников лесных отраслей РФ и другими.

Опыт изучения Старой Ладоги побуждает уделить внимание продолжению археологических изысканий, сбережению ее памятников, повышению положения музея-заповедника как объекта особо ценного культурного наследия народов Российской Федерации¹⁵.

В силу ряда финансовых и правовых обстоятельств музей-заповедник пока еще не разрешил многих вопросов, связанных со сбережением принадлежащих ему памятников истории и культуры.

В апреле 1997 г. правительство Ленинградской области провело в Старой Ладоге и в г. Волхове беспрецедентные в нашей практике выездные слушания с участием депутатов Государственной Думы, членов правительства области, властей г. Волхова и Волховского района, ученых, сотрудников Староладожского музея-заповедника, посвященные культурному наследию этого древнего города. Были приняты рекомендации правительства области, главной из которых было пред-

ложение о присвоении Староладожскому музею-заповеднику статуса особо ценного объекта культурного наследия народов Российской Федерации. В этих рекомендациях отмечена также необходимость финансирования работ археологической экспедиции.

Тема историко-культурного наследия Старой Ладogi была обсуждена на двух заседаниях Президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН в 1998 г. под председательством академика Ж.И. Алферова. Были приняты постановления, обращенные к Президенту и правительству Российской Федерации о придании Староладожскому музею-заповеднику статуса особо ценного объекта культурного наследия народов РФ и о проведении в 2003 г. празднования 1250-летия Старой Ладogi – первой столицы Руси¹⁶.

Нет сомнения, что проведение этого празднования, закрепленное Указом Президента РФ от 10 декабря 2001 г., соответствует высшим государственным интересам сохранения отечественного культурного наследия и це-

Открытие выставки «Старая Ладога. Древняя столица Руси» в Государственном Эрмитаже. Февраль 2003 года.

На переднем плане – директор музея-заповедника «Старая Ладога» Л.А. Губчевская и директор Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровский

Opening of the "Staraya Ladoga. Ancient Capital of Rus" exhibition in the State Hermitage. February of 2003. In the foreground, L. Gubchevskaya, Director of the Staraya Ladoga Museum and Heritage Preserve, and M. Piotrovsky, Director of the State Hermitage

*Панорама Старой Ладоги.
Вид с колокольни Никольского собора*

*Staraya Ladoga as viewed from the bell-
tower of the St. Nicholas Cathedral*

лям воспитания патриотизма и гордости за наше великое прошлое. Великими ценностями истории и культуры приумножила славу Отечества Старая Ладога.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Врангель Н. Страничка из художественной жизни начала XIX в. // Старые годы. 1907, май. С. 156.
- 2 Там же. С. 155.
- 3 Алексеева Т.В. Исследования и находки. М., 1976. С. 117.
- 4 Врангель Н. Страничка из художественной жизни начала XIX в. // Старые годы. 1907, май. С. 156; там же. Эрнст С. Рисунки русских художников из собрания Е.Г. Шварца // Старые годы. 1914, окт.-дек.
- 5 Эрнст С. Картины русских художников в собрании Е.Г. Шварца // Старые годы. 1916, янв. – февр. С. 57. Жизни и деятельности А.Р. Томилова посвящена серия статей «Дворянское гнездо», написанная В.Ф. Игнатенко и опубликованная в газете «Волховская земля» за 2001 г. № 11, 18, 22, 26, 30, 35, 39.
- 6 Архив Государственного Русского музея. Оп. 1, ед. хр. 45, 704, 705, 706; оп. 6, ед. хр. 62.
- 7 Там же. Оп. 1, ед. хр. 45, л. 35.
- 8 «Рисунки и чертежи к путешествию по России по Высо-

- чайшему повелению статского советника Константина Бороздина в 1809 г.». РНБ, рукоп. отд., Ф. IV. Ч. I. Л. 4, 5, 6, 9.
- 9 Ср.: Лебедев Г.С., Седых В. Н. Археологическая карта Старой Ладоги и ее ближайших окрестностей. Вестник ЛГУ. Вып. 9. СПб., 1985. С. 15–25.
 - 10 Следует отметить, что старолadoжские находки из раскопок В.И. Равдоникаса, находящиеся в Эрмитаже, также неоднократно экспонировались в музеях Европы.
 - 11 Ср.: Кирпичников А.Н. Великий Волжский путь и эпоха торговой революции // Великий Волжский путь: история формирования и развития. Казань, 2002. С. 188, сл.
 - 12 Выражаю глубокую благодарность активным участникам Старолadoжской археологической экспедиции Е.А. Рябину, В.А. Назаренко, В.П. Петренко, Е.Н. Носову, О.И. Богуславскому, А.А. Песковой, Т.С. Бубенько, а также студентам и преподавателям исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета и Ленинградского Государственного Областного педагогического университета им. А.С. Пушкина; всем, кто в разные годы работал и помогал экспедиции. Особая признательность старшему научному сотруднику Института археологии РАН Н.Б. Черных, директору Областного музейно-го центра Г.И. Вавилиной, директору Старолadoжского музея-заповедника Л.А. Губчевской, декану исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета И.Л. Фроянову, ректору Ленинградского Государственного Областного педагогического университета В.Н. Скворцову, способствовавшим нашим исследованиям. Благодарю профессора А.А. Собчака, бывшего губернатора Ленинградской области А.С. Белякова, председателя правления АО «Промышленно-строительный банк» С.П. Сусекова, главу администрации Волховского района Ленинградской области Н.А. Аникина, начальника Инспекции охраны памятников истории и культуры Ленинградской области В.А. Сатарова, председателя Санкт-Петербургского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры В.А. Суслова и его заместителя А.И. Григорьева, оказавших финансовую поддержку экспедиции. К тому, что было написано в опубликованном в 1996 году первом издании книги «Старая Ладога – древняя столица Руси» прибавлю слова признательности губернатору Ленинградской области В.П. Сердюкову, вице-губернатору Г.В. Двасу, вице-губернатору Н.И. Пустотину, председателю комитета по культуре В.Б. Богушу, далее выражаю благодарность научным сотрудникам ИИМК РАН П.Е. Сорокину, В.И. Кильдюшевскому, научному сотруднику музея-заповедника А.И. Волковицкому, руководителям подразделений экспедиции И.В. Стасевич, Н.И. Келарь, Д.Н. Клементьевой, декану исторического факультета Ленинградского Государственного Областного университета им. А.С. Пушкина Н.Н. Богемской, старшим преподавателям О.И. Вербовому и А.Л. Никифорову. Благодарим заместителя директора по научной работе Архангельского музея изобразительного искусства Е.И. Ружникову, заместителя директора по научной работе Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А.В. Щусева, кандидата архитектуры, профессора И.А. Казусь, заведующую отделом научной каталогизации Государственного Русского музея, доктора искусствоведения Е.П. Яковлеву за помощь, оказанную при подготовке данной книги.
 - 13 Современность и археология. СПб., 1997; Культура, образование, история Ленинградской области. СПб., 2002.
 - 14 Церковь св. Георгия в Старой Ладоге. Монографическое исследование памятника XII века. Автор-сост. В.Д. Сарабьянов. М., 2002.
 - 15 Кирпичников А.Н. Старая Ладога в первые века русской истории // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб., 2002. С. 9–15.
 - 16 Кирпичников А.Н. Историко-культурное наследие Старой Ладоги // Ладога эпохи викингов. СПб., 1998. С. 140–144. Здесь опубликованы постановления Президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН.

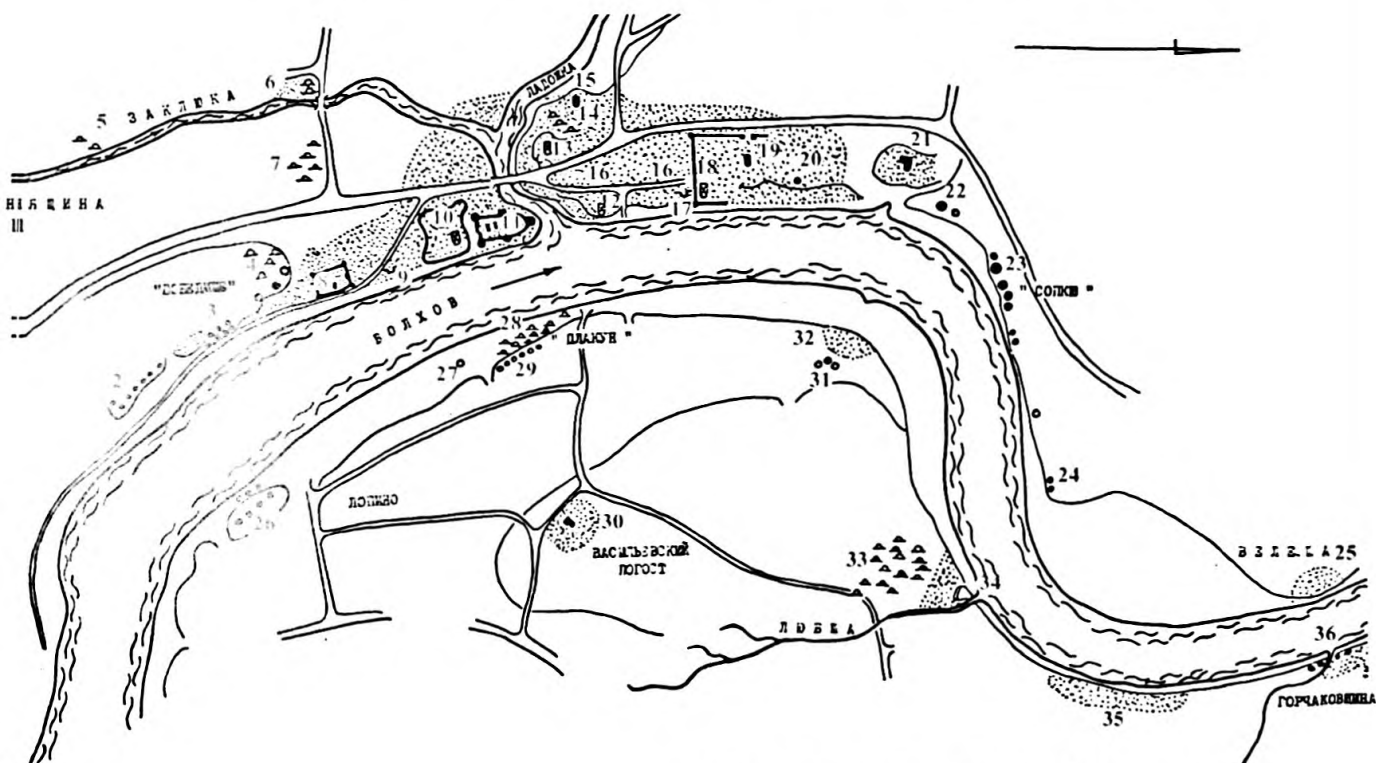
*«Венок Славы Александра Невского» – ежегодный праздник
в Староладожской крепости*

.....

The Wreth of Glory to Alexander Neusky yearly festival in the Staraya Ladoga Fortress

Карта расположения основных памятников археологии и архитектуры

Map of major archaeological sites and architectural monuments

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- ■ - 1
- ○ - 2
- ▲ ▲ - 3
- — - 4
- ■ - 5
- ● - 6

1. Сохранившиеся и несохранившиеся храмы
2. Сохранившиеся и разрушенные сопки
3. Сохранившиеся и исчезнувшие курганы
4. Грунтовые погребения
5. Культурный слой периода средневековья
6. Сохранившиеся памятники археологии и архитектуры

LEGEND

1. Extant and non-extant churches
2. Extant and non-extant *sopki* (barrows)
3. Extant and non-extant mounds
4. Burial grounds
5. Medieval cultural stratum
6. Extant archaeological sites and architectural monuments

Составитель А.Н. Кирпичников

.....

Compiled by A. Kirpichnikov

ЛЕВЫЙ БЕРЕГ ВОЛХОВА:

1. Деревня Княщина. Восходит к раннему средневековью
2. Княщинская группа сопки. VIII–X вв.
3. Урочище Победище. Южная группа сопки и селище. VIII–X вв.
4. Урочище Победище. Северная группа сопки. VIII–X вв.
5. Курганы на реке Заклюке. IX–XI вв.
6. Курганы и поселение IX–X вв. (?) на территории бывшей усадьбы помещика фон Балка
7. Курганы IX–X вв. к востоку от реки Заклюки
8. Никольский монастырь XII–XX вв. с церковью св. Николая
9. Грунтовый могильник не позднее IX в.
10. Земляное городище с культурным слоем VIII–XVII вв., валами и бастиями 80-х гг. XVI в. Там же нижние части церкви св. Климента
11. Каменная крепость конца XV–XVI вв. В ее основании остатки каменных укреплений, соорудившихся в IX–начале X в. и в начале XII вв. В крепости храм св. Георгия 1165–1166 гг. и деревянная церковь св. Дмитрия Солунского XVII в.
12. Основание каменной церкви Спаса Всемилоуистого. Третья четверть XII в.
13. Основание каменной церкви Воскресения Христова. Третья четверть XII в.
14. Курганы на реке Ладожке. IX–XI вв. (?)
15. Церковь св. Петра. XI–XII вв. Местоположение предположительное
16. Варяжская улица, восходит к раннему средневековью
17. Грунтовый могильник X в. на Варяжской улице
18. Церковь Симеона Богоприимца (до 1500 г.)
19. Успенский монастырь XII–XX вв. с церковью Успения Богородицы
20. Сопка VIII–X вв. в парке бывшей усадьбы Томиловых и Шварцев
21. Каменная церковь Рождества Иоанна Предтечи на Малышевой горе. XVII в.
22. Группа сопки к северу от Малышевой горы. VIII–X вв.
23. Урочище Сопки с «Олеговой могилой». VIII–X вв.
24. Группа сопки IX–X вв. вблизи деревни Велеша
25. Селище XI–XIII вв. на территории деревни Велеша

ПРАВЫЙ БЕРЕГ ВОЛХОВА:

26. Сопки VIII–X вв. у деревни Лопино
27. Сопка VIII–X вв. на первой террасе берега Волхова
28. Курганы в урочище Плакун. Вторая половина IX – начало X в.
29. Группа сопки на берегу Волхова в урочище Плакун. VIII–X вв.
30. Васильевский погост с церковью св. Василия Кесарийского. XVII в.
31. Сопки VIII–X вв. у мызы помещицы Тугариновой
32. Селище X–XV вв. у мызы помещицы Тугариновой
33. Курганы IX–XI вв. (?) у реки Любша
34. Городище в устье реки Любша. VII–VIII, IX–X и XIII–XIV вв. (первые обитатели поселения появились в I–V в. н. э.)
35. Поселение X–XIII вв. между устьем реки Любша и деревней Горчаковщина
36. Поселение X, XII–XIV и XV–XVI вв. на территории деревни Горчаковщина
37. Группа сопки VIII–X вв. в деревне Горчаковщина

LEFT BANK OF THE VOLKHOV:

1. Village of Knyashchina. Dating from the early Middle Ages
2. Cluster of *sopki* (barrows) in Knyashchina. Dating from the 8th–10th century
3. Pobedishche Tract. The southern cluster of barrows and the *selishche* (ancient settlement site). Dating from the 8th–10th century
4. Pobedishche Tract. The northern cluster of barrows. Dating from the 8th–10th century.
5. Mounds on the Zakliuka River. Dating from the 9th–11th century
6. Mounds and a settlement on the territory of the former estate of the landowner von Balk. Dating from the 9th–10th century (?)
7. Mounds east of the Zakliuka River. Dating from the 9th–10th century
8. Monastery of St. Nicholas with the Cathedral of St. Nicholas. Dating from the 12th–20th century
9. Burial ground. Dating from not later than the 9th century
10. Zemlyanoe Gorodishche (Earthen Town) with the 8th–17th centuries cultural stratum, ramparts and bastions dating from the 1580s. The lower part of the Church of St. Clement
11. Masonry fortress. Dating from the late 15th– early 16th century. Built on the remains of the stone fortifications erected in the 9th– early 10th and early 12th centuries. The Church of St. George (1165–66) in the fortress and the 17th-century church of St. Demetrius of Thessalonica
12. Masonry Church of Our Saviour the All-Merciful. Lower part. Third quarter of the 12th century
13. Masonry Church of the Resurrection of Christ. Lower part. Third quarter of the 12th century
14. Mounds of the Ladozhka River. Dating from the 9th–11th century (?)
15. Church of St. Peter. Dating from the 11th–12th century. Location hypothetical
16. Varangian Road. Dating from the early Middle Ages
17. Burial ground on the Varangian Road. Dating from the 10th century
18. Church of St. Simeon the God-Receiver. Before 1500
19. Convent of the Assumption of the Virgin with the Church of the Assumption of the Virgin. Dating from the 12th–20th centuries
20. Barrow on the territory of the former estate of the Tomilovs and the Schwarzes. Dating from the 8th–10th century
21. Masonry Church of the Nativity of St. John the Forerunner on Malysheva Gora. Dating from the 17th century
22. Cluster of barrows north of Malysheva Gora. Dating from the 8th–10th century
23. Sopki Tract with Oleg's Grave. Dating from the 8th–10th century
24. Cluster of barrows near the village of Velesha. Dating from the 9th–10th century
25. *Selishche* (ancient settlement site) in the village of Velesha. Dating from the 11th–13th century

RIGHT BANK OF THE VOLKHOV:

26. Barrows near the village of Lopino. Dating from the 8th–10th century
27. Barrow on the first terrace of the Volkhov bank. Dating from the 8th–10th century
28. Mounds in the Plakun Tract. Dating from the second half of the 9th–early 10th century
29. Cluster of barrows in the Plakun Tract, near the Volkhov. Dating from the 8th–10th century
30. Vasilyevsky (St. Basil's) Graveyard and the Church of St. Basil of Caesarea. Dating from the 17th century
31. Barrows near the farmstead of the land-owning lady Tugarinova. Dating from the 8th–10th century
32. *Selishche* (ancient settlement site) near the same farmstead. Dating from the 10th–15th century
33. Mounds near the Liubsha River. Dating from the 9th–11th century (?)
34. *Gorodishche* (ancient town site) in the mouth of the Liubsha River. Dating from the late 7th–8th and 9th–10th centuries, and the 13th–14th century (the first settlers arrived between the 1st and the 5th centuries AD)
35. Settlement between the mouth of the Liubsha River and the village of Gorchakovshchina. Dating from the 10th–13th century
36. Settlement in the village of Gorchakovshchina. Dating from the 10th, 12th–14th and 15th–16th century
37. Cluster of barrows in the village of Gorchakovshchina. Dating from the 8th–10th century

Staraya Ladoga: Ancient Capital of Rus

Staraya Ladoga, a small village in the Leningrad Region, lies on the River Volkhov, 128 kilometres north of St. Petersburg. Before 1704, it was known as the town of Ladoga. Founded in the mid-eighth century, it remained, until the mid-ninth, Northern Russia's largest settlement of north Slavic and Finnish tribes: the Slovenes, the Krivichi, the Meri, the Ves and the Chud. It might have been the seat of a local Slavic dynasty, of which the last member, according to an obscure source, was Prince Gostomysl.

As it is attested by the Primary Chronicle, a high-born Norseman named Rurik was summoned to Ladoga in the year 862, together with his brothers and army. The town on the lower Volkhov thus became the capital of Northern Rus. The place remained the home of the Ruriks, a princely dynasty that ruled Russia, until the late sixteenth century. In the early eleventh century, the Ladoga area had been given to the wife of Prince Yaroslav the Wise, Swedish princess Ingigerd, as a wedding present; towards the end of the same century, however, it passed into the hands of the Russian administration. Between the thirteenth and the fifteenth centuries it was a Novgorodian town and fortress, and from the late fifteenth through the seventeenth century, part of the Muscovy State.

The period between the eighth and the twelfth centuries saw a considerable enhancement of Ladoga's importance, the town becoming quite prominent as a factor in European history. It ranked among the oldest Baltic towns, remaining the easternmost sea port in that area. Its rapid growth in the second half of the eighth and in the ninth century was due to its key position on the Eurasian Baltic-Volga and Baltic-Black Sea trading routes that passed along the largest rivers of the Russian Plain, the Volga and the Dnieper, leading on to the Arab Caliphate and Byzantium. Ladoga controlled a large part of the waterway along the Volkhov, Lake Ladoga and the River Neva. The town itself with the adjoining area was located along a considerable length of the waterway, stretching for 65 kilometres from north to south in the lower reaches of the River Volkhov.

The area was notorious for the Volkhov and the Pchev rapids. The crews recruited in Ladoga guided merchant marine convoys through the falls. At Ladoga, the cargoes were transferred from sea-going vessels to flat riverboats. However, there seem to have been all-purpose ships, too, eight to twelve metres long, fit for sailing the seas and rivers alike. During the early Middle Ages, Ladoga was Russia's northernmost town and administrative centre, its sphere of influence extending from Lake Onega on the east to the Vod lands on the west. For this reason, Ladoga can be described as the historic predecessor of St. Petersburg, for it symbolized the desire on the part of the Russians to have free access to the Baltic. In Ladoga, one was likely to meet Slavs, Finns, Norsemen, Saxons, Volga Bulgars, Khazars, Arabs and members of various European nations. That town on the lower Volkhov became a trans-shipment point for furs, weapons, boats, slaves, ornaments, fabrics, luxury articles and household utensils. It was chiefly via Ladoga that the Baltic countries received, in the eighth and ninth centuries, Arab dirhams, the major tender of the day. As early as the first centuries of its existence Ladoga developed into a highly important European trading centre. At a later stage, it affirmed its commercial status in the context of Hanseatic trade. It was through Ladoga that Hanseatic towns established business links with Novgorod and other old Russian towns.

Staraya Ladoga's architectural monuments and archaeological sites reflect twelve centuries of Russian history. Their bulk is concentrated on a narrow two-kilometre-long riverside, chiefly on the left bank of the Volkhov. Historically, the settlement began on the promontory at the confluence of the Volkhov and the Ladozhka, which features a late-fifteenth-century stone citadel with five formidable multi-tiered artillery towers. Rising behind the citadel walls is the Church of St. George, dating from the 1160s and decorated with world-renowned frescoes of supreme artistic merit. Architecturally, the discovery of the citadel's two masonry predecessors within its walls came as a surprise. One of them had been constructed in 1113-14 by Prince Mstislav the Great, the last ruler of the Kievan State. Here and there its stone walls, built of slabs and mortar, practically stand their original height of about 8 meters, owing to the fact that they were partially built into the masonry of a fifteenth-century structure. Mstislav's citadel is an extremely rare instance of the masonry fortification of the period, built as it was at a time when wooden defences were prevalent in Russia. The other unearthed citadel was built of slabs and clay. It had a rampart and a tower constructed inside the walls rather than outside. Dating from the late ninth or early tenth century, this stronghold seems to belong with the oldest masonry fortifications in Russia. In all evidence, it was built by Prince Rurik's successor Oleg, nicknamed 'the Wise' (or 'the Prophet'), to repel Norsemen's attacks in case of invasion.

On the south, the masonry citadel is adjoined by what is known as the Earthen Gorodishche (Town), a bulwark built between 1584 and 1586 to fortify the southern approaches to the masonry citadel. It is the territory of the Earthen Town that has yielded the most valuable archaeological finds. The excavations have been in progress since 1909. Today, they are carried out by the Staraya Ladoga Archaeological Expedition organized in 1972 by the Russian Academy of Sciences' Institute of Material Culture, and headed by Anatoly Kirpichnikov, the present writer. Members of the Expedition include college and university students from St. Petersburg, Moscow and other towns. At various times, it has had in its ranks students and scholars from Poland, Germany, Belgium, Denmark, Sweden, Finland and Norway.

In recent years, the Staraya Ladoga dig has been financed by the government of the Leningrad Region. Other agencies that have supported research into Staraya Ladoga include the Ministry of Culture of the Russian Federation, the Integratsiya targeted federal program, the Reformy i Politika public foundation, a number of private companies, and the Kazan Soviet of People's Deputies, Tatarstan. What is particularly worthy of note is the effort of the Leningrad Region's Pushkin State University students. The Expedition would welcome all international participants who might wish to work at Staraya Ladoga.

The Earthen Town's cultural layer is 3 to 5 meters thick; it has yielded a large number of artifacts and fragments of wooden structures descended from between the eighth and the tenth centuries. Owing to considerable dampness, the objects made of wood, fabrics and leather, as well as the fragments of wooden houses, have survived in an excellent state of preservation. No other site in the whole of Russia can match Staraya Ladoga in terms of well-preserved finds pertaining to construction, culture and crafts characteristic of the early Russian towns that had evolved into international sea ports of northern European caliber. The finds include Scandinavian buckles and pins, Frisian combs, Mediterranean beads, Baltic amber, Finnish utensils, Arab coins, Baltic pendants and head ornaments, glassware

from the Caucasus and Central Asia, and Slavic temple-rings. Also unearthed were parts of a compact settlement consisting of one, two and three-room houses and utility structures. Traces of jewellery manufacture were found practically in every house. It appears that between the eighth and the tenth centuries the Ladoga townsfolk produced articles made of glass, bone, bronze, amber, iron and, last but not least, wood. They would barter some of those, or sell them to their Finnish neighbours, or else export them to faraway lands. In excavating the Earthen Gorodishche (Town), the Staraya Ladoga Archaeological Expedition led by Dr. Yevgeny Ryabinin found Europe's oldest smith-cum-jeweller's workshop with a set of 28 tools that had belonged to a versatile master who even knew how to overhaul a ship. The workshop was operational in the 750s; in other words, an itinerant craftsman set it up in Ladoga almost concurrently with the town's foundation. It was also in the Earthen Town that the dig discovered uniform parcels of land allotted for housing and manufacturing purposes in the latter ninth century. Those strips were about 7 metres wide, divided by ditches. The inhabitants used to produce and, notably, export their wares by boat. This type of parcellation is a rare example of early town planning, subsequently adopted by many European towns. To the north of the Earthen Gorodishche, near the ancient Varangian Road surviving today, Dr. Valery Petrenko unearthed traces of an ancient town from the latter half of the ninth or the tenth century, with a large-sized structure measuring eleven by eleven metres. The structure seemed to serve a community purpose: it might have been a sanctuary, a muster point or a venue for public gatherings and feasts.

In surveying Staraya Ladoga's historical topography, we must not miss the Convent of the Assumption with structures from between the twelfth and the early twentieth centuries, which stands to the north of the stone citadel. It is dominated by the Church of the Assumption built in the mid-twelfth century. It used to be a parish church in one of the urban districts. The late-seventeenth-century Church of St. John the Forerunner on Malysheva Gora (Hill) marks the northern boundary of today's village. It was built on the site of a monastery founded in the thirteenth century if not at an earlier date. In 1991, the Church of St. John the Forerunner became the first surviving ecclesiastical building in that locality to be returned to the Russian Orthodox Church and to resume divine services.

On the south boundary of Staraya Ladoga is St. Nicholas' Monastery. It centres on the Church of St. Nicholas, which was probably started in the mid-twelfth century and then almost completely rebuilt on the old foundations. Originally, St. Nicholas's must have been a parish rather than monastic church dominating one of the urban districts. The Monastery boasts its late-seventeenth-century belfry and the Church of St. John Crisostom, designed by the architect A.M. Gornostaev in 1961-73 to resemble a kind of Roman basilica. Today, St. Nicholas' Monastery has been returned to the Russian Orthodox Church. In 2002, it received small bits of the relics of St. Nicholas of Myra-Lycea, delivered from Bari, Italy.

Between the twelfth and the fifteenth centuries Ladoga was divided into five districts, each having a church of its own. The major district was the one centering on the citadel, with the Church of St. George. All of the town's masonry churches were built and decorated within a very brief time span, an accomplishment that was without precedent. In addition to the two mentioned above, their number included the Church of St. Clement, the Church of the Savior and the Church of the Ascension. The large-scale construction projects, as well as urban developments, were probably sponsored by the laity: well-to-do mer-

chants and craftsmen. In fact, Ladoga is credited with evolving the small-sized cross-and-dome church type with four pillars, three apses and one dome, which subsequently spread to Novgorod and other Russian towns.

The urban territory, originally occupying an area of 10 to 12 hectares, expanded to 14 or 15 hectares in the twelfth century and to 16 or 18 hectares in the sixteenth. Its population must have been somewhat in excess of 1,000 in the tenth century. The residential area, including monumental buildings, was surrounded with distinctive landmarks: scenic tracts, barrows and, most notably, *sopki*, steep-sloped burial mounds, where the inhabitants of Ladoga would be buried, as was customary, in common graves. The mounds were arranged along the Volkhov in such a way as to be clearly visible from oncoming and outgoing boats. They served to remind the living of their dead ancestors and formed, as it were, a sort of ceremonial sacral road. One of the largest and most impressive mounds, about ten meters high, is believed to be the grave of Prince Oleg (879-912), Rurik's successor, who united the northern and southern territories of Russia.

With regard to the unique value of the whole complex of local landmarks and their pertinence to Russian and European culture, the Council of Ministers of the Russian Federation resolved in 1984 that a national architectural and archaeological museum and heritage preserve be established in the Staraya Ladoga area. The 200-hectare territory, with all of its historic monuments and archaeological sites, prominent eighteenth- and early-twentieth-century buildings and the medieval cultural layer, was placed under special protection. The Museum and Heritage Preserve has organized a number of displays in the historic buildings located in various parts of the village. The Staraya Ladoga Archaeological Expedition, collaborating with the Museum and Heritage Preserve, has provided new ideas and reference points for evaluating Staraya Ladoga's past and its role as a Russian and international centre for culture, crafts and architecture, a focal point of economic, political and military history. Staraya Ladoga's priceless heritage deserves to be recognized on a national and worldwide scale.

Anatoly Kirpichnikov

Frescoes of the Church of St. George in Staraya Ladoga: A Synopsis

The frescoes in Staraya Ladoga's Church of St. George belong with the world's finest masterpieces of medieval mural painting. Dating from the last third of the twelfth century, they were still taken as models in the fifteenth; in the seventeenth century, however, they were partially knocked down or covered with whitewash and finally fell into oblivion. It was not until the late eighteenth century that a long and painstaking process of their rediscovery, appraisal and investigation began. In the early nineteenth century, the Church of St. George was duly noticed by those who were interested in antiquities and investigated, at an early stage, by the emerging school of medieval studies in Russia. In the latter half of the nineteenth century the Church itself as well as its frescoes came under close scholarly scrutiny and in fact became the first published monument of Old Russian mural painting. However, it was only in recent years, after a long restoration period, that the Church of St. George and its frescoes have appeared before us in a state of complete preservation; this monument, therefore, can now be evaluated in an unbiased manner.

The Staraya Ladoga frescoes have survived in a number of large fragments remarkable for their perfect compositional integrity and expressiveness. The Church interior is dominated by the excellently preserved drum decoration centring on the image of Jesus Christ from the Ascension composition. He is shown seated on the rainbow, surrounded by eight angels carrying a sphere with His figure. Depicted below are the figures of the Virgin, two Archangels and the twelve Apostles, witnesses to the glorious ascension of God the Son. The piers between the drum windows are filled with the figures of eight Old Testament prophets who predicted the Advent of the Saviour.

Large painted surfaces survive in the Church's altar apses. The conches of the side apses are filled with huge figures of two Archangels shown as Celestial Guards. The depictions of the Archangels, with their wings spread wide behind their backs, are skilfully arranged on the confined, curvilinear conch surfaces, so that their proportions look perfectly balanced in spite of the considerable foreshortening. A deep knowledge of the principles of perspective peculiar to the Staraya Ladoga masters attests to their consummate skill as fresco painters thoroughly conversant with the sophisticated laws of foreshortening in mural painting.

A fragment of the Liturgy of the Holy Fathers composition survives over the archbishop's stall in the central altar. The subject, which gained currency in Byzantine art after the mid-twelfth century, provided a symbolic representation of the Heavenly Service celebrated by the assembly of the Holy Fathers of the Church concurrently with the service held in the temple.

The frescoes on the side apses were devoted to two cycles of the lives of saints. The apocryphal scenes of Mary's childhood based on The Book of James were arranged in the altar. The only extant scene of this cycle is Joachim and Anne, which shows the Virgin's parents bringing purifying gifts to the Jerusalem Temple. Scenes of the life of St. George, the Church's holy patron, featured in the deacon apse. The only surviving scene is St. George and the Dragon, a masterpiece of medieval Russian painting. Its immaculate pictorial quality and compositional structure combine with a profound insight into the subject

and originality of interpretation. St. George, majestically seated on his mount as befits the celestial messenger, humbles the beast – not by his military prowess, but by sheer force of his prayer. This scene, therefore, provides an unusual treatment of the concept of humbleness, one of the cardinal Christian virtues.

Extant alongside the above-mentioned images are the figures of holy martyr-warriors, the Prophet Daniel, St. Mary Magdalene and St. Nicholas the Miracle-Worker, as well as fragments of the Baptism of Christ and the Last Judgement.

Surviving to this day is no more than a quarter of the original painted surface; nevertheless, the frescoes, albeit in a fragmentary state, are striking for their superb artistic quality. The team of three or four mural painters employed to decorate the Church of St. George succeeded in creating a remarkably harmonious and integral ensemble, which is united by a subdued colour scheme, a strictly canonical set of artistic techniques and devices and unified principles of proportion and space correlation, perfectly commensurate with the small scale of the Church itself. The artistic features of the Staraya Ladoga frescoes prove that the masters responsible for their execution were well versed in the classical tradition of Byzantine art and, indeed, seem to have been natives of Byzantium. In fact, Greek artists were frequently summoned to work in Rus; they did not merely import Byzantine artistic traditions, but they actively contributed to the assimilation and adaptation of centuries-old Byzantine heritage by the emerging culture of medieval Rus. It is for this reason that the frescoes of the Church of St. George, while being a supreme manifestation of Byzantine artistic genius, remain part and parcel of Russian art.

Vladimir Sarabyanov

На обложке:
Фотография А. Н. Кирпичникова

На титульном листе:
Основные достопримечательности музея-заповедника «Старая Ладога».
Литография Т. Козьминой

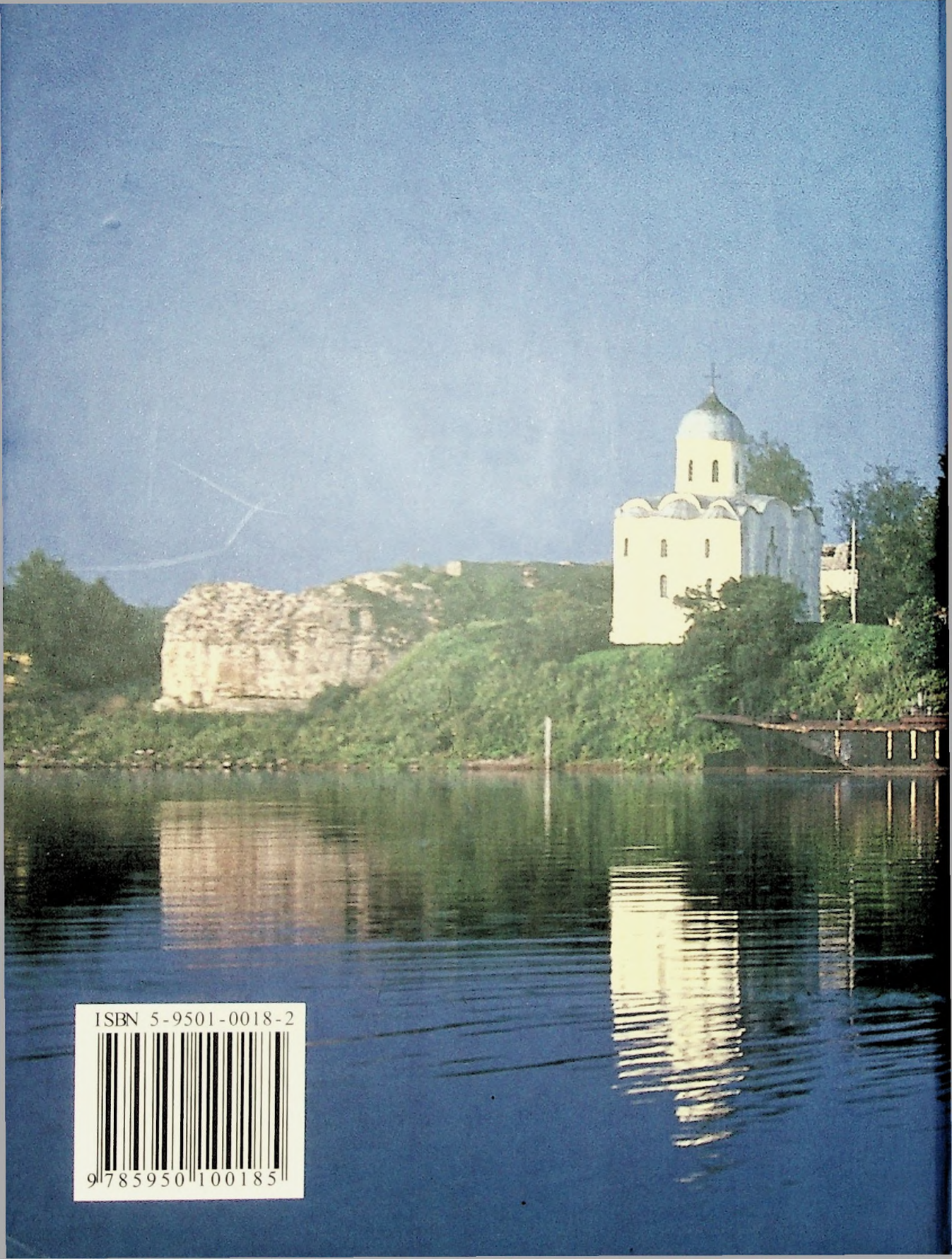
На с. 126–127:
Вид Никольского монастыря. Акварель Д. Иванова и А. Ермолаева. 1809.
Из альбома К. Бороздина. Российская национальная библиотека,
Санкт-Петербург

На с. 158 – 159:
Вид Староладожской крепости с правого берега реки Волхов.
Акварель Д. Иванова и А. Ермолаева. Из альбома К. Бороздина.
Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург

Анатолий Николаевич Кирпичников
Владимир Дмитриевич Сарабьянов
Старая Ладога. Древняя столица Руси
Иллюстрированная книга
на русском и английском языках

Младший редактор М.Е. Трофимова
Корректор текста на английском языке И.Н. Стукалина

АО «Славия», 191186 Санкт-Петербург, ул. Миллионная, д. 25, оф. 58
Отпечатано типографией «НП-Принт», Санкт-Петербург

ISBN 5-9501-0018-2

9 785950 100185